

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

07

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2007 — 4(8)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА	3
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА К 90-летию величайшего эксперимента истории.....	4
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА Лев Толкалин. Наш одноклассник Юрий Гагарин (повесть).....	16
МАЛАЯ РОДИНА Виктор Греков. Белевские горошины (книга рассказов).....	59
НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА Алексей Яшин. Один день в конце века.....	70
ТУЛЬСКИЕ ПОЭТЫ-ЮБИЛЯРЫ Михаил Абрамов.....	81
Николай Боев.....	87
Николай Дружков.....	93
Виктор Пахомов.....	98
Валерий Ходулин.....	105
Михаил Шпилевой.....	113
АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА Михаил Шепелев. Протест.....	117
Валерий Маслов. Спешу поделиться.....	123
Иван Беляев. Беспризорник.....	127
Людмила Гайдукова. Рыбка.....	129
Александр Хадарцев. Неразгаданная загадка.....	132
Сергей Ефанов. Жмот.....	137
Надежда Скоробогатова. Короткие рассказы.....	153
РЕВОЛЮЦИЯ В ОБРАЗАХ ПОЭЗИИ Олег Кочетков. Воля — волчица.....	158
У НАС В ГОСТЯХ Влада Волновская. Стихи.....	164

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Николай Боев, Михаил Крышко. «Нам не дано другой страны...» (О книге В. Савостьянова «Однолюб»)	168
Владимир Сапожников. Очередной литературный гамбит Алексея Яшина	171

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

От ведущего рубрики	173
Имажинисты: Коробейники счастья. Александр Кусиков. Вадим Шершеневич	174

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ: МНЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ

Владимир Жириновский. Иван, запахни душу!	185
Геннадий Зюганов. Ленин и Революция	192
«Русский народ, освобожденный Лениным, никогда не допустит, чтобы его снова превратили в раба» (Ромен Роллан, Генрих Манн, Теодор Драйзер, Бернхард Шоу — о В. И. Ленине)	195

НЕПРАЗДНИЧНЫЕ ДАТЫ

От редакции	198
Александр Проханов. 1937 — год «сталинской метлы»	199
К 140-летию уступки Российской империей Северо-Американским Соединенным Штатам Аляски и Алеутских островов	
Николай Дронов. Горькой памяти Аляски	202
Алексей Третьяков. Что имеем, то не ценим. (К началу разбазаривания русских земель)	205

ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ:

ВЛАСТЬ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И КУЛЬТУРА

И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Относительно марксизма в языкознании	212
--	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ ЖУРНАЛА

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на дискете и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи объемом менее одного авторского листа не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.
Адрес: 300026, Тула, а/я 1842, А. А. Яшину; e-mail: niinmt@mednet.com; тел.: (4872)33-22-09

Главный редактор Алексей ЯШИН

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Валентин КИРЕЕВ (Новомосковск)
Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
Валерий МАСЛОВ — координатор межрегиональных связей
Николай МИНАКОВ — зам. главного редактора (публицистика)
Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск)
Наталья ПАРЫГИНА
Виктор ПАХОМОВ — первый зам. главного редактора
Валерий САВОСТЬЯНОВ — зам. главного редактора (поэзия)
Владимир САПОЖНИКОВ
Константин СТРУКОВ — отв. секретарь
Александр ХАДАРЦЕВ
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы
Наталья ХАНИНА

Технический редактор Марина БАЛАНЮК

Учредители:

Редколлегия журнала «Приокские зори»
Тульская писательская организация Союза писателей России
Тульский государственный университет

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте интернета: www.medtsu.tula.ru

© «Приокские зори», 2007

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»!

Настоящим номером мы завершаем второй полноформатный год издания журнала (в 2005 году был издан один пробный номер). Поздравляем всех авторов и читателей. За прошедшее время журнал стал подлинно межрегиональным, получил всероссийскую известность, тираж увеличился в пять раз, непрерывно возрастает качество публикуемых материалов, сформировалась действенная редколлегия из известных писателей Тулы, Москвы, Коломны, Новомосковска, Белева и Плавска. Через библиотечную сеть журнал стал доступен любому жителю Тулы, Тульской области и ряда других городов России: Москва, Петрозаводск, Фрязино, Воронеж и др. А поскольку все номера журнала, начиная с № 1, 2006, представляются в Интернете, то в электронном виде он доступен всем читающим по-русски в мире.

Редколлегия постоянно работает над улучшением качества публикаций и внешнего вида журнала. Начиная с последующего номера, в цвете даются иллюстрации на 2-й и 3-й страницах обложки, а по просьбе библиотек название и номер журнала печатаются на торцах. До конца 2007-го года мы планируем получить госрегистрацию в «Россохранкультуре», а через год-полтора сделать журнал подписным в системе «Роспечати».

Еще одно полезное нововведение: начиная с этого номера, раз-два в год будут выходить тематические номера. Этот полезный опыт мы переняли у ведущих российских периодических изданий. В частности, № 1, 2008 будет посвящен 140-летию со дня рождения великого русского и советского писателя Алексея Максимовича Горького (род. 16(28) марта 1868 г. в Нижнем Новгороде).

Настоящий же номер по своему подбору материалов связан с 90-летием Великой Октябрьской социалистической революции — событием всемирного значения, непреходящим в истории нашей страны.

Редколлегия журнала «Приокские зори»

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

(К 90-летию величайшего эксперимента истории)

Настоящий номер журнала выходит сразу после 90-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Эту дату отметили почти все литературные издания страны: как «с именем», так и пока не обретшие его. Лейтмотив здесь задала «Литературная газета» в № 29 (18–24 июля 2007 г.) началом цикла публикаций «Анатомия революции», открыв его, конечно же, А. Солженицыным. Далее на страницах «ЛГ» в дискуссии «Уроки Октября: взгляд из XXI века» выступили известные историки, писатели, политологи: В. Логинов, А. Салуцкий, С. Кара-Мурза, И. Фроянов, А. Мухин и др.

Общий тон публикаций соответствовал либеральному статусу сегодняшней «ЛГ», в последние год-два несколько полевевшей. Может, чтобы окончательно не растерять читателей и авторов. Наш журнал — надполитический, да еще и с «провинциальной ориентацией», отсюда и некоторая общая тональность помещенных в номере материалов к Юбилею, которые мы здесь предвараем.

Несомненно, что Октябрьская революция была выражено социалистической, как Великая Французская революция 1789 года — буржуазной, а перманентная, но тоже революция в Москве 1991–1993 гг. (провинция или как тогда говорили — периферия — проглотила ее молча) — никакая не демократическая, но выражено антикоммунистическая. Это видно даже из «бренда» СМИ после августовских и ноябрьских событий: собственно антикоммунизм и лихо пристегнутый к нему антисоветизм, антисталинизм (в первую, конечно, очередь), антимарксизм, антиленинизм и пр., и пр. Самое существенное, что в ельцинский период антикоммунизм на какое-то время стал государственной идеологией. А СМИ, лишь отчасти направляемые из Кремля, как ОРТ — В. Березовским, под этот жупел и всю русскую, советскую культуру, науку, технику по-большевистски объявили тяжелым наследием тоталитаризма... Вечно легкие на подхвате, особенно если можно урвать.

Ненависть пришедших к новой власти (или кто их поставил на нее?) достигла кульминации в середине 90-х гг. И это понятно: железо надо ковать, пока оно горячо, а тогда им довольно мощно противостоял ограбленный и униженный народ, а главное — левая, коммунистическая законодательная власть. Отсюда и определенное кликушество СМИ, символом которого стало назойливое гробокопание — призывы вынести тело В. И. Ленина из Мавзолея. И братушек-болгар в пример: дескать, они Георгия Димитрова вынесли и мавзолей его взорвали. Ну-у... про братушек лучше умолчим; они как-то уж всегда торопятся впереди лошади. Где-то в июне этого года Буш, который младший, посетил с инспекцией Софию, так молодежавый братушка-президент даже публично попенял старшему брату: что ж, мол, Георгий Георгиевич (Дж. Дж.), обижаете нас: в Чехии и Польше РЛС и ракеты (понятно, против кого направленные) устанавливаете при тамошнем народном супротивлении, а мы-то всей душой, да зараз... а вы к нам даже не обратились. Генерал Черняев, освободитель Болгарии от турок, в гробу перевернулся.

Но — давайте к нашим делам, коль скоро речь идет о символе Октябрьской революции — Владимире Ильиче. Уже скоро будет под двадцать лет, как демСМИ начинают в апреле месяце стандартную кампанию. Перед этим из элитных психлечебниц выпускают несколько старейших демократок-диссиденток (мужики на это дело не

ключают), которые по всем теле- и радиоканалам вопиют о выносе тела «основоположника тоталитарной системы и ГУЛАГ'а». Эстафету принимают осанистые, хорошо питающиеся православные попы, донельзя обрадованные посыпавшимися на них милостями новой власти (Муллы, раввины, ламы и протестантские пасторы благоразумно молчат): надо, братья и сестры, выносить и по христианскому обычаю дать упокоиться душе и телу под землицей. Напрочь забывают отцы и служители православной церкви о тысячах святых, чьи нетленные мощи выставлены в храмах, о миллионах христиан (правда, состоятельных), покоящихся в склепах, то есть мавзолеях. Забывают они и о Спасителе Мира, который воскрес отнюдь не из-под двухметрового слоя земли.

...Но — это на их совести, а у гробокопателей от СМИ и дурдомов ее нет по определению. И так каждый год, исключая нынешний. Осечка вышла; не было бы счастья, так несчастье помогло. Этой весной их опередили вольнолюбивые (и СС-любивые) эстляндцы, плюнувшие прямо в лицо униженной России, устроив ритуальное перезахоронение советских воинов в Таллине (бывш. Ревель) с одновременным жестоким избиением тамошних русских. Почти весь мир возмутился, только наши власти как-то вяло отреагировали. Однако СМИ не решились в этот год открыть мавзолейную кампанию. Даже им стало неудобно.

Поэтому и пока: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» И слегка измененное из классики: я говорю: революция, подразумевая — Ленин; я говорю: Ленин, подразумевая — революция! И так далее, но одно несомненно: с 17-го года и по нынешнее время в стране и в мире Октябрьская революция однозначно связана с именем Ленина. Причем — это не был культ, как, например, очень короткий у Троцкого и достаточно продолжительный (и сейчас во многом продолжающийся) у Сталина. Первый сам его себе создавал в штабном вагоне главнокомандующего Красной армией, а вот в отношении Иосифа Виссарионовича не все так просто, как пытаются внушать уже полвека сначала хрущевско-брежневский агитпроп, а сейчас российские СМИ. Свой культ Сталин сам себе не создавал, ибо не являлся, как тот же Троцкий, человеком тщеславным и себялюбивым. Нет, создание культа личности было глубоко продуманным, своевременным, а главное — коллегиальным решением руководства страны, закрепленным Пленумом ВКП(б) в тридцатых годах. Внутренняя и внешняя политика СССР того требовала, а огромная роль культа в Великую Отечественную войну и в послевоенное восстановление страны вообще можно полагать гениальным предвидением.

...Культ Ленина, но уже после его смерти, также явился «служебным», но еще раз повторимся: роль Владимира Ильича в создании первого в мировой истории социалистического государства первостепенна, а это уже не культ, но всемирное признание, всенародная (в СССР) любовь и почитание. Ленин оказался нужным человеком в нужное время и в нужном месте — все в строгом соответствии с материалистическим (исторический материализм, марксизм) обоснованием роли личности в истории. О пространственно-временной нужности Вождя революции достаточно объективно сказано в каноническом «Кратком курсе», но новое время требует и более расширенного прочтения истории. Поэтому посмотрим «современными глазами» на русскую, социалистическую революцию в различных ракурсах.

Традиционный русский-российский-советский, называй, как нравится, человек изначально политизированный. Поэтому изложение любого вопроса у нас принято вести *ab ovo**, то есть ориентируясь на политическую ориентацию аудитории: правые, левые и некто срединные. Правые сейчас в стране представлены новоявленной буржуазией: от лавочников-мешочников («челноков») до воровских олигархов; «оли-

* От яйца (*лат.*).

гархеров», — как говорит наша дворничиха Маша. О роли Октябрьской революции все они, в основном, ничего не думают. И говорить не о чем. Но весьма говорливы условно относимые к правым монархисты типа ряженных в «городские казаки» и части интеллигенции. Символом их благоглупости стал давний фильм «Россия, которую мы потеряли». Их можно понять, но лучше посочувствовать. Они живут прошлым, впрочем, как и почти все мы пока живем советским прошлым. Мы с ними — братья по ностальгии. Отсюда и отношение новоявленных монархистов к факту свершения Октябрьской революции: неуверенное неприятие.

Обратимся к «среднякам». Они сейчас представлены и партиями, правда, мало-мощными, и достаточно значительными слоями населения: умеренные либералы и обжегшиеся на реальности демократы, творческая интеллигенция «в строю», неудачники от частной собственности, просто мало что понимающие в современной жизни люди. Впрочем, вся их многоликость и осторожная оппозиционность к власти укладываются в девиз: трудиться не от пупа и получать социальные блага как при социализме, но постоянно быть готовым — если, дай Бог, повезет — перейти в буржуазный разряд, стать частным собственником. Их отношение к факту свершения Октябрьской революции в целом позитивное, но с массой оглупивших их оговорок: вот если бы Гражданской войны не было, церкви не рушили, пресловутого ГУЛАГ'а не существовало и так далее. Словом, по старой московской базарной присказке: сходить на Хитров рынок пятаков на грош купить (по Гиляровскому). Именно в этом срединном слое, зачумленным телевизором в последние 15 лет, в ходу злобный ответ на неприятный для них вопрос: ...вот Ленин 50 миллионов зарезал, а Сталин 100 миллионов расстрелял (по известному какому знаменитому сочинителю).

Современные левые представлены в широчайшем спектре: от высоколобых интеллектуалов до пенсионеров. Впрочем, пенсионеры при любом режиме недовольны; это явление социально-биологическое.

«Где сокровище ваше, там и сердце ваше», — вспомним библейские слова в определении отношения левых к Октябрьской революции, Советской власти, Ленину и Сталину. Впрочем, левые тоже люди с их простительными слабостями, в частности, внушаемостью от СМИ; поэтому к Иосифу Виссарионовичу далеко не все относятся одобрительно. Но историческое значение Октября здесь принимается безусловно.

...Это все на уровне мнения масс-медиа. А вот в интеллектуальной среде господствует разноцветье теорий, среди которых сейчас наиболее популярны конспирология и геополитика (А. Дугин — наиболее яркий ее представитель). Первая утверждает о мировом масонском заговоре, персонифицированном в уничтожении европейских монархий, начиная с Великой Французской революции, а вторая, созданная Карлом Хаусхофером, склоняется к извечной борьбе «суши» и «морья», то есть торгово-атлантических и континентальных держав.

Однако, апологеты обеих этих теорий отмечают, что развитие России после революции пошло иным, ранее непредсказуемым путем. Та же неполнота и других многочисленных теорий. Почему-то все — левые, правые, средние и пр. — не могут, не хотят, опасаются... без эвфемизмов назвать сущность Октябрьской революции: *полная ликвидация частной собственности*. Все остальное: свобода, равенство, братство (*liberte, egalite, fraternite* Французской революции 1789-го года), бесклассовое общество, интернационализм, советский народ как новая, наднациональная сущность и пр. — что называется, прилагается... Доказательство «от противного», как нас учили на школьных уроках математики: недаром же антикоммунистическая (по А. А. Зиновьеву) российская контрреволюция 91–93-х гг. шла под знаменем спешного, почти холерического, насильственного «повязывания» *всего* населения страны кандалами частной собственности: от приватизированных «хрущевок» до лауреатов журнала «Форбс»...

Итак, непреходящее, мировое значение Октябрьской революции — это социально-экономический эксперимент истории: первый, пробный ее шаг по переходу из изживающей себя капиталистической формации к новому, социалистическому типу организации общества. Все согласно диалектике Гегеля, историческому материализму Фейербаха, политэкономии Маркса-Энгельса, практике Ленина-Сталина и даже Троцкого в определенный момент его деятельности. А главное и основное условие такого перехода — ликвидация частной собственности на все и вся. Половинчатые, компромиссные решения здесь (диалектически) исключены. Поэтому не стали социалистическими государствами Третий рейх и Италия Муссолини, несмотря на провозглашение их социально ориентированными государствами. И нынешний Китай все больше откатывается от социализма, допустив частную собственность.

Все мы помним из классики марксизма-ленинизма, что социалистическая революция сначала произойдет в стране — наиболее слабом звене капитализма-империализма. Таковой оказалась Россия. В чем же состояла эта «слабость» с точки зрения (так ее определяют классики «со стороны капитализма») создания оптимальных предпосылок социализации? Здесь и классики, и советский агитпроп — от историка Покровского до «серого кардинала» Сулова — отвечают как-то сбивчиво, в общем. Нам же, пережившим контрреволюцию, сейчас виден более широкий горизонт.

Вроде как сочетание частных факторов достаточно убедительно: а) сильнейшее классовое, социально-экономическое расслоение общества в результате сверхбыстрых темпов капитализации страны; б) выраженная неудовлетворенность крестьянства итогами реформы 1861 года; в) еще более сверхбыстрое расслоение крестьянства, в результате столыпинских реформ впервые столкнувшегося с фактом появления мощного слоя кулаков-мироедов, то есть сельской буржуазии; г) падением класса дворянства, то есть вроде как и эксплуататоров, но в то же время слуг государства и ответственных за подчиненных им людей, значит крестьян; д) введенная еще Петром Первым государственность православной церкви (Синод вместо патриарха), то есть отсутствие ее авторитета среди большинства населения страны; е) крайняя непопулярность Первой мировой войны, куда Россия была втянута извне через кредиты Франции, которой нужен был фронт против Германии на Востоке; ж) скомпрометировавшее себя при Николае II самодержавие как институт традиционной в России власти; з) два важных политических фактора: пломбированный вагон «Ленин с сотоварищи» и нью-йоркский пароход «Троцкий и коллеги»; хотя здесь задачи отправителей революционных штабов были различны: в первом случае — задача Германии вывести из войны восточного противника, во втором... здесь читайте конспирологов и геополитиков.

Итак, все складывается, но остается чувство неудовлетворенности, нет стержневого момента. Но он ведь был! — Это неподвластное людям движение мировой истории методом проб, ошибок, верных и ложных ходов при переходе к следующей, более высшей общественной формации, в данном случае от капитализма к социализму. А социализм предполагает два неперемных условия его осуществления: ликвидацию частной собственности (см. выше) и социальный коллективизм — антииндивидуализм. Вот здесь-то Россия и оказалась слабым (или сильным?) звеном в мировой истории. Ибо доминанта коллективизма и потенциального отсутствия стремления к своекорыстию (частной собственности) уже сформировалась в русском народе за его тысячелетнюю историю, благодаря ряду (может и случайно?) скоррелировавшихся факторов, а именно, следующих.

Коллективизм крестьянской страны России, особенно со времен владимиросудальской, тверской и, наконец, московской консолидации, исторически обусловлен земледелием (не скотоводством, не торговлей, не профессиональным завоевательством и пр.), причем в преобладающей зоне рисковости последнего. Более или менее минимально-достаточное «пропитание» государства здесь было возможно

только при коллективной взаимопомощи не только (и не столько!) в рамках деревни-села-общины, но и вплоть до государства. Не будем столь уж оригинальными, если скажем: уникальное в своей основе русское крепостное право с сочетанием ответственности помещика за своих крестьян (строгая отчетность по ревизским сказкам, поставка рекрутов в армию, резервные хлебные амбары на случай неурожая и так далее, вплоть до снабжения крестьян овощами, дабы не отвлекать их от основного хлебопашества) с общиной, которая архистрого смотрела за равноправием своих членов (регулярные уравнильные переделы земельных наделов), было — и относительно европейской истории поздно — введено московскими царями не злоумышленно, но исходя из государственной рачительности. Пора все же отойти от пролеткультовской истории Покровского, где все цари — идиоты, узурпаторы, а помещики — истязатели своего народа. Таковыми на самом деле стали только фабриканты-заводчики — типа Путилова — эпохи русского империализма.

...Отсюда же и неприлично поздняя (в глазах «западников») реформа 1861 года. Действительно, несколько не по себе, жутковато становится, когда подумаешь: это ведь у нынешних людей среднестаршего возраста всего лишь прадеды были крепостными, а у 70–80-летних (дай им, бог, здоровья!) и вовсе деды-бабки. То есть все в рамках ближайших поколений. Скорее всего — а историки при желании могут и документально подтвердить — столь очевидное затягивание с отменой крепостного права опять же соответствовало задачам государства. С одной стороны, здесь учитывались интересы дворянства, на котором империя держалась до самого конца XIX века. Но с другой, то же государство понимало: отпускать в «вольное плавание» 90 % населения страны — основу материально-экономического базиса и людского резерва — в условиях рискованного земледелия, с неразвитой агрокультурой, да еще в преддверии надвигающегося индустриализма — это есть акт самоуничтожения.

...Самое существенное, что реформа Александра II, готовившаяся более полувека, сохранила сельскую общину как основу природно-необходимого коллективизма, и помещичье землевладение как базу товарного сельхозпроизводства. Последнее, вообще говоря, себя оправдало, хотя и не в полной мере. Общину же пробовал разрушить Столыпин. Его сейчас всячески хвалят и превозносят. Несомненным позитивным результатом столыпинских реформ было заселение русским крестьянством Южной Сибири, Алтая, Приамурья и Приморья. Правда, полезное это дело расселения скученного центра Европейской России не всегда шло гладко, наталкиваясь на нераспорядительность, бюрократизм, мздоимство, а то и просто идиотизм царских чиновников (нынешние от них недалеко ушли...).

Здесь память детства. Я родился и вырос в Заполярье, на севере Мурманской области, где мой отец, Афанасий Андреевич, с 1936 по 1966 год служил, а потом работал в ведомстве Краснознаменного Северного флота. Но каждое лето наша семья приезжала на отдых в его родную деревню Дворцы, недалеко от Калуги, на реке Угре. Именно в этом месте в 1480 году состоялось знаменитое «угрское противостояние», де-юре завершившее зависимость Руси от Золотой Орды.

Так вот, как всякая русская деревня, Дворцы имели свои выселки — в километре от себя, в пойменном изгибе Угры, в сторону Полотняного Завода. Называли их Амуром. И жили там потомки тех столыпинских переселенцев, что отправились в Приамурье, но вернулись несолоно хлебавши...

Итак, чтобы не растекаться мыслью по древу: невзирая ни на какие перипетии истории, к 1917 году русский народ, то есть крестьянство в своей основе, сохранил исторический коллективизм — общинность. Весьма удачно к нему добавился пролетарский коллективизм: индустриальные рабочие в первом-втором поколениях, еще не оторвавшиеся от крестьянского прошлого, пока не расслоившиеся на подклассы — от изгоев-чернорабочих до рабочей «аристократии».

А теперь перейдем к нестяжательству, второму главному условию социального государства и создавшей его социалистической революции. Пусть не негодуют знатоки истории и просто реальной жизни, не кричат негодуя: «Какую внеисторическую, внеэкономическую ахинею несет автор!» Но твердо уверен и аргументированно: *в тысячелетней России не было частной собственности*. Как и сейчас искусственно насаждаемая, она имела место только короткий срок — где-то с 80-х годов XIX века и до революции. Это фабриканты-заводчики, появившиеся в результате индустриализации страны; помещичьи агрохозяева, инициированные реформой 1861 года; наконец, самый массовый слой — кулаки-мироеды столыпинской реформы.

Во-первых, в тысячелетней истории России это был ничтожно малый миг, который, учитывая биологическую генофенотипическую инерцию поколенного сознания человека, никак не мог изменить коллективную память (менталитет — по-нынешнему языку). А во-вторых и в-главных: именно этот агрессивный натиск частнособственничества и вызвал активное, также не менее агрессивное неприятие подавляющего большинства населения России, в конечном итоге и обеспечившего легитимизацию и победу Советской власти.

...А частной собственности, как ее всегда понимали на прагматическом, особенно протестантском Западе и сейчас в России (по убеждению СМИ), в исторической России действительно не было. Конкретизируем данное утверждение.

«Российская империя есть государство, по-преимуществу, военное», — этими словами начинались школьные учебники в России XIX века (в конце его и в начале XX в. эта формулировка была политкорректно смягчена). И совершенно справедливо самый русский (почти полный этнический немец) царь Александр III на смертном одре (понапрасну, как оказалось) завещал престолонаследнику Николаю: «У России нет в мире друзей, а единственные союзники — ее армия и флот». Именно военная, чаще всего не по своей воле, «специализация» России требовала полной, жесткой государственной организации, а в ней вольнолюбивой (читай: своекорыстной) частнособственности места нет.

Обычно называют субъектов частной собственности в исторической России: царь — главный помещик, дворяне — помещики, купцы и заводчики, церковь — землевладелец. А если объективно посмотреть? — Получается совсем другой расклад. Начнем с царя. Глупой присказке «главный помещик» история обязана Екатерине II, которая во время крестьянской войны Емельяна Пугачева, дабы вдохновить на активное сопротивление поволжское дворянство, подписавшись в манифесте «казанской помещицей».

На самом деле, русские цари частной собственности не имели, ибо были самодержцами, де-юре владельцами 1/6 части земной суши. А поскольку правление было династическое, на многие века, уезжать на пенсию за рубеж они не планировали, счетов в иностранных банках не имели, футбольные клубы в Англии и виллы во Флориде не приобретали. Да, были дворцовые крестьяне, но они приравнивались к государственным, налоги с которых шли на содержание царского двора; это все равно что из бюджета брать. И как иначе содержать руководство государства? Государственное же — это не частное.

Теперь о дворянах-помещиках. Но это ведь не европейские рыцари-разбойники, захватывавшие феоды и нещадно эксплуатировавшие их население. А немецкие маркграфы и вовсе в XVIII веке продавали — в прямом смысле — за океан, в США целые дивизии своих солдат. Русские же помещики суть служилое дворянство (высшее дворянство — бояре и князья, владевшие целыми историческими областями, — было де-факто ликвидировано Иваном Грозным и Петром Первым), поэтому землю с населявшими их крестьянами, до знаменитого «Юрьева дня» свободно менявшими владельцев, они получали «на прокорм» за военную и государственную службу.

Причем до XVIII века статус их поместий был чем-то схож с советскими госдачами. Какая тут частная собственность? Даже добившись в «век царя» — XVIII в. определенных вольностей, дворянство оставалось служилым сословием, в числе прочего несшим перед государством ответственность за своих крестьян. Как уже было сказано выше, типичными частными собственниками часть помещиков стала только после реформ Александра II, организовав товарные сельхозпроизводства (меньшая), либо сдавая землю в аренду (большая). Именно последние стали классическими частнособственниками, живущими на земельную ренту. Итак, и с помещиком разобрались.

Наиболее просто решается вопрос с церковью-землевладельцем. Сам по себе этот вопрос о частнособственности церкви в России некорректен, ибо она есть коллектив, состоящий из небольшого клира и многочисленных прихожан, добровольно содержащих (жертвующих) клир и инфраструктуру приходского храма. То есть приходские церкви в городах и селах никогда не имели доходной собственности: земли, крестьян, даже пресловутых «свечных заводиков».

Несколько иное дело с монастырями. Это хозяйство более сложное и дорогостоящее, нежели приходская церковь. Да, имели место монастырские землевладения, до сих пор сохранилось название «монастырское село». Но, во-первых, сами монахи работали (физически) на себя; во-вторых, до XVII века монастыри исполняли одновременно и функции военных крепостей. Достаточно вспомнить знаменитую осаду Троице-Сергиевской лавры поляками в Смутное время (руководитель обороны монастыря Авраамий Палицын) или оборону Соловецкого монастыря от английской эскадры во время Крымской войны — это уже новейшая история. То есть половину истории России монастыри исполняли и военное назначение, то есть по обязанности содержались государством. А начиная с патриарха Никона и завершая Петром Первым было совершено огосударствление русской православной церкви, лишение и без того небольших земельно-крестьянских владений. Какая тут частная собственность? Как жил в XIX–XX вв. церковный клир (священник, дьякон, дьячок, просвирня, их семья) — вспомните или читайте русскую классику.

Самый запутанный вопрос — это купцы до 80-х годов XIX века. В этот класс входили торговцы, фабриканты, заводчики, судовладельцы и все остальные предприниматели (не путать с нынешним, торгово-спекулятивным содержанием этого слова).

Здесь определенную, негативную тенденцию в оценке русского купечества сформировала опять же русская классика XIX века, в первую очередь пьесы А. Н. Островского и ряд других писателей, например, такой великолепный писатель как Лесков («Чертогон», «Леди Макбет Мценского уезда» и др. произведения). Более правдивую картину нарисовали А. М. Горький, Вяч. Шишков («Угрюм-река»), Ф. Гладков (это еще до «Цемент» и «Энергии»), но опять же тенденциозно. Но все равно у всех на памяти только вечно пьяные, разгульные ухари-купцы из пьес Островского. Здесь и дворянские писатели потрудились, и родной советский агитпроп.

Но давайте посмотрим исторической правде в глаза. Кем же были русские купцы-предприниматели до 80-х гг. XIX века?

Де-юре купцы были свободны в выборе объектов и способов своего предпринимательства. Но в сугубо централизованном, «по преимуществу военном» государстве и на эту деятельность накладывались достаточные ограничения; то что сейчас мы называем (не в нынешней России!) сочетанием плановой и рыночной экономики. Поэтому-то редкий купец 1-й гильдии не имел гражданского ордена от Государя, а то и личного дворянства. Опять же читайте классику. И не дай, бог, какому-то купцу заявить, что он занимается бизнесом, то есть личным обогащением! Его бы свои же выгнали тотчас из гильдии, закрыли кредиты и порекомендовали приставу Фоме Елфидоровичу присмотреться к бывшему купцу... Ибо в гильдейском уставе значилось: купец в своей деятельности преследует целью рост благосостояния, экономической и

военной мощи Российской империи (это в современной терминологии — в оригинале более витиевато...). То есть купец был человеком *полугосударственным*.

Но был еще более существенный момент, который почему-то мало кем принимается во внимание. Вдумчивый читатель поймет — почему. Дело в том, что в классический век русского купечества — в век девятнадцатый — основные его представители были из староверов (старообрядцы, раскольники, скитники-сектанты — это не адекватное их наименование). Почему так произошло? — А по простой причине. Со времен Никона-патриарха и вплоть до 1917-го года государство — с «подачи» огосударственной же православной (никонианской) церкви — жестко преследовало староверов, хотя бы они в разные времена составляли от 20 до 35 % населения России. (Кстати, сейчас в России их численность составляет порядка 8 млн. человек; столько же отказалось в свое время от получения «чубайсовых ваучеров» и свидетельств о присвоении ИНН; это для справки.)

...Вот сейчас пишу (конец июля-месяца), супруга смотрит перед сном в телевизор, а на его экране великая «бабушка российской эстрады», как и 30 лет назад, так же резво скачет в белых сапожках где-то на фестивале в Прибалтике и так же хорошо поет, явно без «фанеры». А по теме вспомнились разговоры старушек на завалинках, когда наша семья в 50–60-е годы приезжала в отпуск в отцовскую деревню Дворцы, где исстари проживали староверы-поповцы (то есть имеющие своих священников и всероссийского архиепископа). Вот и 92-летняя бабушка Агафья, дальняя наша родственница, весь день пропальывавшая немалый свой огород, вспомнила своего деда Пахома: «...Справный был мужик, про Наполеоново нашествие рассказывал нам, внучкам, да помер-то еще молодым, на сто пятом году».

Вот такими были староверы в XIX веке, непьющими, некурящими, невороватыми, двужильными, работающими, сплошь знавшими грамоте... но лишенными очень многих прав, даже после реформы 1861-го года, даже после «Манифеста» 1906-го года. Уже и «черта оседлости» была ликвидирована, а староверам по-прежнему был закрыт путь на государственную, военную, юридическую и пр. службу. Графа в паспорте «староверческое исповедание» (это тогда вместо «пятого пункта» вписывали) закрывала путь в науку, в преподавание, почти всюду закрывала. Разрешалось только крестьянствовать, ремесленничать и заниматься купечеством, то есть жить строго в рамках третьего сословия.

А природная энергия, ум и трезвость поведения требовали своего выхода. Поэтому неудивительно, что уже в первой трети XIX века купечество России по преимуществу состояло из староверов.

В то же время в староверах генофенотипически сложилось, следуя строго понимаемой христианской доктрине, бескомпромиссное неприятие частнособственности и стяжательства («Скорее верблюд пройдет через игольное ушко...» «И изгнал бичом торгующих в храме...»). Как быть? И купцы-староверы нашли выход в том, что принято называть «государственным стяжательством». То есть купец копейку лишнюю не упустит, а это закон предпринимательства, иначе вмиг разоришься, но нажитые капиталы в итоге потратит на благие дела: храмы, больницы, музеи, даже театры, консерватории и «частные» оперы (как у Мамонтова).

...Вот с учетом пространно рассказанного и думайте о частнособственности русского народа к кануну Октябрьской революции. Для полноты картины здесь коснемся русского православия. Имеется в виду не православная госцерковь (со времен Петра I), а христианские, православные основы мироощущения исторического русского народа. Сейчас в оппозиционно-интеллигентских кругах принято с сарказмом произносить: «народ — богоносец». Действительно, на первый взгляд недолюбливал он церковь. Во времена народных восстаний (Разин, Болотников, Пугачев) священников избивали наряду с помещиками. Злоязычие по поводу церкви предела не зна-

ло — Афанасьев целый том таких поговорок собрал (в отличие от первых трех томов поговорок и присказок, четвертый и пятый тома — о церкви и на половые темы, соответственно, издавались «для служебного пользования» академической науки). Самые безобидные из них типа: «Хрен возьмешь с тарелки деньги у попа». И так далее. А уж как скоро народ превратился в атеистов в 20-е годы?! Даже не несмышленишкомсомолисты, начитавшиеся брошюр Льва Давидовича, а и крещенные в веке предыдущем...

Поскольку сейчас дана команда (Кем? — СМИ или теми, кто ими управляет. А кто они? — Это уже по части конспирологов и геополитиков) все валить на батьку усатого, то отметим справедливости ради: основной, сокрушительный удар по русской православной церкви был нанесен именно в короткий срок при правлении Ленина-Троцкого, когда Сталин исполнял в руководстве государства второстепенные роли. А потом просто каток раскатился при Ягоде и Ежове... только Иосиф Виссарионович, воспользовавшись ситуацией Великой Отечественной войны (обычно трактуют наоборот), остановил полное уничтожение церкви, что потом пытался заново сделать «демократ» Хрущев, ныне столь жалуемый СМИ.

Но ведь было! Народ в массе своей, и необязательно из трусости «подпевая власти», от церкви отвернулся. Опять же повторимся: это все — прямое следствие огосударствления РПЦ при Петре Первом, поэтому и церковь стала ассоциироваться в глазах народа с царским государством, которое, как и любое другое государство (это диалектика по Гегелю), не вызывало восторга у 80–90 % населения.

Но и здесь русский народ, как и во многих других отношениях, оказался оригинален — с точки зрения той же заграницы. Негативно относясь к своей церкви, как официальному институту теологической и государственной власти, тем не менее народ в массе своей житейски и нравственно следовал основным канонам православия, то есть практически недеформированному учению Христа*, среди которых важнейший — нестяжательство, то есть отрицание частной собственности.

Говорить можно много и долго, годового комплекта журнала не хватит. Но, надеюсь, смысл понятен: почему Россия, ее народ оказались «слабым звеном империализма» и плацдармом величайшего эксперимента мировой истории в XX веке. Этот эксперимент уложился в 70 лет, то есть в три поколения, а значит, на преемственной памяти и ныне живущих.

Можно оценивать его по-разному, но никого он не оставил и не оставит равнодушным. Вспомним «Поднятую целину» гения русской, советской литературы, а именно разговор поручика, поляка Лятевского и коренного донского казака, более высокого чином Половцева, прячущихся в избе Островнова. И как они оценивают Октябрьскую революцию и создание СССР? — Правильно, хотя бы мировое болото взмутили. А это говорят прямые, бескомпромиссные, деятельные враги Советской власти. Конечно, в эпоху Гарри Поттера Шолохов не указ, но ведь он писал как очевидец!

Симптоматично, что обе Великие в истории революции — Французская и Октябрьская — произошли бескровно. В Бастилии оказался едва ли не один заключенный, вроде как паскудно-знаменитый маркиз де Сад. А «на каждой ступени трупы юнкеров» — при взятии Зимнего дворца — это поэтическая фантазия Владимира Владимировича Маяковского. Опять же доверяю только живым свидетелям событий. По изустным воспоминаниям одной старой женщины, в ясном уме перешагнувшей в третий век (родилась в самом конце XIX века, почил в начале XXI), лично знавшей Николая II и Александру Федоровну, определивших ее в Ксенинский институт за

* В европейских языках православие называют «ортодокс», то есть ортодоксальная, изначальная христианская религия — в отличие от римско-католической церкви; она именуется апостольской: не от Христа, а от его апостолов.

подвиг ее отца в войну. Так она вспоминала, что в революцию 1905-го года в Петербурге стреляли днями и ночами, а об Октябрьской революции жители Петрограда узнали только где-то 26–27-го ноября (по ст. стилю) из газет.

А нынешнюю, недавнюю, антикоммунистическую революцию хорошо помните: ритуальный обстрел здания Верховного Совета из танков гвардейских дивизий, стрельба, расстрелы, белесые пятна телевизоров в России и непрерывный репортаж *CNN* на весь мир. Вот вам и разница: когда власть берет народ, а когда ее у народа отбирают...

Это мы говорим без эмоций, которые уже улеглись; живем в другом государстве, следуем его законам (не олигархи ведь, не бандиты, не чиновники-взяточники и пр.), нравятся ли они нам или не нравятся. Просто мы объективны, а на дворе еще не наступил «демократический 37-й год».

Боже упаси в нашем неполитическом, «непартийном» журнале в чем-то упрекать власть предрержающую... Раз ее взяли, так и держите козыри. Русский народ сугубо законопослушный. Тем более, что задача настоящего очерка в другом — вспомнить о знаменательной годовщине Октябрьской революции, перевернувшей-таки мир в XX веке.

История торит свои тропы по диалектической спирали. Здесь нет прямого пути, потому русская коммунистическая идея не была в полной мере реализована, но это не означает, что ход мировой эволюции остановился. Вовсе нет, рано или поздно человечество окончательно перейдет от отжившей капиталистической, частнособственнической формации к социально ориентированному сообществу. Как это произойдет: через очередную, но уже сверхмировую войну (скорее всего не «горячую», а «холодную», информационную), перманентным «скандинавским путем» или через глобализацию? Кто сейчас ответит с адекватной аргументацией...

Но перед глазами пример перехода от феодализма к капитализму со всеми его множественными перипетиями, а наиболее характерное поле действия — Франция. Пожалуй, только профессиональный историк сходу ответит: сколько было контр- и просто революций после 1789-го года. Однако нужно просто вспомнить неофициальное (а может и официальное?) название современной Франции: *Пятая республика*.

Ход истории никому остановить не дано.

Итак, с чем наша страна, весь мир подошли к 90-летнему юбилею Великой Октябрьской социалистической революции? Попробуем дать ответ — не от эмоций, но от фактов.

Эволюция человеческого сообщества не имеет ни конечной (прогнозируемой) цели, ни остановок на пути развития. Эта истина диалектическая, апробированная всей 3,5-миллиардной эволюцией жизни на Земле. А развитие человечества есть всего лишь продолжение этой эволюции, перешедшей на этап социально-разумный (наш выдающийся ученый В. И. Вернадский назвал это ноосферным этапом общей эволюции жизни на планете^{*}). Поэтому последовательно-параллельная (это и есть знаменитый диалектический виток спирали развития), но неумолимая смена общественно-экономических, социальных формаций идет и будет продолжаться, но обязательно с вектором социальной ориентированности как отдельно взятых государств, так и мирового сообщества в целом.

Внешним выражением этого глубинного, неведомого человеку процесса является ход мировой истории, причем не детерминировано-прямолинейный, но по диалектической спирали, методом проб и ошибок, отсечения боковых (ложных) ходов.

Великая Октябрьская революция явилась первым таким ходом — и вовсе не ложным, но слишком опередившим исторически запрограммированное время все-

^{*} Интересующийся читатель может обратиться к недавно изданной книге: Яшин А. А. Живая материя (Теоретическая биология и физика живого). В 3-х томах.— М.: Изд-во «УРСС», 2007 (Сайт Интернета URSS.ru).

мирного перехода к социально-ориентированной организации человечества. Ресурсы капиталистической, частнособственнической формации еще не исчерпаны, хотя и близки к этому. Но она же и дала ориентир мирового значения. В этом непреходящее значение события, потрясшего страну и мир («Десять дней, которые потрясли мир»).

Обычно очерки подобного рода принято завершать разделом «Уроки Октября»; понятно, речь идет об уроках для нынешнего времени. В какой степени теперь, после «отмены» всех итогов и завоеваний Советской власти, эти уроки учитываются? И кем они учитываются? Вопрос очевиден, а полного ответа пока дать нельзя.

В какой-то мере вспомнил уроки Октября и народ в «волчьей девяности», когда в одночасье была разрушена вся система привычных ценностей, а сам он был поставлен на грань биологического выживания. Это проявилось в определенной степени в политической активности масс, главным результатом которой явилось оппозиционное власти парламентское большинство, которое на пять-семь лет задержало принятие наиболее одиозных асоциальных законов.

Но вот кто тщательно проанализировал уроки Октября, с компьютерной точностью просчитал сложнейшие ходы, так это власть, точнее те силы и структуры, которые поставили ее де-юре, разгромив СССР в Третьей («холодной») мировой войне. Перечислять все эти запутанные внешне, но математически безупречные ходы перечислять не будем — они еще свежи в нашей памяти: от примитивного, но верно сработавшего устранения сталиниста Романова от его вполне возможного генсекретарства КПСС и дьявольски-изощренной антиалкогольной кампании до ваучеризации и полного разрушения современных государствообразующих отраслей промышленности: тонкой органической химии и информационно-вычислительных технологий.

Еще один блестящий ход — ротация власти в лице правительства; Ельцин так и вовсе его менял по понедельникам... Причем каждое последующее все валило на предыдущее и так далее. И народ отчасти доволен «монаршей справедливостью», и дела власти успешно делаются с опережением планов: пятилетку за три года! То есть прием прост и неотразим, взят из практики банковско-воровской системы: отмывка денег путем последовательного их перевода через сеть банков, пока они «не затеряются».

Перечислять можно бесконечно, но «архитекторы перестройки» в первую очередь учли главные уроки Октября: победа антикоммунистической революции возможна только при интенсивном, очень быстром по времени разрушении коллективизма и холерическом привитии инстинкта частной собственности (от противного — см. почти все написанное выше). Причем эта сверхзадача была решена комплексно: нет коллектива — есть частная собственность; есть частная собственность — нет коллектива.

Была использована убойная схема: ликвидируется система планового хозяйства, предприятия лишаются заказов и, соответственно, финансирования. Народ, особенно в вузах, НИИ и КБ, перестает получать зарплату. А со всех экранов и кухонных репродукторов несетя: «Берите частной инициативы, сколько хотите! Все за прилавок! — Купи и продай!» И так далее в той же агрессивной тональности. Нужно было у широких масс выдернуть глубоко упрятанный за 70 лет в подсознание инстинкт частнособственничества и накопительства, хотя бы даже и такой слабый, как у русского человека (см. выше). Первыми не выдержали женщины, у которых социобиологическая мотивация доминирует исторически, и молодежь, уже начальными годами катастрофы (термин А. А. Зиновьева) подвинутая в сторону новых «ценностей». Как результат, НИИ-КБ и отчасти заводы-фабрики опустели наполовину: женщины бросились в Турцию за шмотьем, а молодые люди — в мелочную торговлю, вымогательство (рэкет), бандитизм, охранную деятельность. Интернациональный же в своей основе «крупняк» занялся присвоением и переделом госсобственности — что страна накопила за 1000-летнюю историю, а особенно за последние 70 лет. Остальных повязали приватизацией «хрущоб» и нищетой, которая не способствует коллективизму и даже

элементарному соседско-родственному гостеванию: и идти с пустыми руками неудобно, а еще неудобнее объедать бедствующих хозяев... Коллективы заменил телевизор. То есть порочный круг замкнулся; как говорят медики: образовался порочный круг патогенеза; патогенеза частнособственничества и сугубого индивидуализма.

«Не слишком ли все так просто — без политических, экономических, социальных изысков, без осознания освобожденным от тоталитаризма народом демократических свобод и общечеловеческих ценностей?» — воскликнет иной читатель, вкусивший от обилия печатной продукции и словоизлияний СМИ последних двух десятков лет. Увы, истина всегда элементарна.

Подведем итоги — не наших, конечно, рассуждений, но итоги свершившейся 90 лет тому назад Великой Октябрьской социалистической революции.

Сам факт Октябрьской революции имеет всемирное, непреходящее значение как начало нового этапа истории человеческого общества: смены отживающей себя капиталистической формации и перехода к социально-ориентированному общественному строю (социализм, коммунизм).

Мировое значение революции, учитывая, что она инициировала создание СССР, состоит в демонстрации жизнеспособности нового общественно-экономического строя.

Еще неизмеримо более велико значение революции на нашей стране: впервые в своей 1000-летней истории она стала сверхдержавой и одновременно социально организованным государством.

То есть Октябрьская революция и факт создания СССР — ориентир на весь будущий мировой процесс смены социально-экономической формации.

Предвидя (порой негодующие) возражения, признаем, но в более реалистической форме, нежели в том же «Архипелаге ГУЛАГе», что создание СССР стоило многих бед русскому народу в первую очередь. Согласимся, не всегда оправданных. А кто бы позволил иначе создать сверхдержаву? Почему-то забывают, что предыдущий переход от феодальной к капиталистической формации (Западная Европа) имел не меньше издержек и жертв. Понятно, что «лидером» здесь была Франция: череда кровавых революций, начиная с 1789 года, сотни тысяч на гильотине, еще больше в Вандее, миллионы французов и европейских народов, включая русских, в наполеоновских войнах, длившихся двадцать лет?

...История никого не оправдывает и не обвиняет. В этом состоит ее апология, как всемирного процесса, не зависящего от человека. «Не царь, не бог и не герой».

И немного о неблагоприятном деле прогнозирования. Как, в какой форме будет продолжено историческое дело Октября? — Учитывая непрерывность социальной эволюции. Здесь, пожалуй, правы представители «класса-победителя» в современной России и вообще в бывших союзных республиках и странах социализма, то есть отечественные и мировые СМИ. Но, конечно, не в том смысле, что «лимит на революции исчерпан», а просто уже современные (а что говорить о скором будущем?) электронные средства «промывки» умов и «паспортизации» населения, словом, перечитайте «1984» Дж. Оруэлла...

Глобализм *в современном варианте* вряд ли приведет к социальной переориентации в мировом масштабе, ибо по сути он является последним организационным оружием современного «золотого миллиарда», то есть финансово-олигархического империализма. Дальнейшие варианты сейчас — бессмысленные фантазии. Однако одно наиболее вероятно: переход к социально-ориентированной формации будет свершен уже «не в отдельно взятой стране», в во всемирном масштабе. В этом Маркс был гениально прав.

...Кажется, никого не обидели, но и не забыли: пламенных коммунистов, истовых демократов, монархистов и националистов, власть и народ, *ибо объективность — это не суетная политика.*

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Лев Толкалин

**НАШ ОДНОКЛАСНИК
ЮРИЙ ГАГАРИН**
(повесть, журнальный вариант*)

Старатели

Стоял теплый сентябрь. Состав класса был обновленным. Появились новые ребята и девочки. Было много переростков — почти взрослых парней, тех, что задержавшись на время оккупации, были угнаны в Германию или разбросаны по стране.

На первый урок пришла «географичка». Крупная, высокая женщина. Урок был посвящен родному краю. Удивительно, что каждый преподаватель считает свой предмет главным.

— А что интересного вы знаете о своем крае?

— Здесь шла война, сейчас еще много разрушений и осталось много трофеев,— выпалил Левашов.

— Правильно. Но не об этом речь. Кто основал город, каким он был раньше, какая природа, растительность, чем занято население.

— Построили при царе Петре Первом, я где-то читала,— выпрыгнула Аннушка Круглова.

— Правильно.

— А еще на теперешней улице Володарского жили купцы,— добавил Слава Нижник.— Там было много всяких складов, магазинов и харчевен. Вон там, где сейчас милиция, до революции был то ли постоялый двор, то ли винный магазин. Я в старинной книжке видел. Говорят, после революции в городе Гжатске находили много купеческих кладов.

После урока стали обсуждать то, что видел и слышал Славка.

— А может там, за милицией клады есть,— предположил Коля Баранов.

— Может и есть,— утвердительно кивнул Женя Васильев.— А как узнаешь? Капать надо.

— Посмотрим после уроков? — предложил Ерофеев.

Сказано — сделано. Обычно, при слове «клад» не только у детей, у взрослых загораются глаза.

* Окончание; начало см. в «ПЗ» № 3, 2007.

Вагагой помчались по улице Володарского, перешли деревянный мост через речку и вдоль берега направились на пустошь за милицией. Недалеко от берега зияла большая глубокая яма. Видно, кто-то здесь долго брал глину или песок.

— Во, где удобно копать! — проорал Славка.— Начнем здесь.

— Ну что вы, малые дети, что ли! — возмутился рассудительный Валя Петров.— Кончайте этот бред.

Юра Гагарин ничего не говорил. Но видно было, что эта затея ему по душе. Да и остановить ребят было уже невозможно. Не долго думая, разделись и сложили кучкой одежду. Женя Васильев уже успел пробежаться по соседним огородам и, крихтя, тащил две лопаты, ведро и пару листов обгоревшего кровельного железа. По очереди начали копать.

Через три дня здесь была уже артель старателей. Кому неинтересно, отсеялись. Остались романтики. Штольня ушла метра на два с половиной-три в глубину, а штрек на пять-шесть в сторону милицейского дома. Породу ведрами сбрасывали под берег. Одновременно копало человека три-четыре. Юра расширял штреки в сухом, глинистом грунте, выдалбливал скамейки и столы. Через неделю это было почти метро. По бокам, в нишах, горели керосиновые коптилки. Все это выглядело больше, чем романтично. В школе, мальчишки таинственно перешептывались: «Кто сегодня будет строить метро?» Девчонки подозрительно присматривались. Рая Стольниковая пыталась было узнать, что задумали ребята. Но те молчали, «как партизаны». Девчонки начали засылать «шпионок». Возле Гагарина крутились Галки Комиссарова и Тимофеева. Как бы невзначай, появлялись то Аня Круглова, то Тоня Дурасова. Но «расколоть» ребят им не удалось. Все понимали, что если кто проболтается, девчонки точно «заложат».

Прошел сентябрь, заглодало, а в «метро» было тепло и уютно. Боковых ходов было уже много, а клад никак не попадался. Но однажды немного повезло. Копая, наткнулись на остатки каменной кладки и кучу битых пузырьков из-под лекарств. Стали обходить кладку и нашли провал. Часть кирпичной стенки осела и треснула, образовав заваленную грунтом дыру. Расталкивая друг друга, быстро расширили лаз.

— А ну-ка, Быкуля, посвети копилкой. Старая кладовка,— быстро определил Юра.

Человека четыре через лаз проникли в камеру. Это был кирпичный подвальныйчик, примерно метра три на четыре в ширину и метра два с половиной в высоту, со сводчатой крышей.

— Как в церкви,— комментировал Слава Нижник.

Огляделись. Вверху виднелась засыпанная прямоугольная дыра — лаз. По бокам — каменные ниши и скамейки. На полу стояли истлевшие кули с черным зерном. В углах — несколько рассохшихся бочек. С чем? Определить уже было невозможно.

— И все? — разочарованно бросил Ерофеев.— А где же клад?

— А это что за пыльные стекляшки в нишах? — спросил у Юры Женя Васильев.

Юрка вытащил одну из них из вековой пыли и оттер рукавом. Женька подсветил копилкой и стал читать: — Кажется «Смирнов».

— Да это дореволюционная водка! — быстро отреагировал Гагарин и сунул прямоугольную бутылку в карман старого ватника.

Началась «расхватовка». Кто стоял ближе, выковыривал из щелби и пыли бутылки и тут же очищал их и совал за пазуху. Бутылок было немного, штук шесть или семь. Договорились брать только по одной.

— А мне не досталось,— ныл Ерофеев Николай.

— Ты же тут был, чего рот разинул? — критиковал Юрка.— И на что тебе водка? У тебя в доме и мужиков нет.

— Как же,— не унимался Ерофей,— у нас постоялец — милиционер.

— На,— отдал Славка Нижник свою.— У меня дома только мама да брат-школьник. Пить некому.

На поверхность вылезли хотя и не с кладом, но с какой-никакой добычей. Весело разошлись по домам.

— Где шляешься,— дал «втык» отец,— мать вся испереживалась!

А мать, между делом, дала подзатыльник.

— Во, бутылка! — выложил Левка находку.

Старший присмотрелся. На лице заиграло любопытство.

— Чудная какая. Где это ты ее добыл? — поинтересовался Николай Алексеевич и стал отмывать под умывальником. На плоской стороне бутылки четко обозначился российский двуглавый орел и уже вполне заметная надпись.

— «Смирновъ» — прочитал отец, стал трясти бутылку и смотреть через помутневшее стекло.— Полная! — удовлетворенно крикнул и спрятал в шкаф.— Завтра разберемся!

В школе, в классе только и было разговоров про «клад».

— Дураки вы все, мальчишки,— утвердительно заявила Афанасенкова.

— Ну, как твой батя? — спросит Юра у Толкалина.

— Да еще не знаю.

— Пошли после школы, узнаем.

С трудом дождались конца уроков и побежали на электростанцию. Запыхавшись, по прямой перелезли через забор. Левка по пути в который раз разодрал штанину и чертыхнулся. А у Гагарина развязался шнурок. Толкушка наступил на него и оторвал.

— Поаккуратней,— медведь! — разозлился было Гагарин, но сразу остыл.

— Эх, вечно эти шнурки меня подводят!

— А ты бы их завязывай потуже,— посоветовал приятель.

— Да шнурки-то самодельные, затянешь — тут же лопнут. Вот и привык завязывать нетуго. Да и ты сам смотри под ноги, а то топчешься, как слон!

— У меня тоже потеря, штанину разодрал. Отцовские. Широковаты, однако.

— Вон, смотри, твой и мой бати,— остановил друга Гагарин.

Левкин и Юркин отцы сидели на почерневшей от мазаных штанов лавке. Рядом стояла уже отпитая прямоугольная бутылка и пара «стеганых» стаканов. Поодаль со второй бутылкой сгрудились мотористы и слесари, рассматривая диковину и попивая «из горла» по очереди мелкими глотками. Вскоре они заметили приятелей и поманили.

— Дурачье,— сказал Алексей Иванович.— Завалить вас могло под землей! Кончайте это «не дело».

— Слава богу, не завалило,— побряктел Николай Алексеевич и плеснул в стаканы.

— За бога!

Мужики глотнули еще и захрумкали малосольными огурчиками.

— Возьмите-ка по огурчику да по кусочку хлеба. Небось голодные.

— Хороша, смирновская! — вытер рот рукавом Алексей Иванович.

На другой день решили копать еще. Собрались почти все ребята. Но в подземелье все не влезли, и часть осталась наверху. Потом сверху послышался шум. Кто-то кричал: «Вылезайте!» Постучали сапогами. Похоже, уже не ребята. Появился парламентар — одноклассник Горячев.

— Там милиционер требует подняться, иначе — стрелять грозит. И еще инструмент велит весь взять.

— Понятно,— сквозь зубы процедил Юра.— Ерофей своему милиционеру проболтался. Придется вылезать, не сидеть же здесь до утра.

Старатели по одному вылезли из лаза и построились. У лаза стоял милиционер. Лицо строгое.

— Кто лопаты у бабок поворовал? Сейчас же отнести на огороды! Потом построиться и за мной марш!

Жалкое это было зрелище. Ребята со старыми, гнутыми ведрами и лопатами по-нуру шагали за милиционером. Пришли в отделение, расселись по лавкам.

— Сейчас я сообщу родителям, чтобы с вами разобрались!

Через час стали появляться мамы и папы и забирать пацанов и скарб.

Кое-кому тут же досталась оплеуха. За Юркой пришел брат Валентин. Для вида покрутил ему ухо и что-то буркнул.

На другой день в классе была тишина. Никто ни о чем не рассказывал.

— Чего это вы, парни, попритихли? — удивлялась Тоня Дурасова.

После уроков на всякий случай заглянули на пустырь. Там стояла трехтонка с песком. Несколько рабочих засыпали яму и лаз.

— Кончилось наше кладоискание! — с унылым смехом отрезал Юра.

Подрывники

Новая и старая дороги на Гагарин идут параллельно реке Гжать. Между ними — лес и большое ровное поле. Теперь его засевают. А в самом начале войны в лесу спешно отстроили казармы, а поле выровняли под взлетную полосу. Аэродром строили всем Гжатском. Каждая семья должна была отработать здесь несколько дней. За этим следили, а рабочие дни отмечали в индивидуальной карточке. В лесочке стояли наши самолеты. Но в полной мере воспользоваться этим аэродромом не пришлось. Вяземский прорыв не оставил надежд. Зато немцы использовали готовый аэродром очень широко. На краю города, за железной дорогой, фашисты организовали огромные склады авиабомб, снарядов и прочих боеприпасов. Склады располагались у реки, сразу за небольшой симпатичной церквушкой. Она же служила нашим ориентиром. Нередко, сговорившись, мы приходили сюда разобраться с бомбами и снарядами. Было спокойней, когда с нами был Гагарин. Уравновешенный, рассудительный, он чаще принимал правильные решения. А это было очень важно, чтобы не взлететь на воздух. Здесь было страшно и интересно. Страшно потому, что все понимали: если жажнет, то от нас не останется и мокрого места. Но инстинкт самосохранения подавлялся жутким интересом. Для мальчишки бабахнуть — нет сил, которые могли бы остановить его в этом желании.

Склады к этому времени не были уже складами в обычном понимании. Городу заниматься ими было некогда, милиции — тоже. И валялись боеприпасы где попало и на каждом шагу. Бомбы по 20—50 килограммов стояли рядами на хвостах. В носках взрывателей не было видно. Бомбы мельче лежали в беспорядке. Крупные артиллерийские снаряды виднелись в гнилых ящиках и путались в беспорядке под ногами. Малокалиберные снаряды от авиационных пушек вместе со звеньями лент были наворочены в кучи, напоминающие стога сена. Отдельно от снарядов в штабеля сложены здоровые гильзы с порохом. На земле можно было увидеть и ломаную или разбитую немецкую технику. Все это было страшно как интересно. Настоящая экскурсия в военный мир.

Имелись в этих походах и чисто практические интересы. В речках было полно рыбы. Еще никто не разбрасывал по полям химикаты и не травил воду фекалиями. Даже во время войны экология оставалась на удовлетворительном уровне. А ловить рыбу на удочку считалось непристойно. Ловили, в основном, сетками или глушили толлом. А толл к этому времени уже был в дефиците. Тогда делали просто. Шли на склады, отвинчивали у крупных снарядов взрыватели и на костре выплавляли толл. Риск был велик. Алюминиевый взрыватель снаряда был ввинчен на заостренном конце снаряда. Те, у кого был разводной гаечный ключ, могли с меньшей опаской

отвинтить взрыватель и затем спокойно выплавить тол. У Юры такой ключ был, и его всегда приглашали с собой ребята-«взрывники».

Обычно подбиралась компания опытных подрывников: Юра Гагарин, Левка Толкалин, Василий Левашов, Валентин Петров и Женя Васильев. Меньших и неопытных с собой не брали. Заранее договаривались, распределяли роли. Но нередко за ними незаметно увязывались и парни поменьше и те, кто считался неопытными. Скрываясь за кустами, они мелкими перебежками выслеживали «корифеев». Особенно грешил этим младший брат Юры — Бориска. Иногда он подговаривал Толю Орешонкова, Славу Нижника и Толю Виноградова. Тогда вторая команда работала самостоятельно на грани жизни и смерти. Начинала она с того, что потрошила гильзы и извлекала из них порох. Красив немецкий снарядный порох. Черные кружочки диаметром миллиметров 10—15 с дырочкой посередине. Это не то что порох — макароны от русских гильз! А эти порошинки можно было сотнями нанизать на тонкую проволоку, а потом — поджечь и бросить вверх. Удивительно красивое зрелище для огнепоклонников.

Выпотрошив с десяток артиллерийских гильз и набив шапки и карманы, мелюзга начинала хулиганить.

— Что там за «шушера»? — поинтересовался Юра и, беспокоясь за брата, отправился посмотреть. Мы с ним тоже.

Подходим и видим ужасную картину. Борис держит здоровенный снаряд и стучит взрывателем о булыжник. Юра срывается с места, отнимает снаряд и сгоряча дает Борьке тумаков. Тот воеет, изворачивается и причитает.

— За что бьешь?

Надавав брату, Юрка приходит в себя.

— За что получил? За дело. Ты что, дурень, не понимаешь, что делаешь! Рванет, и от тебя одни вот эти уши останутся!

— Не рванет. Перестань крутить мои уши! Я потихоньку стучу, чтобы расшатать резьбу. Потом руками головку мы и отворачиваем. У меня же нет ключа, как у тебя! Вон уже три снаряда разрядили.

Юра опять вышел из себя. Схватил Бориса за воротник и стал больно драть за уши.

— Понял, понял! Отцепись! — наконец сдался младший брат.

А старший не унимался.

— Если еще раз увижу, задницу надеру так, что сидеть два дня не сможешь, или отцу скажу.

С последними словами Юрий осекся, а Борис уловил благоприятный момент.

— Скажи, скажи. Батя тебя первого выдерет!

— Ладно, без меня ни на шаг — окончательно остыл старший.

Набрав пороха и выплавив котелок тола, стали решать, что делать дальше.

— На хрена тут бомбы? — спросил Василий Левашов.— Вон сколько не смысленных шляется. Если рванет, то от них не только ушей, ногтей не найдешь. Надо бомбы убирать и подрывать. Милицию и военкомат не дождешься.

— Факт,— подтвердил Гагарин.

Так и решили. Раздобыть тачку и на ней отвезти бомбы к реке. А там их по очереди подорвать. Тачку добыть поручили Вале Петрову, веревки — Левашову.

Через пару дней все снова были в сборе. Бомбу — «полусотку» не смогли загрузить сразу. Решили для начала взять поменьше. Кольями навалили первую «чушку» на тачку и всем миром покатали подальше к речке. Недавно прошел дождь. Земля была мокрой, ноги скользили. Совсем грязные и измученные подошли к реке. Сгрузили смертоносный груз у берега и стали привязывать к бомбе тол. Женя Васильев кряхтел, пристраивая детонатор и бикфордов шнур. Наконец было все готово.

— Валь, посмотри, нет ли кого рядом,— сделал поручение Юра,— а то пришибем невзначай.

Валентин забрался на бугор и осмотрелся вокруг.

— Порядок! Можно.

Приложили к срезу бикфордова шнура спичку и чиркнули коробком. Из шнура ударила огненная струя.

— Навались! — скомандовал Гагарин.

Все навалились и стали сталкивать бомбу под берег. Ноги скользили по мокрой траве. Бомба медленно подавалась. Вот она покатила под берег в воду. Полетели грязь и брызги. А ребята уже удирали подальше от опасного места.

— А-а-а! — завопил Левка, сорвавшись под скользкий берег вместе с бомбой.

До взрыва оставалась минута. Растопырив руки, удержался за прибрежным обрывом у края воды. Вскочил и с воплями стал карабкаться вверх. Но никак не мог взобраться на берег. Ноги тряслись от страха, да и мокрая глина никак не отпускала.

— А-а-а!

«Конец»,— мелькнуло в голове. Но тут на берегу появилась раскрасневшаяся Юркина рожа.

— Давай руку! Быстро!

Схватив Левку за руку, Гагарин ловко выхватил несчастного на берег. Раздумывать было некогда. Отбежав от берега метров пятьдесят, плюхнулись на землю. Тут же рвануло. К счастью, взрывная волна пошла из-под берега вверх. Но столб воды и грязи накрыл друзей с головой. А через минуту они уже сидели и очумело смотрели друг на друга. Заложило уши. В голове шумело. Но были живы и, похоже, почти здоровы. Гагарин распрямился, поковырял пальцами в ушах. И показал большой палец вверх:

— Во! Пошли посмотрим, что стало.

Метров в двухстах из-за кустов выглянули ребята. Подошел Валентин Петров.

— Ну, Толкушкин, я думал, тебе все!

— Дружба никогда не подведет! — улыбался Юрка.

Берег реки изрядно осыпался и подался вперед. Край огромной воронки был уже залит мутной водой. Поодаль плавала глушеная рыба.

— Во как разворотило! Теперь купаться будет можно. Прыгай прямо с берега в воду!

— Как, еще будем рвать? — ехидно спросил у Толкалина Женя.

— Не, больше меня сюда калачом не заманишь! Научило уму-разуму.

Левка больше рвать бомбы не ходил. И вообще «завязал» недели на две. Потом пообвык и опять потянуло на подвиги. Но чаще только с Юрой Гагариным. С ним было спокойней. Конечно, рвали еще. Но уже без приключений. У берега образовался большой плес. Там и в наше время купаются с удовольствием, и прыгают в воду с берега. Удивляются, откуда в этом, сравнительно мелком месте образовался такой глубокий плес.

Следы войны

Бомбы подрывать надоело. Из разряженных снарядов на костре тол вытапливали и сливали в немецкие алюминиевые банки из-под консервов. Потом банки разрезали и вытрясали бруски тола. Набралось небольшое ведро толовых шашек. Уже дома, в Юриной землянке, в шашках с помощью дрели просверливали аккуратную дырочку для детонатора, или прожигали толстой раскаленной проволокой. А детонаторов — капсулей не было, все уже закончилось.

Как-то к Левке из села Шахматово зашел его двоюродный брат Савинский Алексей. Вместе заскочили к Гагариным. Во дворе стоял Юра с ребятами и вертел в руках детонатор.

— Лев, твой Алексей рассказывал, что под селом Воробьево этого добра полно,— вслух размышлял Гагарин.

— Давай-ка съездим,— предложил Вася Левашов.

— А у меня велика теперь нет,— отозвался Ерофей.

— И у меня тоже,— заметил Алексей-Леха.

На другой день взяли имевшиеся велосипеды и подались по старой московской дороге. Выезжали по улице Московской, дальше на деревню Старое. В конце Московской улицы была приличная болотина. Там было море уток, и Юрка не раз ходил со своей берданкой пострелять.

По настоянию Гагарина все прихватили с собой питьевой воды и по паре кусков хлеба. Леха был постарше года на три и выглядел почти взрослым. По его просьбе Левка сбегал на электростанцию и одолжил там небольшой разводной газовый ключ под трубы. Леха повертел его в руках и одобрительно кивнул головой.

Когда-то московская дорога была столбовой. По обочинам через каждую версту стояли полосатые столбики — версты. В старину дорога была устлана красным битым кирпичом. Кое-где кирпич остался, и дорога казалась бурой. По этой столбовой на Москву шел Наполеон. Эту же дорогу избрал Гитлер. Теперь она была избита немецкой техникой. Могучие колдобины достигали полуметровой глубины. Машины по ней ездить практически не могли. Лошади с трудом тащили сельские телеги, которые изгибались и жалобно пищали на выбоинах. На велосипедах было проще. Василий Левашов на своем «Диаманте» нырял в ямы и получал от тряски удовольствие. Юра и Левка велики берегли и канавы обходили пешком. Алексей и Николай на ровных участках подсаживались то к Васе, то к Левке. На гагаринском велосипеде с женской рамой палки привязано не было, и он ехал без проблем.

— Слушай, хватит сачковать! — обиделся Леха на Юрку.— Пора бы и палку привязать на твою раму.

Привязали. На нее со своим ножом-тесаком от немецкой винтовки залез Лешка.

— На фига ты таскаешь эту железяку,— поинтересовался Юра.— На целый килограмм ты тяжелее!

— А как же,— пояснил Алексей,— для самообороны. Волков тут полно. Как собаки бегают. Их давно не стреляли, пока шла война. Совсем обнаглели. Овец режут, кур ловят. А если идешь с железкой, они ее чувят, и днем не подходят близко, побаиваются. Не раз нарывались на выстрелы. Ученые стали.

Километров через семь Леха и Ерофей устали бегать и попросили «передоха». Остановились и сели у обочины. Попили водицы из припасенных бутылок и пожевали.

— Леш, а где и как будем добывать детонаторы? — поинтересовался Юра.

— Очень просто,— ответил тот.— Берем только «правильную» противотанковую мину. У нее снизу или сверху торчит цилиндрический взрыватель на резьбе. Мина взрывается, когда на нее тяжелый танк или машина наедет. Для пешеходов она не так опасна. Отворачиваешь этот взрыватель, вынимаешь, а потом от него отламываешь капсулю. Из капсуля получается хороший детонатор для тола, аккуратно под бикфордов шнур.

— Понятно. А мины где?

— Да их полно на минных полях! У нас сплошные минные поля. Перед наступлением, наши делали проходы в них. Немецкие мины просто извлекали, чтоб видны были, и оставляли тут же. Некогда было их забирать или ликвидировать, торопились вперед.

— А как же люди?

— Я же сказал, для людей эти мины не очень опасны. На них стоять можно. Вот если машина! Продавит стальную крышку и мина взорвется.

Отдохнув, поехали дальше. В Воробьево оставили велосипеды у Лешкиного зна-

когого. Село от города в десяти километрах. Недалеко отсюда, вероятно, и была первая линия немецкой обороны. Конечно, не так сильно обустроена, как вторая, у Гжатска. Зато сплошные минные поля: немецкие и советские. Прошли пешим ходом километра три в сторону села Пышково и там нашли первые окопы и доты. Но это было пока не очень интересно. В Воробьеве к компании присоединился Витюня, парнишка поменьше Левкиного плеча. Леха поколебался, но разрешил. Местный, стало быть, все знает.

— Сейчас пойдем на минные,— предупредил Леха.— Опасайтесь мин-лягушек. Если увидите три или четыре ржавых стальных уса на земле, не трогайте. Это противопехотная мина. Тронешь, и из-под земли, за счет порохового заряда, выпрыгнет стакан с толлом и шариками и взорвется. Тогда всем хана! Немцы чаще связывали проволокой такие мины одну с другой. Тогда первая дергает вторую, вторая третью. Весь взвод может положить.

— Такая, что ли? — спросил Юра, показывая на проволоку.

Опытный Алексей подошел и легонько поковырял.

— Не, это просто кусок колючей проволоки. Но все равно, надо держать глаз остро.

Противотанковые минные поля нашли быстро. Покрашенные в зеленый цвет, но изрядно проржавевшие кастрюли лежали на поверхности в шахматном порядке. Все это выглядело зловеще. Леха, орудуя газовым разводным ключом, продемонстрировал, как надо отвинчивать и извлекать взрыватель.

— Отвинчивать и разбирать буду я, а вы подтаскивайте «правильные мины». Это просто.

Алексей работал профессионально, и через час все набрали капсулей. Хватит.

— Я знаю, где солдаты лежат,— таинственно сообщил Витюня,— это недалеко отсюда.

Прыгая через окопы и капониры пробирались в указанном направлении.

— Осторожно и будьте начеку,— предупредил Алексей.— Лишнего ничего не трогать. Тут все заминировано. Могут быть ловушки. Если что, кричите мне, я разберусь.

Медленно подошли к довольно глубокому оврагу. На западной, немецкой стороне, прямо у оврага вырыты сплошные окопы со стрелковыми ячейками. По центру — капонир, вероятно для противотанковой пушки. На восточной, русской стороне — тоже окопы, но помельче. Вся сеть немецких окопов образовывала сплошную круговую оборону с блиндажами в центре, где немецкие солдаты отдыхали в минуты затишья. Вот и большая прямоугольная яма минометной позиции.

— Немецкий ротный опорный пункт,— определил бывалый.— Сюда никто еще не ходил, опасно, кругом мины.

Дальше, в самом овраге, увидели страшную картину. Долго стояли, не зная, что делать. Глинистые склоны почти не имели травы. Коричневые голые проплешины растрескались. На склонах валялось всякое полуистлевшее барахло, частично притонувшее в грунте во время весенних дождей. На восточном склоне выступало из-под земли несколько ржаво-зеленых русских касок. На западном — немецкие каски, пара порыжевших винтовок «Маузера-Манлихера». Чуть ниже — части развалившихся немецких ранцев, котелки, противогазы в виде термосов на ремешках, советский автомат ППШ, немецкий «Шмайсер». Бугор был усеян стреляными гильзами. Несложно было определить, что тут были жестокие бои. Овраг не раз переходил из рук в руки, прежде как был взят весь опорный пункт.

В самом низу, среди чахлах кустиков и мелкой травы, можно было разглядеть останки когда-то скатившихся туда трупов. Видны были кусочки истлевших мундиров. Наших можно было отличить по рыжим ржавым пуговицам. Немцев — по алюми-

ниевым пряжкам и пуговицам, тронутым белой ноздреватой коррозией. Все молча стояли, пораженные этим зрелищем. Юрка снял шапку. Его примеру последовали остальные.

Наконец, Савинский вышел первым из оцепенения.

— Ладно, что стоять так. Пошли поближе. Я под Кармановым и не такое видел.

Спустились ниже. Алексей штыком попытался поддеть неплохо сохранившуюся алюминиевую пряжку на ремне. Трупов, как таковых, фактически уже не было. В промоинах в мокрой земле обнажились голенища немецких сапог с подметками, утыканными латунными гвоздями. Из сапог выступали серые мослы, а рядом у оружия белели застывшие в глине фаланги пальцев.

Омерзительно лицо войны! Ваську стошнило, и он поднялся наверх. Не выдержал и Юра. Остальные еще немного потоптались внизу. Левка поковырял носком ботинка у ржавого немецкого автомата. Отлетели в сторону фаланги пальцев и что-то круглое покатило по склону. «Монета, что ли?» — подумал он и поднял предмет. Присмотрелся — вроде как часы.

— Чего это ты волокешь? — спросил Гагарин.

— Да вот, у фрица что-то взял. Автомат держал, в наших, гад, стрелял.

— Давно отстрелялся, сволочь, — заметил Леха.

Ноги держали плохо. Все сидели на бруствере окопа, «чухались». Ерофей поливал на Левкин предмет водой из бутылки, а тот старательно оттирал корпус. Наконец предмет, очищенный от земли, немного заблестел хромом и принял более внятный вид.

— Заведи, — посоветовал Юрка.

Часы завели за уже открывшуюся, но еще грязную головку-кнопочку и они потихоньку затикали. Левка подержал их у самого уха, потом дал послушать другим.

— Во дают, — удивился Ерофеев. — Сколько пролежали, а тикают. Только циферблат плохо виден. Стекло помутнело. Ты его зеленой пастой ототри. У меня есть такая, специально для стекла.

— Надо в военкомат сообщить, — проговорил Гагарин.

— Обязательно! — поддержали остальные.

Возвращались. После увиденного говорить не хотелось. Леха остался в Воробьеве и ехать было полегче. Перед Гжатском немного отлегло.

На следующий день пошли в военкомат. Нашли пожилого майора и рассказали, что видели.

— Ладно, — прокашлялся майор. — Я возьму на заметку. Но вам болтаться по полям боев зпрещаю! Приняли команду, повторите!

— Да как же, — стал было возражать Юра. — Надо срочно принимать меры.

— А ты знаешь, сколько таких мест под Гжатском! Не знаешь, а я знаю. Не убраны еще сотни, а скорее и тысячи бойцов. Поди сейчас, разберись, с чего надо начинать. Этим солдатам уже не поможешь. Будем постепенно заниматься. Надо личные пенальчики искать, чтобы установить, кто эти солдаты. Непростое дело. Сперва надо минные поля расчистить. Где вы противотанковые мины видели? Завтра рота саперов тут будет с собаками. Уже пятый раз вызываем. Пройдут поле, разминируют, а после них — опять подрыв. Вот какие следы войны! Вчера под Шахматовым тракторист целину поднимал. Хорошо, бывший танкист попался, понимающий. Пустил трактор на самоход на первой скорости, а сам сзади идет. Поле то уже три раза разминировали. А так рвануло, что от трактора одни катки остались.

— А что тракторист? — испугано спросил Левка.

— Цел, небольшую контузию получил. Вот что, ребята, вы бы по старой кармановской дороге прогулялись. Там наши сгоревшие танки стоят, с экипажами. Сразу после взятия нашими города, пытались люки открыть. Не смогли. Они намертво пригорели. Остались там наши танкисты.

На другой день гурьбой отправились по старой кармановской дороге. Левка уже почти оттер стекло и нарочито поглядывал на циферблат. «Доха» — прочитал Николай Ерофеев. Учительница по географии сказала, что это хорошие швейцарские часы. Левка гордо поднял нос. Стекло было еще немного мутновато, но они выглядели на самодельном кожаном ремешке вполне прилично.

Опять друзья-фотографы

У Раевской был литературный кружок. На маленькой сцене чаще ставили Пушкина, Гоголя, Гайдара. Особенно нравился нам «Тимур и его команда».

Любил эти постановки и Гагарин. В наших глазах Юра был именно тем Тимуром. Заводилой, честным и отважным товарищем. Мог постоять за себя и за друзей.

В свободное время собирались у Раевских во дворе. Там договаривались, какие альбомы делать, какие плакаты рисовать, какие пьесы ставить.

Как-то после уроков, наш пятый задержала Ольга Степановна и предложила поставить «Сказку о Попе и его работнике Балде». Притихли обдумывая.

— Я хочу быть Балдой,— попросил Гагарин.

— Всегда ты и ты,— отрезала Тоня Дурасова.— А может, кто другой хочет.

Тоне Балда не подошел по полу, а другого — не нашлось. Значит Балдой будет Юра.

— Он и так «балда»,— пошутил Володя Попов.

Ребята засмеялись.

— Пусть Попом будет Вовка Поп,— пропищала обрадованная Афанасенкова.

— Помолчи, Курносенкова.

Все опять принялись смеяться. На приятном личике Гали уселся маленький, симпатичный курносый носик. За что ее частенько звали «Курносенковой». Эта кличка так приклеилась к ней, что и учителя иногда путали.

— Ладно, пусть будет по-твоему, Галка. Володя, будешь Попом.

А как быть с костюмами? В школе ничего нет, да и у учеников негусто. Поразмышляв еще, решили сделать теневой театр. Тут проще. Балду и попу можно вырезать из картонок. Простыня найдется, и дело за освещением. Дальше распределили роли. Осветителем назначили Левку Толкалина, музыкантом — баяниста Толю Виноградова. Попробовали с керосиновой лампой. За простыней замелькали тени Балды и попу.

— От первого щелчка поп подпрыгнул до потолка!

Юра поднес к картонному попу щелбанец, Толя Орешонков грохнул палкой по оцинкованному тазу. Вовка «Поп» подпрыгнул и завопил: «А-А-А-Ох». Толя Виноградов дал аккорд на баяне.

— Все бы ничего, только видно плохо,— посетовала Ольга Степановна.— Толкалин, ты у нас на все руки. Придумай что-нибудь. У меня в доме есть какая-то немецкая трофейная лампа. Приди, попробуй разобраться. Может, что получится.

На следующий день Левка и Юра были у Раевских дома. Левка прихватил на всякий случай фотоаппарат.

— Давай заодно сфотографируемся,— предложил он.

— А как? — спросил Юра.

Стали думать. По очереди сниматься не хотелось. Вот бы всем вместе. Толкач почесал за ухом и побежал домой за штативом. Благо, жил недалеко. Вернувшись, установил штатив у крыльца и привинтил к нему фотоаппарат. Затем привязал к рычажку затвора один конец ниточки и отмотал катушку до ступенек. Потом открыл крышку аппарата, приставил матовое стекло и стал наводить на резкость.

— Я придумал,— сообщил он,— будем тянуть затвор за ниточку, когда все усядемся вместе.

— Это дело,— одобрил Юра, усаживаясь на ступеньку.— Как, меня видно?

— Видно, только не крутись и сиди смиренно. Буду наводить на резкость по твоему носу.

Установив метраж, вставил пленку и закрыл крышку. Намотал первый кадр, поставил выдержку и взвел затвор.

Подошла учительница.

— Решили сниматься? Хорошо. Садитесь ко мне поближе на ступеньки.

Расселись. Левка протянул нитку себе, потом Гагарину.

— Внимание, снимаем,— скомандовал Юра.— Не моргать и не шевелиться. Тянем нитку сообща.

Нитка натянулась, затвор пожужжал и щелкнул. Порядок. Для страховки снялись еще раз.

— А карточки будут? — поинтересовалась Ольга Степановна.

— Обязательно,— пообещал Гагарин.

На крыльцо вышел художник Раевский, супруг учительницы, с диковинной лампой. Снизу она была похожа на примус. Резьбовая крышечка для горячего, насос для подкачки воздуха, манометр. Сверху напоминала керосиновый фонарь «летучая мышь» со стеклом.

— Лев, ты, я слышал, мастеровой. Посмотри на это чудовище. Мне говорили, что исправные лампы здорово светят. Надеюсь вечерами писать этюды. Да вот беда, не техникский я человек. Можно ее восстановить или нет — не знаю.

Левка повертел чудовище в руках и с умным видом заявил:

— Знаю эту конструкцию. У меня дома есть похожая, но там нет стекла и мешочка.

— Что еще за мешочек? — спросил художник.— И вообще, на каком принципе это чудовище работает?

Толкалин совсем надул щеки.

— Принцип таков. Низ лампы — как у примуса. Заливаете керосин, накачиваете по манометру и разогреваете горелку. Только она в верхней части перевернута. Видите: там керамическая баночка с дырочками. Разогретый керосин образует газ, как у примуса, и синий огонь вырывается вниз. Но там должен быть мешочек из шелка с каким-то жаростойким металлом. Шелк выгорает, а металл остается. От горящего газа металл раскаляется добела. Он и ярко светит. Это немецкое изобретение.

— Понятно,— кивнул «ученик». Потом пошел в дом и вернулся с мешочками.

К вечеру лампа светила так, как сегодняшние ртутные электролампы на столбах. Сбежались соседи посмотреть, что здесь происходит. Левка ходил «гоголем». Юра молча работал и не отвлекался на восхищенные взгляды соседей.

— Теперь теневой театр точно получится,— решил он твердо. А Раевский подумал, что он напишет зимними вечерами под этим светом не одну картину.

К выходным в школе собрались почти все школьники и учителя. Театр удался на славу. Юра зычно воспитывал попа. Вовка Попов, высоко прыгал и вопил как резаный. Орешонков громко бил в оцинкованный таз, а Виноградов наяривал на баяне.

На следующий день пленку проявили, высушили. Задействовали самодельный фотоувеличитель. Сделали десятка два фотокарточек. Такими они и получились, как показано на фото.

Удавшийся теневой спектакль показали школьникам еще раз. Пришло жуткое количество школьного народу. После спектакля подошел преподаватель физики Лев Михайлович Беспалов.

— Чего это у вас? Карбидная лампа?

— Не-е, газо-керосиновая,— снова надул щеки Толкушкин и начал объяснять.

— Я знаю,— ответил физик.— У нас в армии на английских самолетах такие лампы были, в качестве аварийных.

Левка разочаровано умолк...

Зима кончилась. Пригрело солнышко, стало совсем тепло. Ребята сняли теплую одежду. Повяло летними каникулами.

— Толкушкин,— попросила Тоня Дурасова.— Вы бы с Гагарой сняли наш пятый класс. На память. А то за лето мы прилично подрастем.

— Соглашайся, Лев,— вмешался Гагарин.

Сговорились сфотографироваться. Собрался почти весь класс. Пришла учительница по математике — Зинаида Алексеевна. Попросилась в строй. Потом наша пионервожатая. Долго усаживались и устанавливались.

— Я со всем классом,— решил Юра.— А ты, Лев, валяй. Тут нитка не поможет. Вон какая орава.

— Давай к нам,— звали Юру Вася Левашов и Валя Петров.— Вот и твоя обожаемая Тоня с нами.

Конечно, в центре Ольга Степановна Раевская. За ней протиснулся Коля Ерофеев — «Ерофей», немного выше — другой Коля — Баранов по прозвищу «Быкуля». Правее встал Валя Петров — «Петр». Славка Нижник — «Книжник» и Толя Орешонков — «Орех» пристроились с другой стороны. Слева от «Быкули» расположился Горячев — «Горячка» — крепкий деревенский парень. Девчонки расселись, кто куда. Комиссарова и Тимофеева — поближе к учителям. Для Афанасенковой — «Курносенковой» нашлось место с краю справа. Из-за Галки Комиссаровой высовывалась Аня Круглова.

— Внимание,— заорал Левка,— не моргать, снимаю.

Проявлять пошли к Толкалину. Но пленку засняли еще неполностью.

— Давай пленку дощелкаем,— предложил Юра.

Мотоциклисты

У Толкалиных во дворе стоял трофейный мотоцикл NSU-250. Два старых друга: Николай Алексеевич и известный городской специалист по мотоциклам — Сергей Иконников, возились с карбюратором. Еще до войны у Иконникова был собранный им самим мотоцикл с мотором от «Красного Октября». Единственный мотоцикл во всем районе. Половина мотоцикла была самодельная: люлька, похожая на корыто, бензобак — небольшая бочка, седло, боковое колесо — от велосипеда. Странный видок был у этого самодвижущегося экипажа. Абракадабра с грохотом перемещалась на зависть мальчишек, которые со свистом и воплями бежали рядом, держась за железки. Этот же NSU Иконников привез из Германии. Он рассказывал, что когда кончилась война, в Германии валялась всякая трофейная техника. Сердце механика не выдержало такой беспорядок. Он говорил скороговоркой, приятно гнуся в нос:

— Ну, танки я брать не стал. А вот мотоциклы — другое дело. У одного бауэра в хлеву нашел исправный мотоцикл BMW с пушкой и боекомплект. Расчет немецких солдат, понятно, давно разбежался по домам. Пушку забрали в нашу комендатуру, а мотоцикл отдали мне. Присмотрел хорошую немецкую телегу на резиновом ходу. Нагрузил ее трофейными моточастями, подцепил к мотоциклу и подался домой. Так, вместе со скарбом, через неделю добрался до Гжатска.

Мастеровые дружили. Сергей Иконников, Николай Толкалин, Михаил Рудаков. Какая это была бескорыстная дружба. Делились всем, что было.

— Сереж, отдай ты этот мотоцикл мне,— просил Николай.— У тебя и так полно всякого мотохлама. Вот у меня есть небольшой токарный станочек. Я тебе его, так и быть, подарю.

— Давай махнемся,— согласился Иконников,— станок как раз мне пригодится.

— Можно посмотреть? — прилип Юра к мотоциклу.

— Валяй, только не очень нам мешай. Да мотоцикл не завали, он очень тяжелый.

Мотоцикл был военный, с цепной передачей и очень низкой посадкой. Картер двигателя располагался всего в десяти сантиметрах от земли. Чтобы не разбить его о камни, конструкторы защитили картер снизу полоской брони. Высокий, оребренный цилиндр с верхними клапанами представлял собой современное чудо западной техники. Большое удобное седло размещалось достаточно низко за бензобаком. Цепная передача закрыта металлическим кожухом от пыли и грязи. Ребята заворожено смотрели на эту технику. А взрослые достаточно долго возились, что-то подвинчивая и прокручивая кикстартер.

Минут через двадцать мотоцикл удалось завести. Погазовав немного, Иконников проехался по двору, и усталые мужчины ушли пообедать и выпить по чарке. Обедали довольно долго. За это время мальчишки успели посидеть и покрутить все ручки на руле, а также без заведенного мотора прокатиться по двору. Один сидел и рулил, другой подталкивал сзади.

— Какой тяжелый, зараза,— кряхтя проговорил Юра.— Давай, Толкач, толкай.

Толкач толкал мотоцикл за заднее седло.

— Да аккуратней ты, разобьем еще чего. Тогда больше не дадут. Стой, давай теперь доснимем пленку. Мы на мотоцикле! Здорово!

Левка достал фотоаппарат. Юра сел на мотоцикл фотографироваться. Потом поменялись ролями.

— Вся пленка,— доложил Гагарин.— Пошли проявлять.

Поставив мотоцикл на треногу, ушли в чулан. Проявив пленку, вышли ее подсушить на воздухе. А во дворе «поддатые» механики по очереди катались. Трещал мотор.

— Идите осваивать этот «велосипед»,— поманил ребят дядя Коля.

Мотоцикл опять поставили на треногу. Юра сел.

— Вот это рычаг сцепления. Его надо выжимать, когда включаете первую скорость или делаете переключение на высшую передачу на ходу. Это ручка газа...

После инструктажа мужики пошли в сарай поспать часок-другой, оставив парням мотоцикл.

— Вы пока не заводите мотор,— предупредил дядя Сережа,— тренируйтесь так.

Мужчины спали часа два. За это время ребята успели освоить все рычаги и ручки.

Вышел заспанный Николай Алексеевич.

— Ну как, получается?

— В общем-то да,— ответил Юра.— На ходу бы освоиться.

— Ну, тогда валяйте потихоньку, заводите мотор и на первой-второй передаче. Только не перегревайте сильно двигатель. А мы пойдем к Сергею за его мотоциклом. Надо токарный станок перевести.

Ребятишки обрадовались. Опять халява.

Мотоцикл был рассчитан на жесткую эксплуатацию в военных условиях, на новичка и даже «на дурака». Поэтому NSU стойко «терпел» не профессиональные издевательства.

Кое-как завели мотор. Первым сел хозяин. Выжав сцепление и включив ногой первую передачу, подергался и тронулся. Мотоцикл вихлял, мотор то давал большие обороты, то глох. Но, в конце концов, седок стал ездить немного лучше.

Уличная дорога представляла собой жалкое зрелище. Слева и справа от Левкиного дома расположились две глубокие рытвины, доверху наполненные грязной водой. Ездить приходилось по противоположной стороне. Мотор трещал у чужих домов, что

не очень нравилось их владельцам. Напротив стоял добротный деревянный одноэтажный дом. Около него дорога оставалась еще в доступном состоянии. Там хотя и была яма, но без воды, и «мотогонщики» старались проехать именно здесь. Раз или два у Левки при выезде из канавы глох мотор. Тогда мотоциклист, отчаянно ругаясь, лягал ногой кикстартер. После нескольких попыток мотоцикл дребезжал снова. Тогда, то и появлялась в окошке дома напротив округлое и любопытное личико Эммы. Девчонка училась классом младше, но была рослой и выглядела почти ровесницей Гагарина. Симпатичный конопатый носик ладно уселся между больших, раскосых, голубых глаз. При виде мотоциклистов алые пухлые губки растягивались в доброжелательной, но слегка ехидной улыбке. Наконец окно раскрылось и на подоконник уселась округлая попа в черных сатиновых шароварах.

— Эй, мотокозлы, зачем народ пугаете! Не умеете, не беритесь. Всю улицу задымили!

— Да сейчас, потерпи. Мы скоро научимся,— пытался успокоить ее Гагарин.

— Гагара! А ты что, боишься без Левки ездить? Или ноги коротки?

— Эмм, не мешай, пожалуйста!

— Левка, прокатил бы, а? Или тоже ничего не можешь?

— Задницу отобьешь! — со злостью и вполголоса проворчал Левка.

Но Эмка услышала, скорчила рожицу и показала розовый язычок. Потом соскочила с подоконника со словами: «Ну я вам, козлы, задам!»

— Сколько можно ездить на первой передаче! — заметил Гагарин.— Тебе же сказали, не перегревай мотор.

— Фу,— вытер пот с лица Толкушка.— На, теперь ты помучайся. Со стороны делать замечания не трудно.

Левка не глуша мотор начал враскорячку слезать с мотоцикла. По стариковски кряхтя, велел Юрке придержать за заднее сидение. Не успел Толкушка распрямиться, как Гагарин лихо заскочил на седло держа байк за руль.

— Откуда у тебя такая прыть? — удивился приятель.

А Гагарин уже включил первую передачу и начал трогаться. Растопырив ноги и удерживая машину, он легонько продвигался к заветной канаве. Но тоже не успел газануть при выезде из нее. Мотор заглох. Пришлось поиграть ногой с кикстартером. Наконец мотоцикл заработал. Но в этот момент в окне появилась все то же милое существо с ковшом воды. На мотоцикл и седока обрушился дождь.

— Ты что, уже совсем чокнулась? — начал было Юра, но дал газу и молча поехал прочь, что-то бубня себе под нос. Дождичек ему пришелся явно не по душе.

Возвращаясь назад, он поглядывал на окно. Но другой дороги не было. Красивые девичьи руки уже держали ковш побольше.

— Не дури! — пытался было вразумить девчонку Юра.— Что, мне мокрым домой идти, или перед тобой рубашку снимать и штаны?

Но дама была безжалостна и окатила снова. На этот раз вся вода вылилась на штаны и цилиндр. Попала на свечу зажигания с самодельным проводом. Случилось замыкание, и мотор заглох. Гагарин попытался на руках вытащить из ямы агрегат, но тут снова вылился ковш воды, теперь уже на голову. Потом еще один и еще. Похоже, перед окном стояла пара ведер и Эмка черпала из них воду и опрокидывала за окно.

Наконец весь мокрый Юрка привел мотоагрегат к Левкиному дому.

— Вот зараза! — заорал Левка и пошел взгреть неумную девицу. Подошел к окну и стал грозить кулаком. Но отчаянная девица вылила на него из ведра все, что осталось. Левка принял удар стихии на грудь и весь мокрый направился к незапертой калитке, чтобы дать тумачков. Но во дворе была Эмкина мама.

— Что это вы там расхулиганились? — как ни в чем не бывало спросила она.

Толкушка застеснялся соседки и не солоно хлебавши вернулся назад. Мокрые

друзья посмотрели друг на друга и разразились взрывным смехом. Но, между делом, стали думать о мести.

Теперь катались в противоположном направлении. Гагарин был сильнее, и мотоцикл удерживал лучше. Когда часа через два старшие подъехали на BMW Иконникова, ребята уже неспешно двигались по улице, старательно объезжая канавы. Ездили на второй-третьей передачах, и мотор меньше перегревался.

— Ну-у, даете,— обрадовался дядя Коля,— и мотоцикл еще не сломали. Молодцы. А что это вы мокрые, как куры? Дождь, что ли, здесь прошел? Вообще-то на сегодня хватит. Дайте технике отдохнуть, да и сами идите сушиться.

Николай Алексеевич подозрительно посмотрел на мокрых ребят, на мотоцикл и ушел домой. А те поставили машину на место и пошли за пленкой, которая тоже сушилась, но после проявки. Вечером уже печатали фотокарточки.

К сожалению, фото Юры на мотоцикле не сохранилось. После его полета в космос ушлые журналисты забрали у Толкалиных почти все его фотокарточки. Родители с удовольствием отдавали. Как же, их сын был одним из друзей детства Юры.

Сохранилось лишь фото Левки на мотоцикле. Снимал его Юра Гагарин.

А ездить на мотоцикле ребята научились хорошо. Попросив разрешение у дяди Коли, они катались и на трассе Москва — Минск, и в деревню Горлово, и в Клушино. Правда, на шоссе ездить побаивались. Машина была без номеров. Тогда трофейную технику практически не регистрировали. Но ГАИ не досаждала, было не до того. В Гжатске в те времена такой службы вообще не было. А появилась она значительно позднее.

С мотоциклом обращались аккуратно и бережно. Мастеровой Левка научился регулировать мотор, а Юра вообще любил чистоту. Мотоцикл был всегда вымыт и где надо — подкрашен. Дядя Коля за это не раз хвалил ребят и давал покататься, точно зная, что будет порядок.

Уже совсем взрослые

Каникулы пролетели незаметно. Ребята повзрослели и возмужали. Юра выглядел совсем, как взрослый парень. Только Вовка Попов да Толи Виноградов и Орешонков еще резвились. Заметно подросли и остепенелись девчонки.

С новым учебным годом! Какой это был шестой! Совсем взрослый. Половина ребят была переростками. Война отняла у кого год, у кого два. Да и шли в школу не с шести, как в наше время, а с восьми-девяти лет. Многим ребятам учиться бы в восьмом, или даже в девятом, по сегодняшним меркам. Рая Стольникова, Аня Круглова, да Тоня Дурасова выглядели, как невесты. Особняком стояли крепкие ребята: Юра Гагарин, Валя Петров и Женя Васильев. Особенно выделялся крупный Валя Петров.

В класс пришел новый классный руководитель — математик Натан Вульфович Марьяхин. Представился, огласил список.

— Есть среди вас любители математики?

Все молчали.

— Ну вот, значит, математиков нет. Что это за такой класс?

Неуверенно потянулись руки.

— У нас Юрка Гагарин силен в математике,— бойко отрапортовала Комиссарова.

— Ну и мы ничего, решаем задачки,— влез Славка Нижник.

— У нас Чернухов задачки «шелкает»,— добавила Анка Круглова.— Вон у него голова какая, с ведро!

Все засмеялись, а «Натан» примирительно заметил:

— А я уж было совсем разочаровался. Посмотрим, кто тут из вас «математик» и по какой части.

Парт в классе не было. Стояли крашенные в черный цвет столы с лавками, каждый на четверых. В этот раз на первом правом столе был недобор; сидели трое: Ерофеев, Толкалин и Гагарин. Левке дали сзади шелбана, и он крутил головой, пытаясь понять, кто это сделал, чтобы дать сдачи. При этом толкал соседей, которые отвечали локтями в бок. Юра что-то писал в тетрадке. Ерофеев видел, кто дал шелбан, молчал и хихикал. Натан посмотрел на хулиганивших парней и вызвал их всех к доске.

— Выходите к доске, приятели, поработайте-ка головой, а не локтями.

Все трое вышли и стали слушать задание. А оно было таким: диаметр основания конуса 20 сантиметров, высота конуса 20. Зарисовать объект и вычислить значения боковой стороны и угла. Каждый должен был дать свой вариант рисунка и решения. Решение было несложным. Все это понимали и удивлялись, зачем Натан дал такую задачу.

Ерофей нарисовал ровный круг на доске с условным диаметром 20, а от центра вверх провел прямую длиной тоже 20. Левка немного подумал и стал рисовать плоскую двумерную проекцию конуса. Гагарин нарисовал конус в изометрии. Вместо круга — эллипс, обозначил вершину, провел видимые боковые стороны, а внутри — развернутый на тридцать градусов от боковой стороны прямоугольный треугольник с основанием 10. Получилось красиво и естественно.

— Ерофеев, что, у тебя совсем нет пространственного мышления? За такой рисунок надо бы поставить неуд! Посмотри, как правильно изобразил условие задачи Гагарин!

Ерофей мельком взглянул на рисунок отличника и молча начал стирать свой с доски.

— Толкалин, так как ты изобразил условие — допустимо, но плоско! Без души! Это не конус, а равнобедренный треугольник! Говорят, что ты тут в классе художник? Какой же это художник, который не видит изометрии! Ладно, садитесь. Гагарину я ставлю «отлично», Толкалина «хор» с минусом, а Ерофееву — «уд».

Была уже середина урока. Ерофеев все вертелся, Толкалин зачем-то держал во рту грязный палец, Виноградов барабанил пальцами по столу, как будто бы играл на баяне. «Натан» подошел к Николаю и отвесил ему подзатыльник. Вынул у Левки палец изо рта и придержал руку Толи Виноградова.

— Ну вот что, детишки-переростки. Я вижу, кое-кто из вас еще сосет палец и вертится, как волчок. Толкалина я принесу соску, а Ерофеева буду привязывать к парте веревкой, чтобы не вертелся. И на гармошке играть надо дома, а не в классе!

Ребята притихли. У Натана не забалуешь! А Натан уже продолжал урок.

Следующим уроком была физика. Пришел Беспалов Лев Михайлович и стал объяснять значение физики в наше время.

— У нас есть физики, — не дожидаясь возможного вопроса, встала и пролепетала Галя Афанасенкова. — Вон, Левка вечно возится с железками, с Юркой Гагариным на мотоцикле ездят

— Да сядь ты Курносенкова.

— Я не Курносенкова!

— Ладно, Афанасенкова, извини. Но сядь на место и не заводи мне «квас».

Лев Михайлович не выговаривал букву «л». У него она получалась «в». Сперва это забавляло, но потом к «квасу» привыкли, и уже его не замечали.

Юрка-ухажер

Ребята стали дурачиться, но в этот момент вошел математик Марьяхин Натан Вульфович с улыбочкой на лице. Увидев Нижника с рейкой, Натан неловко пошутил:

— Привет, переростки! А ты, Вячеслав, только рост меряешь? Может быть, у кого еще чего сильно выросло?

Класс поначалу не понял, но Круглова на всякий случай хихикнула. Стали вполголоса смеяться и другие.

— Круглова, ты меня не так поняла,— продолжал, между тем Натан.

Анна слегка покраснела, а ребята притихли.

— А вообще-то вы парни и девочки стали почти взрослые! Вон Стольникова — хоть сегодня замуж отдавай. Мне говорят, что и Гагариным уже девочки интересуются. Гагарин, это так?

— Не мне судить,— скромно и почему-то тоже с улыбочкой ответил Юрка.

— Не скромничай, Гагарин. Ты парень видный, во как вытянулся и возмужал, да и учишься хорошо. Сейчас к нам придет девятиклассница, симпатичная девочка Сапожникова Таня. Ей комитет комсомола поручил шествовать над нашим классом. От нее пойдет информация и в районный комитет о том, что у нас за класс. Надеюсь, это будет хорошая информация, за которую мне, вашему новому классному руководителю, не будет стыдно. Гагарин, ты понял, к чему я клоню?

— Не понял, при чем тут я.

— А кто понял?

— Я, кажется,— неуверенно отозвалась Тоня Дурасова.

— Ну и ...?

— По-моему, Юрка должен поухаживать за Сапожниковой.

Класс опять затих. Только Коля Ерофеев заерзал, да Славка Нижник чихнул.

— Воистину правда! — со смехом буркнул Валя Петров.

— Ну раз «воистину правда», вот Гагарин тебе поручение: держать контакт с Сапожниковой по всем общественным вопросам. Изредка можно действовать и по рекомендации Дурасовой. Ты ведь у нас не только староста класса, но и симпатичный, плотный парень. Все.

К концу урока Натан вышел и вернулся с довольно рослой девушкой. Она была в светло-синем платьице под горлышко и рукавами до локтей. Юбочка на уровне колен. На стройных ножках — недорогие, но модные туфельки на каблучках. Выделялась узкая талия, хорошо оформившиеся бедра. Прическа — темно-русая средней длины толстая коса.

— Фюить! — присвистнул Васька Левашов.— Вот это «Сапोजок»!

— Левашов,— одернул Натан Василия,— какой еще «Сапोजок»?

Но было уже поздно. Кличка прочно приклеилась.

— Вот ваш шеф по комсомольской линии. Прошу любить и жаловать! Гагарин, подойди сюда,— распорядился Марьяхин.

Юрка, не торопясь, вылез из-за стола и подошел. Лицо ничего не выражало, но чувствовалось внутреннее напряжение.

— Не бойся, подходи поближе, она не кусается. Знакомься.

— Гагарин Юрий, староста.

— Таня Сапожникова, член комитета комсомола.

Сапожникова и Гагарин отошли в сторонку и стали вполголоса разговаривать. Натан рылся в классном журнале, а класс затаенно молчал. Поговорив, девушка грациозно удалилась, а Юрка сел на свое место. Прозвенел звонок. Натан ушел, а класс загудел.

— Вот это деваха! — воскликнул Колька Ерофеев.— Какая косичка! А бедра!

— Ничего особенного,— ревниво отозвалась Тоня Дурасова.— Девчонка, как девчонка! Наши не хуже! Рай, покажи бедра. Аида — встань во весь рост, покажи локоны, талию!

Рая Стольникова кокетливо приподняла юбочку и показала восхитительные бед-

ра. Аида Лукина встала во весь рост, обозначила талию и тряхнула красивой головкой. Русые спиральные локоны закачались, как свечи на елке.

— Во, какие ножки прятала! — удивился Вовка Попов.— Покажи повыше.

— Посмотрел и хватит,— ответила Рая и опустила юбочку.

— Наши классные ножки и локоны, конечно, лучше,— вмешался Валя Петров,— но дело все во вкусе. Эй, Юр, может, ты мне перепоручишь поухаживать за Таней, а сам займешься нашими, классными ножками и локонами, а?

Юрка ничего не ответил, но было видно, что ему понравилась Таня.

Через урок, на перемене, староста пропал. Это заметили сразу все.

— А где это наш Юрий запропастился? — удивился Нижник.

— Да вон, во дворе с новым шефом шастает,— завистливо ответил Толя Орешонков.

— Смотрите, он уже ее под ручку взял! — завопил Вовка Попов.

— Да не он, она его!

Ребята и девчонки кинулись к окну. Во дворе парочка прогуливалась и разговаривала.

Сапожок держала Юру под руку и что-то лепетала. Гагарин был немного повыше и плотнее. Татьяна же не казалась старше его.

— Ну, пропал наш Юрка! Был свой парень, а теперь его этот Сапожок приручит,— почему-то с грустью прокомментировала Аня Круглова.

К началу следующего урока Гагарин вернулся в класс.

— О чем это вы там договаривались, когда вечером встречаться? — хитро спросила Стольников.

— Да нет, все по делам.

— Знаем мы эти «дела»!

Недели через две к Сапожку привыкли. Дела в классе шли своим чередом. Юра, кажется, с удовольствием выполнял поручение Натана. А Сапожок старательно переписывала все полученные двойки, а когда их накапливалось много, то вызывала двоечников в комитет комсомола.

— Где тут у вас Орешонков? — как-то пришла Татьяна.— После уроков чтоб был в комитете. Опять двоек нахватал.

— Да ну ее, надоела! — уныло пробубнил Толька.— Не пойду!

Но после уроков все же пошел, а там в который раз пообещал двойки исправить.

— Ну чего твой Сапожок зверствует? — ныл на другой день Толя.— Юр, поцеловал бы ты ее, что ли! А то она злая, чуть что — в комитет.

— А что, дадим старосте такое общественное поручение,— обрадовалась Анка Круглова.

— Ладно, как-нибудь при случае поцелую,— то ли серьезно, то ли в шутку ответил Гагарин.

Стояла превосходная погода, и было отличное настроение. Натана вызвали в городской отдел народного образования. Урока математики не было. Хотели уже расходиться. Но тут явилась Сапожникова.

— Я по поручению Натана Вульфовича.

— Ты что, будешь проводить урок математики? — испугался Толя Орешонков.

— Нет, мы пойдем в городской парк, немного приберем эстраду, а заодно и пообщаемся. Это еще и поручение директора школы.

Затея всем понравилась. Быстро собрались и отправились в парк. В центре парка стояла небольшая эстрада. Весной и осенью здесь нередко проводились школьные собрания, так как своего большого зала школа не имела.

Юра и Таня быстро распределили обязанности: кому подметать, кому мыть сцену. Работа закипела. Юрка, улыбаясь, подошел к Сапожниковой.

— Послушай, Тань, у меня к тебе деликатное общественное поручение.
— Выкладывай.
— Смеяться и обижаться не будешь?
— Валяй.
— Мне класс поручил поцеловать тебя.
Татьяна внимательно посмотрела на Гагарина. То ли шутит, то ли смеется.
— А как, при всех, или наедине?
— Да вот двоечники жалуются. Говорят, ты злая стала. Может, пойдешь.
— Ах, вот в чем дело,— рассмеялась она.— Тогда давай так, чтоб твои двоечники видели,— немного зло хохотнула Таня.
Парочка сознательно стала за хилый полупрозрачный кустик, чтобы всем было видно. Подошли друг к другу поближе.
— Смотрите, что делается,— завопил Толька Орех.
— Во дурачье, отсюда все же видно! — прошептала Райка Стольниковая, глядя на кустик.
Девчонки и ребята делали вид, что работают. Кто боковым зрением, а кто внахалку пялились на полупрозрачный куст.
— Чего же он стоит, как пень! — не выдержал Женя Васильев.— Юрка, давай! Выполняй поручение!
— В самом деле, выполняй уж,— со смехом потянула щеку к Гагарину Таня.
— Фу, слава богу,— с облегчением вздохнул Толя Орех,— теперь, может быть, таскать в комитет не будет.

Гагарин-хулиган

У Гагариных был приличный огород, соток 15. Надо было кормить большую семью. Вскопать такую площадь было нелегко, да и убрать огород — тоже. Поэтому сажали картошку часто под плуг, плугом и копали. Если хороший плуг достать не удавалось, управлялись сохой. Алексей Иванович брал лошадь у знакомого конюха, что жил на краю города. За лошадью обычно посылали Юрку. А тот любил лошадей, и мог взять лошадь с поля, поездить верхом без сбруи, да и без ошибок запрячь в телегу.

Была осень. Пора было собирать урожай. Гагарины копали картошку поздно. Считалось, что при поздней копке клубни сохраняются зимой лучше, так как кожура успевала задубеть.

Как-то Алексей Иванович сказал сыну:

— Юр, поезжай-ка к Ивану Федоровичу. Возьми лошадь с телегой. Я договорился.

Юра вывел трофейный велик из сарая и стал осматривать. Цепь изрядно провисла и заржавела. Шины спустили. Пришлось искать насос и машинное масло. Насос удалось обнаружить под Борькиной кроватью.

— Вечно этот Борька бросает насос, где попало,— проворчал Юра.

— А сам-то все кладешь на место? — засопел услышавший критику младший брат.

— А тебя никто не спрашивает, сиди и ешь свою картошку! Не мог протереть цепь? Смотри, как заржавела! Только ездить горазд.

Борька виновато высморкался, но продолжать пикироваться не стал. А Юра нашел старый автол, развел его немного керосином и начал смазывать цепь.

— Не накапай на пол! Мать ругаться будет,— не без удовольствия заметил Борька.

Появилась сестра Зоя и похвалила меньшого за осмотрительность.

— Я ему в штаны сейчас накапаю,— миролюбиво огрызнулся Юра.

Наконец цепь была подтянута, смазана, а камеры накачаны. Для убедительности Гагарин проехался по двору, потом вывел велосипед за калитку и поехал за лошадь. Одному было скучновато, поэтому решил заскочить к приятелям по домам. Дома застал Левку. Тот сидел на крыльце и строгал напильником ржавый немецкий штык-тесак.

— Что делаешь?

— Да вот, нашел в канаве, совсем поржавело лезвие.

— А на хрена он тебе?

— А как же, пригодится. Вот отскоблю, будет, как новый.

— Слушай, не хочешь прокатиться на лошади? Отец послал.

Левка тут же отложил тесак и стал собираться. На женской раме не была привязана традиционная палка. Пришлось трястись на багажнике.

Заехали к Славке Нижнику, но его не оказалось дома.

— Шляется где-нибудь.

Поехали к Толе Виноградову. Тот сидел на большом пне во дворе и наяривал на старой гармошке. Увидев приятелей, отложил инструмент.

— Дай попробовать,— попросил Толкач.

— Валяй, только недолго.

Толкушка растянул меха и стал на слух подбирать мелодию.

— Хватит пикивать, некогда,— остановил Юра,— поехали.

Толик успел вскочить на багажник, а второй приятель потрусил рядом.

Быстро нашли конюха. Тот сидел в сенях, за столом, и хлебал щи.

— Лошадь за огородом, на лужайке. Телега за сараем, сбруя — на телеге. Все.

Пошли за сарай. Гагарин взял уздечку и вынул из кармана кусок черного хлеба.

По огороду, межой, прошли к лошади. Та была стреножена и неторопливо щипала травку на небольшой лужайке. Юрка помахал хлебом. Лошадь неспешно попрыгала к нему стреноженными ногами.

— Лев, сними путы, пока я буду ее прикармливать.

Левка опасливо стал развязывать лошадиные ноги, а Юра подкормил лошадь и ловко одел уздечку на морду. Потом так же ловко вскочил на лошадиную спину и проехался по лужайке.

— Ну, кто хочет?

— Я,— подпрыгивая, заорал Толкушка.

— На, держи узду. Съезди к ручью, надо напоить.

Приятеля подсадили друзья. Тот неуверенно залез на широкую лошадиную спину.

— А держаться-то не за что!

— За гриву! — со смехом посоветовал Толя.

Седок с трудом держался, но не подавал виду. Потоптавшись на одном месте, наконец, направился к ручью. Неширокий ручей был рядом, и лошадка быстро поняла, что от нее хотят. Мотаясь на спине, Левка добрался до места и отпустил поводья. Лошадка недолго попила, опустив шею, а потом зачем-то решила перескочить на другую сторону.

Друзья не сразу поняли, куда делся кавалерист.

— Свалился! — предположил Виноград.

— Сам вижу, что свалился.

Наконец из ручья показалась мокрая голова. Проковыряв уши, Левка услышал увесистый раскат ржаловки. Парни держались за животы.

Приятели подошли ближе.

— Снимай штаны, хвались,— со смехом предложил Гагарин.

— Это зачем?

— Выжимать будем, да заодно посмотрим, чем богат.

Лев снял брюки.

— Не порвите, других нет.

— У нас тоже, только мы в штанах не купаемся.

Гагарин и Виноград крутили штаны. На землю лились грязные водяные потоки.

— Снимай трусы, что, в мокрых поедешь?

— Да как-то неудобно.

— Снимай, говорят! О том, что увидим, девчонкам ничего не расскажем!

Выжали трусы, носки. Левка, морщась и кривляясь, натягивал мокрую и холодную амуницию. А Юра перепрыгнул ручей и оседлал лошадь.

— Смотрите, как надо.

Под Гагариным лошадка перешла на рысь и перемахнула ручеек. Седок сидел, как ни в чем не бывало!

Запрягать во дворе было неудобно. Всем миром выкатили телегу на улицу. Опытный Юрка стал ловко запрягать. Завел лошадь за оглобли, перевернул «вверх ногами» хомут и напялил его на лошадиную шею. Потом снова перевернул и засупонил снизу. Толкушка поднял оглобли, а Анатолий подал дугу. Конюх некоторое время смотрел, как идет работа. Потом ушел домой. Все в порядке, ребятам доверять можно.

На телегу погрузили велосипед и расселись сами. Телега затряслась и загремела по дороге. Сперва ехали по окраине, рассказывая разные небылицы. Юрка дергал за вожжи.

— Ну... милая! — причмокивая губами, как отец, торопил он лошадку.

Толя Виноград вдруг затих.

— Смотрите, наш Лев Михайлович.

Разговаривать перестали. Навстречу, по утоптанной тропинке у дороги, шли, разговаривая, высокий, красивый учитель физики Лев Михайлович и маленькая, стройная и симпатичная учительница Олимпиада Петровна.

Стали вполголоса советоваться, здороваться или нет.

— Не стоит, — предложил Юрка, мало ли что.

— Ты о чем?

— Помолчи!

Между тем пара поравнялась с телегой и прошла мимо, вроде бы не замечая своих учеников. А на телеге затаенно притихли. Что будет? Удалялись шаги, негромко постукивала телега на выбоинах. Потом в Гагарина вселился бес. Он вдруг встал на телеге во весь рост, повернулся к преподавателям, и заорал:

— Лев Михайлович, как Олимпиада Петровна? А?..

У Толкушки стали круглыми и стеклянными глаза, а Виноград попластунски прижался к телеге. Юрка тоже грохнулся на доски и уже лежа продолжал наблюдение.

Парочка никак не отреагировала. Тактичный Лев Михайлович не оглянулся. Сделала вид, что ничего не слышала и Олимпиада Петровна. Но как-то на перемене, учитель подозвал Гагарина. Тот понуро подошел и в метре от него опустил глаза. Парни, кто знал, наострили уши. Но «Большой Лев» говорил вполголоса, и ничего не было слышно.

— Ну, Гагарин, а ты оказывается еще и чуть-чуть хулиган! Правда, с юмором.

Тот хотел что-то ответить, но Большой Лев остановил его.

— Я же сказал, чуть-чуть. А это не самый существенный порок. А кое-где и оригинальный! Да и в разведке без юмора нельзя!

А из глаз любимого учителя сыпались добрые и лукавые искорки.

— Ну что, пригрозил тебе? — шепотом спросил Толя Виноград.

— Не-е, он мужик, что надо. Просто рассмешить хотел.

Охотнички

В дождливые годы карьер заливало водой. Вырастал камыш, а воду затягивало ряской. Здесь любили кормиться дикие утки.

Как-то в воскресенье Алексей Иванович предложил сыну.

— Юр, взял бы ты ружьишко, да прогулялся на болото. Дичи давно не ели, да и ружье давно не стреляло, заржавеет.

Прихватив одностволку, Юрка побежал к Толкалиным. Николай Алексеевич был заядлым охотником и знал, где водятся утки.

— Сходите вечером на болото, за улицей Московской. Это рядом.

Ждать до вечера не хотелось.

— А сейчас нельзя ли? — поинтересовался Гагарин.

— Сейчас все утки в камыши попрятались, — ответил охотник. — Если очень хочется, походите по реке Олешне да загляните на карьер.

Левка взял свою, старую и разболтанную одностволку. Своей «централки» дядя Коля не дал.

— Без меня не дам. Подождите до вечера, может, я с вами прогуляюсь. Тогда — другое дело.

— Да мы сейчас лучше пробежимся, — нетерпеливо проорал Левка.

Охотнички бойко добрались до болота. Походили немного по прибрежью. Ноги в старых ботинках то и дело заливало водой. Камыш и трава поднимались выше роста. Перескакивая воду по кочкам и спотыкаясь, быстро устали. Где-то сорвались утки. Но их не было видно за камышами.

— Все это пустое, — проворчал Юра. — Ни черта не видно. Надо выбрать место повиднее и там стоять, пока не полетят утки.

Постояли, переминаясь с ноги на ногу. Ноги давно уже промокли. В ботинках чавкала вода. А до вечера было еще далеко, и торчать в болоте надоело.

— Пошли, пройдемся к карьору, — предложил Гагарин.

Вышли на берег, сняли ботинки и вылили из них воду. Левка выжимал носки. Юрка сделал то же и развесил носки на кусты проветрить. Поговорили еще, потом надели еще мокрые носки и ботинки и пошли на карьер. Шли лесом, подбирая уцелевшие ягодки. У карьера прислушались.

— Вроде как крикает, — предположил Толкач.

— Не слышу.

— А ты послушай повнимательней!

Прислушались еще раз. По направлению на карьер несильно крикало.

— Утки, — нетвердо прошептал Гагарин.

К карьору подползли по-пластунски, осмотрелись. С края было видно, как на свободных от ряски и камыша прогалинах плавали две большие утки.

— Ух, какие криквы! — шипел Левка. — Давай ты в левую, а я в правую, по команде. Целься... пли.

Почти одновременно ухнули два выстрела. Полетели перья, а парни вскочили и бросились вниз перехватить дичь. Впереди бежал Левка, за ним Юра.

Подбежав к воде, Толкушка стал снимать штаны. Утки лежали на воде недалеко. Но в этот момент из кустов выскочили два здоровых, обозленных мужика с ружьями. Один толстый, коренастый, второй тощий, длинный.

— Ах вы, гады, что, ослепли совсем!? Куды, дуры, лупите? Это же деревянные утки — подсадки!? Протерли бы бельмы, прежде, чем целиться! А ну давайте сюда ваши стволы!

Надавав, как следует, оплеух, мужики пришли в себя и начали самосуд.

— Так... Отцы есть?

— Да вроде бы есть.

— Мы этих уток две недели вырезали из деревяшек да обклеивали пером, чтобы вы, засранцы, их в один миг раздолбали! Да что теперь с вас взять! Как фамилии отцов?

— Толкалин, — неуверенно пролепетал Левка.

— Как, как? — не расслышал тощий. — А, Николай. Знаю такого, приятели. Вот берите своих «уток» и пошли.

Идти было не так далеко. И еще не вечерело, как понурые охотники уже пришли к дому Толкалиных и постучали.

— Во, твоих «охотничков» ведем, с деревянной «дичью».

— А-а, привет! Что случилось? М-да! Крепко ложанулись... Пошли в дом, разберемся, — распорядился Толкалин-старший. — А эти «охотники» пусть здесь сидят.

Через полчаса вышла Валентина Васильевна, Левкина мама. Она не сдерживалась от смеха. Нате, подкрепитесь. А на охоту вам велено готовиться завтра. Вас взрослые берут с собой. Уж очень вы стрелки хорошие. А деревяшки бросьте. Чего вы их держите?

Из открытого окна слышался веселый разговор и неистовое гоготанье. Там выпивали и рассказывали, как из деревянных уток летели щепки и перья. Вышел уже «хороший» дядя Коля и велел расходиться по домам.

Назавтра пошли на болото с собакой. Набралось человек шесть. Разошлись по местам и стали ждать. Завечерело. Пошли утки. Палили все. Юра «замочил» двух «крякашей», Левка — чирка. Все возвращались с добычей, когда было уже темно. Взрослые все рассказывали про нашу охоту на деревянных уток и опять безудержно, до слез, хохотали.

К сожалению, не додумались мы, охотнички, сфотографироваться. Но на охоту, уже космонавтом, Юрий Гагарин все же приезжал. Был случай зимой, когда удалось поохотиться вместе. Юра приехал со своими друзьями на «буханке» — зеленом военном микроавтобусе. Из местной компании было городское начальство и егеря. После удачной охоты, как заведено, решили перекусить. Нарубили елового лапника. На брезенте разложили закуску, да охотничьи столовые инструменты. Усевшись на лапнике, выпили по чарке, другой, третьей, поговорили. Пока один их начальников рассказывал очередную охотничью байку, а Гагарин жевал соленый огурец, вполголоса обратился к нему.

— Слушай, Юр, ты бы подарил мне какую-либо фотокарточку, что ли. А то у меня ничего взрослого нет, а все юношеское растащила пишущая братия.

— Алексей, — обратился тот потихоньку к шоферу. — Там, в машине папка с бумагами и фотокарточками. Дай-ка ее мне.

— Во, как раз зимняя охота.

Порывшись в карманах, и не найдя авторучки, Юра шилом охотничьего ножа нацарапал надпись: «другу детства...»

— Подойдет?

— Пойдет, спасибо.

Еще музеи

Слева, на берегу, величавый Благовещенский собор XIX века. До войны здесь был целый церковный комплекс, с колокольней и часами. Немцы колокольню взорвали, а может быть, и наши вышибали с нее немецких корректировщиков. Во время штурма города нашими частями в 1943 на куполах церковью сидели немецкие пулеметчики. Пришлось их тоже выбивать огнем танковых пушек, разрушивших кровлю.

Пока идем к музеям, вспоминаю, что сразу после освобождения, в 1943, здесь

спешно организовали кинотеатр, наспех залатав перекрытия и кровлю. Разбитые купола даже не ремонтировали. Так он и просуществовал с десятков лет. В церковных сводах установили лавки и киноаппараты. Как хотелось попасть в кино! Но не тут то было. В кассу — маленькое окошечко в пристроенной будке, стояли сотни людей, в основном пацанов со всей округи. Очередь была настолько тесной, что нахалы свободно лезли по головам и просовывали рубли в оконце. Пришел и наш класс. Но нахалов среди нас не было. Поотиравшись, вышли на улицу. Но здесь уже шуровала банда парня по кличке «Шамай». Шамай осклабился.

— Что Гагара, не солоно хлебавши? Примыкай к нам, сейчас у кого-нибудь отнимем.

— Нехорошо отнимать.

— А ты сходи купи, а мы у тебя и возьмем.

Юра ничего не ответил, а Шамай зачем-то полез по выбитой снарядами и пулями отвесной церковной стене. Он явно бахвалился своей ловкостью и бесстрашием.

— Что, Гагара, слабо, как я! Или жила не та?

— Да нет, та, только в дурь я не играю.

— Давай в очко сыграем. Деньги есть?

— Откуда?

— Тогда давай померимся, кто выше заберется.

Чувствовалось, хулиган не шутит. Его прихлебатели загоготали. Видно, ему не впервой лазать по стене.

— Что, уже наложил в штаны? — не унимался Шамай.

У Гагарина заходили жевлаки на скулах.

— Пошли отсюда, — посоветовали Толкач и Славка Нижник.

Между тем начинали собираться одноклассники. Так, на всякий случай.

— А Гагара-то ваш того, слабоват, — обратился к ним «бугор».

Гагарин, между тем, начал снимать ботинки.

— Ты что, совсем рехнулся? — удивился Валя Петров. — И не думай! Сорвешься!

— Ну, если уж я «в штаны наложил», посмотрим, чья возьмет! Сорвусь, так сорвусь. Иногда надо и рисковать.

Несмотря на протесты своих, Юрка уже примеривался, нащупывая дыры от вывалившихся от пуль и осколков кирпичей.

Метров шесть они лезли вровень. Шамай громко сопел и ругался матерно, если соскальзывала нога. Ботинки он снять поленился, так как был самоуверен. Наконец, Юрка вышел вперед на метр.

— Хватит! — орали ребята Гагарину. — Разобьешься!

Метрах на десяти Шамай остановился, и у него сорвалась нога. Но он удержался на руках, ругаясь и ища опоры. Начал слезать и Юра. Слезать было куда труднее, чем лезть вверх. Стоящие внизу ребята притихли, глядя на придурков. Ботинки у Шамаю то и дело соскальзывали. Наконец он выбился из сил и стал трехэтажным матом орать на своих.

— Сделай чо-нибудь, Черный.

Черный, нагловатый мальч, смотрел, задрав голову.

— А чо я сделаю? Как залез, так и слезай.

— Ну, сучара, дай только слезть, я те врежу!

— А ты сперва слезь! — гоготнул Черный.

Гагарин прислушивался к перебранке и, наконец, понял, что шутки плохи.

— Левка, дуй, звони пожарным!

Тот «дунул» к театральной кассе. Там был телефон. Пробарабанил в закрытое окошко. Слава богу, кассирша еще сидела на месте.

— Чего тебе, охренел — барабанишь. Сеанс давно начался!

Левка сбивчиво объяснил.

— Добаловались, стервецы! — прошипела кассирша, но принялась звонить.

Толкушка бегом отправился к стене. Юрка уже почти слез. А Шамай все еще болтался на высоте и уже орал во все горло от страха, пристроившись на большой выбоине.

Приехала долгожданная пожарная машина. Развернули лестницу и сняли чуть живого Шамай. Пожарники допросили его и дали под зад, поняв, что от него ничего не добьешься. Записали домашний адрес со слов шамаевцев и уехали. Затем все разошлись.

— Зря рисковал,— вполголоса прогудел Валя Петров.— Шамай того не стоит.

Гагарин же ничего не ответил. Но видно было, что о риске он не жалеет. Надо было проучить хама. А рисковать, конечно, иногда приходится, даже жизнью.

Школьный музей

Всматриваюсь в фото. Вот окна нашего класса с печным отоплением. Зимой всегда было холодно. Пробитые осколками стены плохо держали тепло. Хотя истопники старались изо всех сил. И днем и ночью гудела печка с дровяным отоплением. В старых дырявых печных трубах за многие годы скапливались шлаки и прочие горючие отложения. Жарили печи так, что однажды во время занятий загорелась закоксованная труба. Она жутко гудела, а из нее на улице поднималось пламя, метра на четыре.

Через полчаса посыпались раскаленные кирпичи на чердаке. Запахло пожаром. Женщины-преподаватели беспомощно засуетились во дворе. Классы высыпали на улицу.

— Загорится школа, где учиться будем? — проговорил задумчиво Гагарин.

— Тушить надо! — пропищала Афанасенкова.— Пока пожарные приедут, стогрит.

— Сам знаю что тушить надо. А как?

Между тем, обстановка накалялась. Подошли старшеклассники.

— Чего смотреть, помогать надо! Где ваш Гагарин?

Юра быстро оценил обстановку и метнулся на чердак. На чердаке было нестерпимо жарко. Вот-вот вспыхнут деревянные стропила! С трудом прорвался к слуховому окну. Пока лез на крышу, раскалились штаны и ботинки. Наконец, удалось залезть на горячую кровлю и дать первые команды.

— Васька, дуй за ведрами. Там, на пожарном щите, есть ведра. Да бегом к колодезю — все! Быстро.

На помощь Юре уже спешили ребята, топая по горячей жестяной кровле. Рослый Валя Петров тащил длинную бельевую веревку, которую снял в соседнем дворе, сбросив белье. Громко бранилась какая-то старуха.

— Паршивцы, что с моим бельем наделали, только стирать закончила! Я вам сейчас задам!

Но было не до белья. Внизу ребята уже подходили с водой. Привязывали к веревке ведра, а Валя Петров и Женя Васильев тянули их наверх, рискуя свалиться с крыши. Гагарин деловито поливал воду в трубу. А из трубы вились огромные клубы пара и дыма. Вскоре подоспели и старшеклассники с песком, засыпая очаги огня на чердаке.

Наконец, приехали пожарники. Ссадили ребят, а сами занялись пожаром.

В конце занятий старшие классы построили, а с ними и наш шестой. Всем объявили благодарность.

— Гагарин, два шага вперед! — скомандовал военрук Головкин.— Объявляю благодарность за находчивость и помощь при тушении пожара!

Обходим экспозиции школьного музея дальше. Вот отзывы в журнале. Здесь, под текстом, расписался Гагарин. Здесь — тоже. Проходим дальше. Отлично оформлен-

ные стенды первого полета в космос. Фото Юрия Алексеевича — депутата. Гагарин в парадном мундире, на Мавзолее, с Неру и Насером, Фиделем Кастро.

Раки

Во времена юности Юры Гагарина экология была в норме. Места у плотины облюбовали раки. Ребятишки лазали руками по старым бревнам и, нащупав, вытаскивали порой крупных рачищ. Особенно хороша была ловля ночью. Здесь, у плеса, собиралась компания во главе с Гагариным. Левка вооружался вилкой, привязанной к длинной палке. Руками брать раков он побаивался, потому что раз крепко взял его за палец крупный «зверь». Вася Левашов приходил с сачком на лыжной палке, Женя Васильев — с немецким штык-ножом для рубки хвороста. Валентин Петров — с большим карбидным фонарем. Говорун Слава Нижник обычно занимался большим бревенчатым плотом, который мог держать человека четыре. К вечеру на носу плота разжигали костер и отправлялись на отмель, к плотине. Костер несильно освещал на мелководье песчаное дно. Присмотревшись, можно было увидеть рака и взять его вилкой или сачком. Три-четыре человека сидели на плоту и шуrowали вилками. Остальные стояли у костра и просматривали дно, докладывая, где раки. Позднее, нагулявшись, раки прятались в норы и деревянные пни плотины. Но до полной темноты удавалось набирать их с небольшой мешок. Потом жгли костер на берегу и варили часть раков на пробу. Рассказывали всякие случаи из жизни и рыбалки.

— Кто сколько наловил? — спрашивал старшой Гагарин.

Начиналась хвальба. Каждый старался немного прибавить. А когда раков пересчитывали, их оказывалось намного меньше.

— Ну, среди нас есть настоящие рыбаки,— шутил Юра.— Любят здорово прихватить. А у кого самый большой рак?

Начинали сравнивать крупных раков. Опять жульничали, стараясь подтянуть один рачий нос к другому. Без смеха и подтрунивания не обходилось. При свете костра Левашов тыкал под нос здоровенному раку грязный палец. Рак бойко атаковал палец клешнями. Все смеялись, глядя на шустрого «зверя», и за цирковые заслуги отпускали его в реку.

Несваренных и несъеденных раков забирали домой. Делили все поровну, и каждому доставалось штук по двадцать пять — тридцать, а то и больше. Ловили и ранней осенью. Тогда заметно холодало и торчать в воде было уже зябко. В это время приходили с раколовками. Кто не знает — это снасть из натянутой на проволочный обруч сетки. Обруч делали из стальной проволоки, а сетки — из дырявых хозяйственных авосек. К кольцу привязывались три веревочки, которые, в свою очередь, связывались с метровым фалом. Фал прикреплялся к длинной палке. Вся эта конструкция с прикрепленной к сетке наживке опускалась у берега. Раки заползали в сетку поужинать. Тут то и вытягивали их на берег. Обычно раколовок набиралось штук тридцать. Сперва засветло ловили мелкую рыбу, чтобы привязать к сеткам снастей. Не гнушались и лягушками. Бывало, на раколовки удавалось наловить тоже с полмешка. После того, как раки расползались по своим местам обитания и уже не ловились, на берегу разжигали костер. Вечера были прохладными, и надо было согреться. Костер жгли до рассвета, подбрасывая в него сухостой. Кипятили воду в старом чайнике. Заваривали иван-чаем да сушеной сахарной свеклой. Чай казался сладким и ароматным. За чаем «травили» анекдоты и разные небылицы.

Поглядывали на луну и звезды. Гагарин любил фантазировать.

— На Луну бы слетать! Что там есть?

— Да ничего там нет,— торопился начитанный Нижник.— Безвоздушное пространство. На чем туда полетишь?

— А ракета? — не сдавался Юра.— Она в безвоздушном точно полетит. Да и самолеты уже есть реактивные. Вон Левкин отец рассказывал, что сам видел: летают без винта. Да и брат Валентин видел немецкие реактивные истребители в конце войны.

Затягивался удивительно интересный разговор. Жаль, что ночью тогда нельзя было сфотографироваться всей компанией. А звезды притягательно манили к себе.

— Эх, космическая красотища! — мечтательно и почему-то вполголоса говорил Гагарин, лежа на спине. Все тоже смотрели в эту манящую даль.

Послевоенная Москва

На Белорусском вокзале до гагаринской электрички час. Сижу в холле и жду своего времени. Куда же мы ходили с Юрой Гагариным и Славой Нижником после поездки до Москвы на крыше поезда? Это было, вероятно, в 1947 году. Кажется, тогда нам удалось доехать только до городка Одинцово. Потом нас с крыши согнали милиционеры. Не очень вежливо, но настойчиво. Начиналась контактная сеть электропоездов. Сидеть на крыше уже было нельзя. Дальше мы добирались на электричках. Раза два нарывались на кондукторов-ревизоров и сбегали на остановках. Потом ждали следующую электричку.

На вокзале вышли как люди и стали быстро прорываться к выходу среди толпы пассажиров. Славка прихватил пару валявшихся билетов и отдал один Юрке. Левка удивился, но тоже поднял старый грязный билет. Однако, эту поспешность быстро обнаружил пожилой милиционер-старшина и прихватил Левку за лацкан потертого пиджака.

— Куда торопимся, молодые люди?

— Н-на выход,— растерялся Левка.

— А на какой выход?

Выходов было несколько, но об этом мальчишки не знали. Выручил Нижник. Он не раз был на вокзале.

— На второй, вот сюда.

— Предъявите билеты.

Левка стал рыться в кармане и вытащил старый грязный билет, на который милиционер только мельком взглянул: не тот. Нижник и Гагарин тоже предъявили билеты. У Юры оказался билет еще действующий, у Славки — просроченный. Милиционер крепко взял Левку за воротник и повел в отделение при вокзале. Славка было хотел слинять, сославшись на занятость, но Гагарин его остановил.

— Пойдем вместе, не бросать же товарища.

Все трое поплелись в маленькое помещение милиционерского поста.

— Садитесь,— пригласил страж порядка. Снял фуражку и расстегнул воротник.

Ребята робко рассеклись на лавке напротив.

— Как зовут? Не слышу. Левка? Выкладывай, что в карманах и вещмешке. Вот сюда на стол.

В карманах была металлическая мелочь да мелкие купюры. В вещмешке — соленые огурцы, кружка да краюха хлеба.

— Негусто,— прокомментировал милиционер.— А что у тебя в нагрудном кармане?

Левка выложил фотоэкспонетр. Это была картонная обложка с картонным же колесиком. Устанавливая чувствительность пленки, числа диафрагмы, светосилы, а также погоду (солнечно, ясно, пасмурно), можно было получить требуемую выдержку затвора фотоаппарата. Старшина не понял, что это за предмет, и стал трясти его, надеясь, что из обложки высыплется лезвие безопасной бритвы или отточенный двугривенный. В то время было много карманного жулья, разрезающего карманы такими инструментами.

Толкушка молчал. Гагарин сразу понял, что интересуется старшину, и принялся объяснять, что это не чехол для лезвия, а фотоэкспонетр. Милиционер выслушал, и, кажется, поверил.

— Ладно, фотографии, докладывайте, кто такие, откуда и зачем приехали. Только честно, без вранья. У меня тоже своих два пацана вашего возраста. Только они нормальные, не врут и зайцем не ездят. Посмотрю, каковы вы.

Пацаны не знали, как отвечать и молчали. Наконец Юрка честно признался и рассказал о цели приезда и о том, как они добрались. Старшина вздохнул, лицо его посерело.

— Да-а, дела. А как собираетесь обратно?

— Да так же,— горестно ответил за всех Гагарин.— Электричками до Одинцова, а потом на поезде на крыше.

— Забирайте свои капиталы. На крыше ездить не дело. Поедете обратно, зайдите ко мне в каптерку. Спросите дядю Пашу. Дежурю сегодня сутки. Посажу вас на товарняк до самого Гжатска. Договорились?

Дальше дядя Паша поинтересовался, чем увлекаются ученики. Оказалось, что все интересуются техникой, фотоделом, а Нижник много читает литературы. Сердобольный дядя Паша порекомендовал посетить Политехнический музей и зоопарк и рассказал, как доехать.

Славка сказал, что сперва надо ехать к его родственникам для кормежки, а уж потом решать, что делать. Юра и Левка прислушались к своим животам. Там бурчало и требовало пищи.

Славкины родственники напоили чаем с белым хлебом с маргарином. Жить стало легче. Нижник сказал, что в Политехническом музее был и туда не пойдет. Остальные доехали до центра на метро. Вышли у памятника Дзержинскому и поплелись пешком, расспрашивая, где музей.

На входе музея сидела вахтер, седая старушка. Левка стал рыться в карманах и искать мелочь для входного билета. Гагарин тоже рылся долго и пересчитывал монеты. Старушка с интересом наблюдала за парнями. Одеты они были не как москвичи: потертые неглаженные штаны и стоптанные ботинки.

— Вы откуда, ребята?

— Из Гжатска.

— Это что же, 200 километров отсюда? Техникой интересуетесь?

— Да, хотелось бы посмотреть.

— Ладно, не ройтесь в дырявых карманах. Проходите. Только ведите себя пристойно, не кричите громко и не лапайте экспонаты руками!

И ребят как ветром сдуло. Музей был в глазах гжатчан огромным, с тысячами экспонатов. Стали решать, куда идти.

— Пойдем на электрические машины, радиотехнику,— посоветовал Гагарин.

Спросили у немолодого экскурсовода, который, прихрамывая, ходил невдалеке, где это находится. Тот покосился на одежду учеников, но ничего не сказал. Потом посмотрел еще раз.

— Вы в каком классе учитесь?

— В шестой перешли.

— А что знаете?

— Знаем, как устроен электродвигатель постоянного тока, детекторный радиоприемник, как работает двигатель внутреннего сгорания, — затараторил Левка.

Экскурсовод уже с любопытством снова посмотрел на учеников.

— Откуда приехали?

— Из Гжатска.

— Откуда-откуда? Да я там мерз в окопах в 1942 году, брал ваш Гжатск зимой в

сорок третьем! Там меня и ранило. Пока санитары подоспели, ноги отморозил. Вот хромаю. Да, зовите меня Николай Иванович.

Глаза экскурсовода совсем растаяли. И он повел парней в буфет и там накормил пирожками с молоком. Приятели разомлели. Но тот повел их по залам.

— А как функционирует двигатель переменного тока, знаете?

— Да не очень,— ответил Юра.

Николай Иванович взял металлический шарик и положил его вовнутрь статора электродвигателя. Потом включил трехфазное напряжение переменного тока. Шарик сорвался и стал кружить внутри статора.

— Вот при включении переменного тока в статоре возникает вращающееся магнитное поле. Оттого и шарик бежит внутри. Можете вставить вовнутрь ротор, и он тоже завращается. Левка взял лежащий рядом маленький ротор и сунул его в статор. Ротор закрутился как бешеный.

Школьники во все глаза смотрели на чудо техники. Потом Николай Иванович узнал, что ученики интересуются радио и повел к приемнику изобретателя радио Попова.

— Очень похож на обычный детекторный,— резюмировал Левка,— только вот детектора не видно.

— А из чего вы сами детектор делаете,— поинтересовался дядя Коля.

— Из свинцовых опилок и серы варим,— пояснил Гагарин.

— Ну, я вижу, вы большие специалисты,— улыбаясь, пошутил экскурсовод.— Тогда детекторы так варить не умели. А. С. Попов предложил в качестве детектора когерер из металлических опилок.

Пару часов пролетели незаметно. Николай Иванович заторопился, но посоветовал еще посетить выставку трофейного вооружения, что в парке культуры и отдыха у Крымского моста. Там исключительно интересно. Собрана вся немецкая трофейная техника.

Стали думать, как быть. Уж очень интересно было бы туда попасть. Решили ехать к милиционеру дяде Паше. Доехали до Белорусского вокзала и разыскали дядю Пашу. Тот выслушал молча.

— Вот на мою голову еще забота! Взял бы я вас к себе на ночевку, да жена болеет. Да и жилье у меня не люкс. Одна комнатенка на четверых с котом.

Потом подумал и предложил заночевать на вокзале, на лавочке.

— Народу в зале много. Здесь и сидят с вещами, и кемарят, пока ждут поезда. Можете незаметно пристроиться на скамейках и поспать. Никто этого не заметит. А с утра будет дежурить старший сержант Василий Андреевич. Вот он толкует с пассажиром.

Василий Андреевич был двухметрового роста, как известный персонаж дядя Степа. Разговаривал спокойно, рассудительно. Выслушав дядю Пашу, пронзительно посмотрел в сторону парней и кивнул головой. Ладно, поможет.

Школьнички еще поболтались по Москве. Сходили на улицу Горького. Огромный город жил своей послевоенной жизнью. По центральной улице сновали автомобили, автобусы и троллейбусы. Потом решили проехать до Кремля на троллейбусе. На поездку мелочь еще была. Остановка недалеко. Подошел шестой троллейбус. В вагоне сутолока. Был конец рабочего дня, и рабочие и служащие торопились домой. В дверях еще толпились пассажиры, когда раздался крик.

— Караул, ограбили,— билась молодая женщина.— Держите вора!

Здоровенный парень рванулся к двери, сбивая всех подряд. Второй, в блатной кепочке, страховал его на выходе, размахивая ножом. Парень отшвырнул женщину и стоявшего рядом Левку. Толкач, падая, конвульсивно схватил карманника за шиворот.

— Отвали! — взревел вор и дал Левке под глаз.

Тот взвыл, но воротника не отпустил. Как же, приехали с благими намерениями, ходили по музеям, говорили всем спасибо, как столичные жители, а тут такое!

— Ах ты гад! — проорал обиженный тихоня и стал молотить вора всем, что попадалось под руку. А под руку попался довольно тяжелый деревянный валик для раскатывания теста, который в сумочке везла стоявшая близко старушка. Охаживая валиком мерзавца, Левка выкрикивал блатные и не очень цензурные слова, которые ему запали в подсознание, когда наблюдал драку пьяных мужиков. Юра никогда не видел такого разъяренного приятеля. Куда делась застенчивость тощего «технаря»? Но Юркина реакция была на высоте. Гагарин в один прием выполнил подсечку и свалил карманника. Приемом самбо стал заворачивать руки вора за спину, сидя у него на спине. Видно, старший брат-фронтовик Валентин научил Юрку драться. Стоявшие рядом мужики опомнились и помогли удержать карманника на полу. Вскоре «очухались» и другие пассажиры и стали действовать. Нашлась бельевая веревка и руки вору завязали на спине. Подоспел водитель троллейбуса, а двое мужчин согласились препроводить вора до милиции.

— Сами справимся, — сказал Гагарин, — знаем, куда вести.

— Точно, — подтвердил Левка.

Но мужчины все же пошли и все вместе повели задержанного на вокзал к дяде Паше в каптерку. Рядом семеняла пострадавшая. Дяди Паша и Степа сидели и разговаривали о пересменке, когда компания возникла в помещении.

— Что стряслось? — осведомился «дядя Степа».

Мужчины объяснили, как ребята задержали карманника. Дядя Паша посмотрел на синий Левкин черный глаз и покачал головой.

— Да уж, герои. Хоть в милицию принимай! Не успели в Москву приехать, как подвиги. Проходи Шустрый, опять на карманке попался! Теперь еще года на два пойдешь на казенные харчи.

Видимо, милиционеры давно знали карманника Шустрога. Дядя Паша не стал ни хвалить ребят, ни ругать. Только посоветовал больше в такие истории не ввязываться, не доросли еще. Да и боевые приемчики могут тут и не помочь, порежут. Есть же в Москве и милиция. Задерживать преступников — это ее работа.

Шустрога забрали, а приятели вернулись на остановку и поехали. Разинув рты, побродили по Красной площади, через которую шли и люди и потоком машин: эмки, зисы... Все они светили фарами и по полной программе клаксонили в удивительной какофонии. Да, Москва тех времен! Впечатление на всю жизнь. Рассказал ли Юра о своем путешествии родителям? По разговорам — нет. Отец Алексей Иванович был строг и знать ему все о проделках сына не положено!

Вернулись на вокзал затемно и пошли в милицейскую каптерку. Дядя Паша уже ушел, а за столом дежурил Василий Андреевич — дядя Степа. Подвиг приятелей не остался незамеченным, поэтому ребят здесь ждали. Дядя Степа отвел их в небольшую подсобку, где иногда отдыхали милиционеры после дежурства. Там был лежак на одного человека и большая подушка. На маленьком столике стояла миска с гречневой кашей, бутылка молока, два желтоватых граненых стакана и гнутые алюминиевые ложки.

— Приказано вас накормить, сорванцы. Завтра с утра еще поболтайте по Москве и чтоб после обеда — домой! Не опаздывать. Поедите в пассажирском вагоне на поезде Москва-Смоленск. Как нормальные люди. Отправление в 16 часов. Начальство распорядилось, как-никак, вы наши помощники. Опоздаете, опять поедете на крыше! Понятно?

На лице дяди Степы притаилась добрая отцовская улыбочка. Ну а парни с удовольствием перекусили и блаженно растянулись вдвоем на топчане лежака. Какое это было послевоенное время! Какие были люди, прошедшие войну! И после войны они

выполняли свои задачи на совесть. Кто думал тогда о наживе, «бабках» и «баксах»?! Восстанавливались города, строились заводы, доступное жилье! Работы хватало всем. Получали скромно, но жить было можно. Практически все жили одинаково. Жил лучше тот, кто работал на государство. Не было зависти, озлобления, ненависти. Была одна семья народов и благородная цель: восстановить страну и сделать всем людям страны жизнь лучше.

Дядя Степа разбудил ребят рано, часов в семь.

— Давайте парни, дуйте на свою выставку трофейного вооружения. Туда едет наша «раковая шейка», подвезет.

«Раковая шейка», синяя крытая полуполторка с красноватой полосой на боках, неторопливо продвигалась по московским улицам. Приятели сидели в кузове и во все глаза смотрели в оконце на Москву. Ехали сравнительно долго. Наконец, машина остановилась, и ребяташек высадили перед большой аркой центрального парка. Прямо с площадки начиналась выставка. Сюда была свезена трофейная техника, чтобы советские люди могли воочию убедиться, как сильны в техническом отношении были Германия и Япония! Но эту технику и этих до зубов вооруженных и экипированных фашистских солдат мы победили! Победили своей отечественной техникой, которая была хваленые немецкую и японскую. Фашистская Германия оккупировала всю Европу, и мы воевали фактически со всей технически продвинутой Европой.

— Пошли посмотрим немецкие танки,— предложил Левка.

На площадке танков стояли немецкие «пантеры». Жуткие машины с огромными пушками и пробойными в бортах от нашей артиллерии или наших танков. Пробойны были выкрашены в красный цвет для всеобщего обозрения.

— Тигр Kw-VI. Пушка 88 миллиметров, скорость 38 километров в час, вес 55 тонн, броня лобовая 100 миллиметров, год выпуска 1943,— читал вслух Гагарин.

— Ни фиги себе! А у нашей Т-34 пушка калибра всего 76 миллиметров, броня 50 миллиметров да вес 30 тонн! — задумчиво шепелявил Толкушка.— Как же они сражались с такими монстрами на Курской дуге?! Тогда тридцатьчетверок с пушками 85 миллиметров было еще мало.

— Ведь «тигры», да «пантеры» — это же тяжелые танки, а Т-34 только средний. Брат воевал на тридцатьчетверке. Говорил, что только маневренность тридцатьчетверок от этих зверей и спасала. Летишь на полной скорости 50–60 километров в час и заходишь к «тигру» с борта. Наша башня разворачивалась в два раза быстрее немецкой. Пока он свои 88 миллиметров развернет, ты ему по борту шарах — и он уже горит. Ну а если он тебя увидит раньше и прицелится, то конец. Пушка у него мощная, ты еще не достаешь его своей, а он тебя уже бьет.

— «Пантера 1 Kw V». Пушка 75, броня 80, масса 43 тонны, скорость 43,— теперь уже читал Левка,— во громадная какая эта «Пантера»!

— Хрен редьки не слаще,— ответил Юра.— Эта махина маневренней, да и скорость снаряда выше. На Курской дуге такие звери, «тигры» да «пантеры», много положили наших тридцатьчетверок. Тогда у генерала Ротмистрова не было времени продумать операцию и он сходу дал команду наступать в лоб тридцатьчетверками против «Тигров» и «Пантер». Пока наши атаквали, били по ним прямой наводкой из этих самых мощных пушек. Потери были большими. Но когда сошлись вплотную, вот тогда звериные борта и затрещали. И в итоге — победа! А в 1944 году наши инженеры-разработчики уже придумали сверхмощные тяжелые танки ИС-2. Пушка 122 миллиметра! Броня 120 миллиметров. Били они «Тигров» и «Пантер» так, что те разбегались, а не вступали в бой.

— Откуда тебе это известно?

— Да я уже говорил тебе: брат Валентин рассказывал.

Потом приятели еще много толковали о танках: наших, немецких и американ-

ских. Говорили о том, что действительно немцы создавали выдающуюся военную технику. Где там американцам и англичанам с их танками «Шерман» и «Черчилль». Только наши инженеры смогли разработать танки лучше немецких. А литьё?! Какие у нас литейщики, что отливали многотонные бронебашни и корпуса!?

— Да, — мечтал Гагарин, — можно пойти учиться и на литейщика. Важная профессия.

— А двигатели? — не отставал Левка. У нас дизеля на не опасной солярке, у них — бензиновые авиационные моторы. Дай по верху, где броня тонкая — сразу «Пантера» и горит. Наши летчики их кололи в конце войны, как орехи!

— Кстати, а где самолеты? — спросил Юра.

Пошли искать самолеты. На площадке стояли японские и немецкие грузопассажирские планеры, истребители. Японские выглядели примитивно. Больше заинтересовали длиннохвостые немецкие «мессеры». Они смотрелись солидно и угрожающе. Что-то в подсознании вызывало страх. Возможно там сидела память от немецких бомбежек, которые пережили ребята.

— А это что за «мессер»? — спросил у приятеля Гагарин, показывая на стоящий вдалеке аэроплан без винта.

На хвосте у него виднелись сопла. Но приятель не знал и обратился к проходящему мимо военному в летной форме. Военный посмотрел на парней серьезно. А они — само внимание.

— Это немецкие реактивные «мессера» Me262. Они появились в конце войны. Конечно, выдающийся самолет немецкого конструктора Мессершмидта. Скорость очень большая, на 100–150 километров в час больше наших Лавочкиных и на 200–250 больше любых истребителей союзников. Но новый «мессер» уже не смог переломить ситуацию. Да и наши винтовые истребители достигли совершенства и порой догоняли эти реактивные, если был запас по высоте или фашист зазевался. Иван Никитович Кожедуб на своем «лавочкине» Ла7 догнал и сбил Me262. А вы учитесь хорошо, может, и реактивные самолеты придумаете такие, каких не будет во всем мире.

На этом военный летчик удалился, а Юрка задумался и всю дорогу вполголоса что-то бубнил, ворчал. К остальному, казалось, он потерял интерес. Проходили мимо немецких минометов, управляемых по кабелю танкеток-роботов с зарядом тола для подрыва противника, мимо радиостанций, орудий, стендов со стрелковым оружием: шмайсеками, парабеллумами, вальтерами; мимо японских горных пушек... Трофейная техника, техника... Страшно подумать, что это все в нас стреляло.

Но вот Гагарин очнулся и глянул на часы, висевшие на столбе. Было уже двенадцать. Пора на вокзал.

А на вокзале дядя Степа без проблем посадил школьников на поезд в общий вагон.

— Полезайте на третьи полки и не мешайте пассажирам.

Часа через четыре ребят разбудила проводник.

— Станция Колесники, следующая Гжатск. Будет спать.

Парни размялись, умылись в вагонном туалете и вышли в тамбур. Поезд притормозил ненадолго, и школьнички зашаркали по забитому шлаком перрону. Приключения закончились. Каждый думал, что сказать родителям. Гагарин скажет, что заночевал у Левки, а тот — что у Юры. Родители парней не опекали: раз пропали ненадолго, значит им было нужно.

Еще раз про духовой оркестр

В начале учебного года собрала пионервожатая наш пятый «А» класс.

— Гжатский дом пионеров предлагает вашему классу позаниматься в духовом оркестре. Там есть все инструменты. Их подарила войсковая часть, что стоит за Базо-

вой школой. Кто хочет, запишитесь у Гагарина и приходите сегодня после занятий в дом пионеров.

На большой перемене стали обсуждать, что делать.

— Надо идти заниматься,— сказал Гагарин,— музыкант — это тоже профессия. А получить такую профессию неплохо: может пригодиться в жизни.

— И я хочу научиться,— скромно попросилась Галя Комиссарова.

— И я тоже,— солидно и с достоинством проговорила Райя Стольников.

— Где ты видела женщин в духовом оркестре? — возмутился Валентин Петров.

— Возьмите их, они вас всех перещеголяют,— рекомендовала Анна Круглова.

— Послушайте, девочки,— вмешался Женя Васильев,— на шута попу гармонь?

— Вовке Попу как раз гармонь бы и пригодилась,— поспешил, смеясь, Толя Орешонков.

— Во, а Толька Орех разделается с трубами под орех! — балагурил Виноградов Толя.

— Ты сперва вырасти, а потом и трубу бери в руки, только поменьше, а то из-за нее тебя самого не будет видно,— ехидно пробормотала рослая Райка.

Виноград разлился

— Вымахала, дылда! Тебя бы в оркестр на бас! Самая здоровая труба на самую большую тетку в классе.

— Посмотрела бы я на тебя с бас-трубой! Вот смеху будет.

— Не хотел идти, но теперь точно пойду в Дом пионеров и точно возьму бас.

В классе начались перепалка и подтрунивания, уже перешедшие в неприличную форму. Юра решил вмешаться.

— Хватит трепаться. Пойдем на место и посмотрим, а уж потом будем записываться.

После занятий всем классом пошли смотреть. В небольшую комнатку в Доме пионеров набилось много народу. Духовые инструменты висели на стене и поблескивали серебром и самоварным золотом. За столом сидел капельмейстер. Мужчина лет тридцати, в выцветшей гимнастерке цвета хаки и побывавших в делах армейских бриджах. На плечах «хаки» было побольше; вероятно там были погоны, и гимнастерка меньше выгорала.

— Похоже, бывший офицер,— предположил Орешонков.

— Давайте знакомиться,— сказал капельмейстер и представился,— я ваш музыкальный шеф, или капельмейстер.

— Капель,— хихикнула Круглова,— и подпольная кличка сразу была утверждена автоматически.

А Капель, между тем, не откладывая, приступил к делу. Для начала стал вызывать всех по очереди. В потертый блокнот записывал фамилию и имя, потом рассматривал щеки и губы и что-то вполголоса бормотал, делая пометки.

— Так, этот подойдет на альт, губы средние, щеки впалые — записывал Капель, щупая Левкины достоинства на щеках.— А щеки слабоваты, каши мало ешь.

— А этот? Губищи-то какие! Как фамилия? Валентин Петров. Вот что, Валентин, тебе в самый раз баритон. Труба в оркестре заметная, но тяжелая. Ты рослый мужик в игре нормально удержишь и музыку и трубу!

— Следующий. А ты, красавица, куда? У нас чисто мужской оркестр. Девочек не берем!

Райка обиженно надула губки и отошла в сторону. А Капель увидел, что обидел девчонку и у Гагарина, стоявшего недалеко, поинтересовался ее именем и фамилией.

— Послушай, Стольников, не обижайся на меня. Здесь дуть надо в мундштук сильно, и напрягаться, но так, чтобы ничего не случилось неожиданного. Да у всех духачей во как губищи черствеют! Посмотри у меня, что за губы!

Он подошел к Рае, взял за ее ладонь и поднес к своим, изрядно обветренным губам.

— Вот, Раечка, потрогай губу пальчиком.

Стольников робко провела мизинцем по нижней губе шефа. От него сильно разило табаком и немного вчерашним перегаром. Губа была твердой, как кора дуба, черствой и шершавой, как наждачная бумага. Потом потрогала свою губку. Она была пухленькой и мягкой.

— Ну-ка дунь в этот мундштучок.

Музыкальный начальник взял трубу, вставил в нее мундштук и дал Рае. Та попыталась было извлечь из инструмента звуки. Но получалось как у артистки Раневской в старом советском фильме «подкидьш». Свистящие и дребезжащие звуки насторожили ребят. Неужели и у них ничего не получится? Райка отложила инструмент, посмотрела на шефа, подумала и молча отошла.

— Так,— продолжал Капель,— кто же вас, девушки, в такие губы, как у меня, целовать-то будет? А? Есть еще желающие девочки?

Кажется, аргументы шефа для них оказались довольно убедительными. Девчонки потихоньку удалились, оставив «на съедение» мастера ребят.

— Продолжим,— кто у вас старшой?

Парни показали на Юрия. Капель поманил его ближе к столу.

— Будешь начальником оркестра. Нет возражений?

Гагарин особенно не возражал, но поинтересовался, что ему надо делать.

— Вот это правильно, вижу самостоятельный мужчина! Будешь следить за дисциплиной да и проводить занятия по расписанию, когда меня не будет. Так, дай твои губы. Ну, вроде бы подойдет. Вот тебе первая труба. Будешь первым в оркестре! Нет возражений? А теперь помогай мне.

Юра обрадовался. Как же, первая труба!

Начальники начали работать вместе. Гагарин вошел в роль. Подходили ребята на медосмотр. Те внимательно смотрели на губы, пальцы. Интересовались, как учатся и какие имеют интересы.

— Кто будет хватать двойки в школе, тому здесь нет места,— предупредил Капель.

К столу подошел Толя Виноградов.

— Мне бас, пожалуйста. Во, у меня губищи!

Шеф внимательно посмотрел на Винограда, но снял с гвоздя огромную трубу. Толя нарочито выпятил губы, а Капель напялил на него агрегат. Поначалу выглядело это комично. Девчонки, проходившие мимо окна, увидели Толю в ореоле больших и маленьких труб и трубочек и заржали. А Райка с удивлением констатировала: «Надо же, какой, добился своего. Вот тебе и Виноград!»

— Ну-ка, дунь.

Анатолий не спеша взял у Гагарина большой мундштук, вставил его на место и начал дуть. Сперва не получалось, но Капель терпеливо ждал. И вот пошли басовые звуки, и через пяток минут Виноград, на удивление всех, очень низко сыграл на басу мелодию «Светит месяц...»

— Молодец,— похвалил музыкальный шеф,— хорошим басистом будешь! Слух есть. Желание — тоже. Да и быстрее подрастешь. Играешь на чем-либо?

— Да, на баяне.

— Тогда порядок! У нас с тобой все получится.

Инструменты, в конце концов, были розданы всем. Началось дудение, сипение, бульканье и ужасное свистение.

— Вот что,— сказал Капель,— пока от вас толку мало. Берите под расписку свои инструменты домой и там упражняйтесь, пока не получится приличных звуков. Тре-

нируйте губы и щеки. Завтра все будете, как инвалиды; никто из вас разговаривать не сможет: щеки и губы сведет, и они забубеют. Но вы тренируйтесь каждый день. Тогда через недельку напряжение сойдет, щеки и губы привыкнут, вот потом и приходите. Гамму изучать будем, потом ноты, партитуры и этюды. Пока.

Гагарин деловито переписал всех оркестрантов, адреса, родителей и выдал под расписку трубы. Парни спешно разбежались по домам, и весь оставшийся день и вечер над городком слышалось паровозное гудение, сипение, бульканье и отрывистое свистение. Через недельку стали обозначаться звуки какофонии. Но уже не сипело и не булькало. Гагарин днем учился в школе, а потом работал по дому вместе с отцом и братьями. Тренироваться было некогда. Оставалось раннее утро. На рожок его трубы бежали коровы уличного стада, которое гнал пастух на зеленя. Он матерно бранился, громко стрелял длиннющим кнутом. Коровы мычали, перебегали с места на место и вновь возвращались к гагаринскому дому.

— Взять тебя, что ли, подпаском,— зло шутил пастух,— бери трубу, садись на быка Ваську. Думаю, он твой струмент поломает, и мне и коровам спокойней будет.

— А ты отними у него эту бисову дудку, — бранилась злая, гнутая уличная бабка Фекла,— може, с утра тише будет! А то гудит как паровоз! В ушах звенит!

Юрка теперь забирался на чердак и уже там, в чулане, дудел, предварительно прикрыв раструб трубы льняной паклей. Получалось тише. Теперь коровы задирали морды вверх и, не поняв, откуда идут приглушенные звуки, спокойно шли за пастухом...

Ходили на занятия регулярно. Тянули гаммы и разучивали партии труб, баритона, тенора, альтов и баса. А через полгода это был уже настоящий школьный оркестр. К Первому мая старшекласники средней школы на подготовке к параду маршировали под егерский марш. Трубы Гагарина и Васильева красиво пели, баритон Вальки Петрова выводил мелодию, подпевал тенор, а бас грохотал без единого сбоя. Альты Толкача и Ореха хоть и подвирали, но достаточно устойчиво квакали: ис-та, ис-та, ис-та-та...

Прошло лето. Начались занятия в шестом. Все ребята и девочки учились неплохо. Оставалось и свободное время. Надо было чем-то заняться. Подрывать бомбы и лазать по окопам уже надоело. Повзрослели. Оставался один духовой оркестр. В новом учебном году оркестр собрал Капель.

— Вот что, ребята, надо двигаться дальше. За лето кое-что уже подзабылось. Давайте восстанавливать форму. Скоро нам играть концерт.

— Я все лето упражнялся,— возразил Гагарин.— По вечерам в землянке и по утрам тоже.

— Да слышал, как ты по утрам,— засмеялся Капель.— Твои соседи рассказывали, как их коровы с утра не к пастуху, а к тебе на огород бегут.

Все грохнули. Но приходиться на занятия обещали.

Левка частенько брал у Юры трубу и освоил ее за лето. Уж очень манил к себе маленький никелированный инструмент.

— Юр,— подговаривал он Гагарина,— скажи Капелью, что я хочу на трубе,— и скромно отходил в уголок.

А Юра выжидал момент.

— У нас в оркестре дефицит,— как-то раз начал Гагарин.

— Это почему? — удивился Капель.

— У нас две первых трубы, а второй нет. Зато альтов полно.

— Верно, но кого я на трубу поставлю?

— А Левка за лето натаскался.

Капель немного подумал.

— Эй, Толкалин, иди сюда, хвались.

Тот подошел, взял трубу и начал дуть. Марш Егерьского, «Амурские волны», похоронный марш «Слеза»...

— Ладно, пойдет,— решил Капель.— Раз нравится — валяй. Да спусти слюни из клапана, а то бульканье пошло.

С тех пор тот дул за вторую трубу, а когда одного из трубачей не было — за первую.

Как-то пришли Юра с Левкой с фотоаппаратом снимать оркестр. На беду у аппарата заело затвор, и друзья провозились, пробуя то так, то эдак. На снимок не попали, зато оркестр вместе с Капелем получился.

Пришли домой к Левке и стали чинить фотоаппарат. Затвор опять заедало. Долго возились, определяя, в чем дело.

— Да ты рычажок затвора опять погнул,— заметил Гагарин.

Выпрямили рычажок, смазали, и все стало работать исправно.

Подошел названный брат Левки — Виктор Исайкин — к своему учителю дяде Коле. Поговорить, похвалиться. На груди блестели ордена и медали, а на плечах — золотые курсантские погоны. Приехал из Проскуровского военного танкового училища на побывку.

— Танкист? — поинтересовался Юра.

— Танкист.

Как и Юрин брат Валентин, Виктор совсем еще пацаном воевал в танковой разведроты. Прошагал Польшу и Германию. После войны его направили в Проскуровское танковое училище, куда зачислили воевавших танкистов без экзаменов. Там он и учился.

— Давайте я вас сниму,— предложил Юра.— Мы только что с Левкой починили аппарат. Надо опробовать.

Пошли в огород, где Юрка сделал несколько снимков Левки с Виктором. Фотоаппарат снова заело. Вернулись во двор. Снова подогнули и смазали рычажок. А потом фотографировали и Юру, но уже в огород не пошли. Во дворе сушилась простыня. Юрка стал перед ней, а Левка снял.

— Не испачкайте мне простыню! — послышался голос Левкиной мамы.

Амурские волны

После уроков надо было идти тренироваться в дом пионеров. Капель сказал, надо расширять репертуар. Но с утра Левка нечаянно подрался, хотя драться он не умел и конфликтов избегал.

В Гжатске того времени не было никакого общественного транспорта. Народ ходил по улицам пешком или ездил на велосипедах. О личных автомобилях никто даже и не мечтал. Государственные грузовики были у горкомхоза и войсковой части, что стояла между улицами Первой и Второй Советской. Командир части иногда катался на белом легковом трофейном фиате. Иногда громыхал трофейный автокран, установленный на немецком грузовике MAN. Изредка проезжали полуторки и трехтонки близлежащих колхозов. Особую зависть у мальчишек вызывали мотоциклисты. К NSU Толкалиных и BMW Иконникова они привыкли. Но когда на улице появлялся мотоцикл «Карданшток» Ревенковых, пацаны бежали за ним, чтобы посмотреть на это чудо немецкой техники. Небольшая легкая двухтактная машина с карданной передачей двигалась по бульжникам медленно, что давало возможность пробежать рядом и потрогать железки. Ревенков был хорошим мужиком и позволял подержаться за бак, руль и заднее сиденье, а иногда и сажал кого-нибудь на задок. Короче говоря, ходить по улице Первой Советской было интересно: что-нибудь да увидишь.

Утром Левка вышел из дома и поспешил в школу, но сделал крюк на Первую Со-

ветскую, надеясь увидеть какую-нибудь технику. Его нагнал Толя Орешонков, и они пошли вместе. До школы оставалось пара кварталов, когда ходоки поравнялись с домом Валета — двоечника и хулигана из девятого «А». Он частенько оставался на второй год, и к девятому классу вырос дылдой. На уроках играл в карты, отчего и получил свою кличку. В этот раз школу он идти не хотел и искал случая развлечься.

— Эй, Орех, иди морду разделаю под орех!

Валет не шутил. Рядом стояла пара рослых незнакомых парней и издевательски ржала. Толька хотел пройти мимо, но Валет сделал ему подножку, и тот свалился в мелкую придорожную канаву. Переростки загоготали. Численное преимущество было на их стороне. А горячий Орех обиделся, вылез из канавы и с размаху врезал Валету по уху. Началась драка. Анатолия снова свалили в ту же канаву. Левка растерялся и стал орать: «Лежачего не бьют, двое дерутся — третий не лезь!» Орех вылез из канавы и снова полез драться, отчаянно размахивал кулаками. Но Валет был старше, сильнее и опытнее. Да и приятели Валета вмешались. Один держал Левку за руки, второй охаживал его по физиономии и давал под зад. Тот вопил и вырывался, отбиваясь ногами. Неизвестно, чем бы все кончилось, но в это время мимо проходил Гагарин. Увидев, что одноклассников бьют, недолго думая, приемом самбо свалил Валета, а потом взялся за одного из его поделльников. Юрка занимался боксом в школе, поэтому на противника сыпались поставленные хуки и прямые. Левка же вырвался и головой ударил в живот второго. Оба свалились, а Толкушка машинально пытался захватить ноги врага. Тот двинул ему каблуком в нос, но Левка все же удержал обе ноги и цепко зажал их. Вот тут-то Орех дал волю выйти своему темпераменту, с удовольствием оттягиваясь по физиономии обидчика. Наконец хулиганы ретировались, пригрозив, что каждого в отдельности отловят и уж точно, и как следует, набьют портреты.

Пришло время подсчитывать потери. У Юрки был разорван рукав, у Ореха в подтеках и царапинах лицо, а у Левки кровоточил нос и раздулась губа.

— Райка Стольников зашьет, — успокоился Гагарин.

— Морда до свадьбы заживет, — оправдался Толя, — я одному тоже «спортит портрет».

— А, мне губу никто не зашьет. Разнесло так, что играть не смогу, — всполошился Толкач. — Совсем забыл, что сегодня генеральная репетиция!? Как же быть. Капель к концерту не допустит.

Всю дорогу Левка думал, как быть. На уроке немецкого схватил трояк с минусом и совсем расстроился. Идти на репетицию не хотел, но Юрка посоветовал все же сходить. Пропусков Капель не любил. По дороге Толкалин все время тер раздутую губу и медленно синеющий глаз.

— Слушай, ты не мог бы мне подыграть соло «Амурские волны»? Капель обычно занят, только слушает, а не смотрит.

— Как это «подыграть», — не понял Гагарин.

Приятели явились на репетицию. Капель давал указания, кому что играть. Суетился, раздавал ноты, что-то ворчал, в общем, был не в духе.

— Всем играть свои партии. Я и в какофонии разберусь, кто играет, а кто врет.

На глаза ему попался Левка с его раздутой губой и совсем уже черным глазом

— Может, ты, Толкалин, не будешь играть на концерте? Во какая губища! Подрался, что ли? Вроде ты все время был смирный.

Тот промолчал. Затем взял свободный стул и сел подальше за небольшой грубо крашенный стол. Разложил ноты, приставил к губам трубу и полупшепотом попросил.

— Юр, лезь под стол со своей трубой.

— Как это «лезь»?

Но Левка умоляюще просил приятеля. Тот помялся и с кряхтением полез под стол.

Полились четкие и завораживающие звуки вальса. Бегавший между оркестрантами Капель сразу не заметил подмены, но потом насторожился.

— Во, губища раздутая, а играет как надо!

Но тут увидел гагаринские ноги, торчащие из-под стола. Присмотрелся и командовал оркестрантам:

— Музыканты, внимание, стоп! Смотрите, как Толкалин играет!

Парни перестали дудеть и посмотрели на Левку, ничего не понимая.

— Да вы не на него, под стол смотрите!

Вначале воцарилась гробовая тишина. Потом начался коллективный танец всеобщей гоготаловки. Хохотали ребята, хохотал во все горло Капель.

Высота

На другой день Левка на Первую Советскую улицу не пошел, опасаясь возмездия, а пролез к школе огородами. Губа еще не зажила, но опухоль немного спала и не так болела. Анна Круглова, как медсестра, потрогала Левкину губу и смазала ее какой-то вонючей мазью. Тот взвыл от боли и стал ругаться.

— Во, неблагодарный, хотела как лучше,— обиделась школьница,— ведь через день-два теперь заживет совсем.

От мази дурно пахло и здорово щипало. Толкалин весь урок трогал и мял губу и ворчал.

— Никак в кружок бокса записался? — спросила учительница биологии Козлова Елена Александровна, глядя на распухшую губу.— Вообще-то это хорошо, надо уметь постоять за себя.

Левка что-то промычал в ответ.

На большой перемене классы высыпали во двор. Здесь же сустились и девятиклассники. Между ними прохаживался Валет с одним из таких же переростков и развлекался: кому ткнет в нос, кому даст затрещину. Его голова, в форме яйца тупой стороной книзу, возвышалась над одноклассниками. Девочки обходили хулигана стороной. Никто не хотел с двоечником связываться.

— Чем думать надо — там поменьше, чем жрать — там побольше,— оценил достоинство головы Валета Толя Орешонков.

Реплику услышал Валет и увидел Анатолия.

— Это ты, терпило? — сразу отреагировал хулиган.— Я думал, что лечишься после вчерашнего. Иди дам еще примочки!

Анатолий хотел было ретироваться, но Валет уже стоял рядом.

— Давай сейчас побоцаемся, Орешек!

— Ты что, очумел? Здесь, в школе, нельзя; завтра же выгонят,— резонно заметил второй переросток.

— И то дело. Орех, приходи к моему дому, там и продолжим, а?

Анатолий ничего не ответил. Но тут подошли Юра Гагарин, рослый Валентин Петров, Женя Васильев, да и другие парни из шестого «А». Петров был не ниже Валета, а плотный Женя выглядел таким сильным здоровяком. Валет знал, что эта компания второй год занимается боксом в кружке и может как следует надавать. Поэтому решил призвать на свою сторону своих одноклассников. Но его приятель растворился, а класс не поддержал; репутация переростка была скверной и воевать за мерзавца никто не хотел принципиально.

— Ну что обступили, меня не видели? Я пришел посоревноваться,— решил пошутить Валет.

— Вот ты, Гагара, говорят, смелый. Давай-ка, заберемся на перекладину там и пройдемся сверху по бревну!

Перекладной называлось спортивное сооружение, что стояло во дворе одноэтажного корпуса школы. Пара высоких телефонных столбов метров по двенадцать была врыта в землю, на расстоянии восьми метров друг от друга. Вершины столбов объединяло бревно — поперечина такой же толщины, образуя букву «П». В центре поперечины свисал толстый пеньковый канат для лазания, а по бокам пара длинных полированных жердей. На занятиях по физкультуре школьников учили лазать по канатам и шестам. Считалось шиком залезть под перекладину на одних руках без помощи ног. Левке удавалось залезть под перекладину, цепляясь ногами за канат или жердь. Без ног он мог подняться только метра на три. Гагарин, Петров, Васильев лазали без ног, на одних руках до самого верха. Но по бревну-перекладине никто не ходил. Все понимали, что если сорвешься, то явная смерть или увечье. Да и такой задачи перед учениками никто не ставил. От ребят преподаватели физкультуры требовали залезть при помощи ног — кто насколько может по канату и слезть тем же порядком.

— Давай соревноваться, — согласился Гагарин, — но при условии: если проиграешь, то к моим ребятам лезть больше не будешь.

— Лады, — согласился Валет, кривя рожу в ухмылке, — договор святое дело! А может, ты в штаны — того?

Двоечник вразвалочку направился к перекладине, все время оглядываясь на соперника: вдруг струсит и передумает.

— Брось дурака валять, — встал перед Юрой Валя Петров, — свалишься, хребет сломаешь! Не дури! А если Валет будет к нашим лезть, мы его и так отделаем!

Но Гагарин не собирался сдаваться и смотрел на то, что будет делать Валет. А тот подошел к канату, последний раз оглянулся, и стал на руках подниматься вверх, извиваясь как змея. Канат болтался во все стороны, и бил его по ногам, а хулиган матерился. Ближе к перекладине он выдохся и стал продвигаться все медленнее уже с помощью ног. В итоге все же уцепился руками за горизонтальное бревно и стал отдыхать. Висел он пару минут, а потом попытался влезть наверх, но сил больше не осталось. Обхватив ногами и руками перекладину, он снизу бревна в висячем положении добрался до первой вертикальной жерди и, цепляясь ногами, вылез наверх. Потом попытался встать на бревно, но каждый раз терял равновесие и садился обратно. Наконец, понял, что пройтись ему во всем росте не удастся, поэтому на четвереньках пролез метра два до следующей жерди и теперь уже по ней спустился вниз.

— Теперь твоя очередь, — просипел, отдуваясь, циркач, и кивнув головой в сторону Гагарина.

Было видно, что руки и ноги Валета трясутся от напряжения, и что он вот-вот присядет на землю. На дворе стояли школьники и, затаив дыхание, смотрели на приурков.

— Свалятся, дураки, — истерично прокричала какая-то девочка из девятого «Б», — остановите же их!

Но останавливать было некому. Петров и Васильев пытались было удержать Гагарина, но тот им пояснил, что не лезть в такой обстановке он уже не может.

Учитывая опыт Валета, Юра подошел сразу к жерди и на одних руках одним махом поднялся к бревну-перекладине. Далее ухватился ногами за жердь и влез на перекладину на живот. Попытался было подняться, но тут же присел обратно на бревно.

— Иди на корточках, как Валет, — не выдержала Тоня Дурасова. Но рот ей зажал Васильев, — тихо, не отвлекай.

Юрий посидел на бревне с минуту, отдыхая и примериваясь. Потом усилием воли стал поднимать себя, балансируя вытянутыми руками. Постоял несколько секунд на высоте, и сделал первый шаг, покачиваясь. Тоня закрыла лицо ладошками, а Гали

Афанасенкова и Комиссарова зажмурились. Аня Круглова повернулась спиной. Парни молчали. Наконец, Гагарин медленно пошел по бревну к боковой жерди, все время покачиваясь и балансируя. У жерди присел, лег на живот и достал ногами до шеста. Теперь было уже легче: переход на вертикальную жердь и благополучный спуск на землю. Вздых облегчения. Все тут только заметили, что во дворе стоят наши учителя: Беспалов, Головкин, Козлова, Марьяхин. Они все видели, но молчали. Знали, что любой возглас или замечание могут привести к несчастному случаю. Победа Гагарина была налицо, и Валет куда-то тут же слинял. Преподаватели расспрашивали школьников, что случилось, а те с ужасом рассказывали про спор. Физрук Головкин подошел к Юре.

— Что это за цирк, Гагарин? Жить надоело? Если понадобится жизнь стране, тогда можешь и отдать ее за Отечество. А таких «подвигов» чтоб я не видел! Понял?

— Так точно! Понял, отдам жизнь, если понадобится, Отечеству.

Юркина месть

Были май-июнь 1949 года. Юра Гагарин успешно заканчивал шестой класс и думал, куда пойти учиться. Оставалось время и на короткий отдых. Как-то Левкин отец приказал друзьям прибыть на электростанцию и заняться мотоциклом. Сломалось заднее седло. Левка опоздал на час.

— Ну и разгильдяй ты, сын! Юрка уже седло снял. Тут я дал одному мудаку прокатиться, так тот вздумал на заднем седле бочку с огурцами вести. Пока ехал, все седло раздолбал!

Приятель стали думать, чем временно заменить испорченную вещь. На дворе Гагарин нашел прямоугольный каркас, сваренный из металлических уголков. Он как раз устанавливался на крыле заднего колеса. Там и привернули его болтами за раму, предварительно просверлив в уголках отверстия. Пришел дядя Коля, подержал каркас.

— Вообще-то прочно, но жестковато будет. Пока доедешь, всю жопу отобьешь! Но если учесть, что задница будет не моя, то пройдет!

Ребята стали соображать, чья же попа будет сидеть на металлическом каркасе? В те времена все немецкие военные мотоциклы не имели задних пружин и амортизаторов. Трясло седока изрядно. Ездить на железке по булыжным мостовым, не опасаясь за свой зад, было непросто. А город тогда не имел ни одной асфальтированной дороги.

— Давай бросим жребий,— предложил Левка,— кто будет за рулем, а кто на железке?

Товарищ согласился, и Толкушка приготовил две спички: короткую и длинную. Но хозяину мотоцикла не повезло; он вытянул заднее сидение.

Высморкавшись на забор, Левка стал думать, как облегчить свою участь. На стене электростанции висел чей-то старый рваный ватник. Чтобы не получить по шее, поинтересовался у дизелистов, чья эта одежонка. Но те ответили, что ватник висит уже полгода, значит, ничей. Толкач тут же снял его и стал прилаживать к арматуре на заднем колесе. Ватник крепко прикрутили веревками, и Левка не без опаски легонько попрыгал на стальном «седле».

— Жестковато, но если по булыжнику не ездить, то сидеть можно,— констатировал он.

Юрка завел мотоцикл, и парни поехали опробовать конструкцию.

— Ну, как? — спросил у приятеля Гагарин.— Ничего еще не отбил?

— Да ты потише кати и на булыжную мостовую не выезжай!

— И так по обочине еду.

Выехали на Советскую к Левкиному жилищу, мимо добротного деревянного дома, где жила та самая веселая и красивая девочка Эмма, почти без недостатков. Она имела всего лишь одну дурную привычку. Как только слышала треск мотоцикла, готовилась к мелким провокациям, особенно, когда на железном коне сидел Гагарин. Объехать дом было невозможно, так как на противоположной стороне дороги зияла бездонная яма, наполненная грязной водой. И мотоциклисты, поравнявшись с домом, с опаской посматривали на Эмкино окно.

Тут окно отворилось и показалась прелестная хохочущая девичья головка.

— Гагара, держи!

Раз — и ведро воды вылилось на седоков! Но Юрка газанул и проскочил. Вся вода обрушилась на Левкину голову.

— Какого хрена тебе надо? Все нейметя! — начал было мокрый Левка.

Но Гагарин одернул его.

— Тихо, сейчас цирк будем делать, — прошептал Юра. — Пора наказать проказницу, — и уже громко: — Эмм, подожди с фокусами. Не хочешь ли прокатиться?

У Толкушки от Юркиной затеи округлились глаза, но он митинговать не стал. Слез с мотоцикла и, вытирая лицо и мокрую голову грязным носовым платком и стряхивая воду с одежды, стал ждать, что будет.

Эмма отложила в сторону приготовленное второе ведро с водой и призадумалась.

— Неужели? Да ты еще плохо катаешься.

— Как плохо? Уже прилично, что не видишь, водой в меня и не попала!

Подумаю немного, девушка решила попытать счастья. Ведь во всем городе всего три мотоцикла. Какие ощущения!? Еще Блок писал: «Я б хотел промчатся на моторе...»

— А не разобьемся? — с опаской переспросила юная дама.

— Не-е-е. Да выходи из дома, что мнешься?

— Да мама может не отпустить.

— А ты слезай с подоконника, давай помогу.

Эмма ловко перемахнула подоконник. Все же спортсменка-гимнастка!

— А куда садиться?

— Как — куда, на заднее сидение. Ставь ноги на подножки. Вот так. Лев, а ты подожди нас немного, пока мы проветримся.

— Только недалеко, — попросила «бандитка».

— Ладно, только по мостовой пройдемся и назад.

Юра лихо рванул по Советской, потом по улице Московской и дальше, где была битая булыжная мостовая. На мостовой Гагарин дал газу.

— Нельзя ли потише?

— Не могу, заело! Рукоятка газа не прокручивается!

— Не разобьемся?

— Нет, ты что? Потерпи чуток.

Гагарин прибавил газу.

— Ч-ч-то у тебя м-мотор с цепи с-сорвался? Мне больно! Ос-станови, я с-слезу.

— Не могу, мотор не останавливается!

Гагарин еще прибавил газу.

— Ес-с-сли не остановишь, с-сейчас спрыгну! — уже неистово орала девчонка.

— Подожди, весь бензин отработается и мотор остановится. А может, и от тряски ручка газа отойдет, и мотор сбросит обороты. А прыгать нельзя, точно разобьешься! Ты на ноги привстань, будет легче.

— Ид-ди ты со с-своими с-советами, п-придурок! — неистово ругалась Эмма, но спрыгнуть на такой скорости побоялась.

Пошли на вторую мостовую улицу. Гагарин еще прибавил газу.

— М-м-мама... Л-люди, ос-с-тановит-те ж-же эт-т-ого и-д-д-и-и-о-о-т-т-а!

Теперь уже Юрка счел месть достаточной и сбросил газ.

— Ну вот, а ты боялась! Ручка газа от тряски расстопорилась. Теперь поедем нормально.

Гагарин совсем уже аккуратно довез девушку до дома. Она молча соскочила со злополучного железного сидения и со словом благодарности поспешила домой.

— Ду-у-рак набитый!

Юрка отмолчался, но голова его тряслась от сдерживаемого хохота. Левка молча стоял у забора, держась за все еще мокрый лацкан пиджака и разинув «варежку».

Наконец штатное седло подварили, и приятели привинтили его на место вместо стальной арматуры. Левка с удовольствием восседал на мягком заднем седле и по дороге думал, почему же немцы не делали задних амортизаторов. Когда они подъехали к дому Эммы, окно было закрыто, и их никто не собирался поливать водой. Стало как-то грустно без той симпатичной и хулиганистой девчонки.

— Что-то не видно подруги,— проворчал Гагарин.

— Наверное, в огороде копается, некогда безобразничать. Работает.

— Давай посмотрим, может, помиримся.

Приятели привалили мотоцикл к углу дома и заглянули во двор. Но девушки там не было. Межой прошли в огород, что за домом, и остановились, как вкопанные. У огородных грядок на травке животом вниз лежала и принимала воздушные ванны Эмма с поднятой вверх голенью. В руках была небольшая книжица. Под красавицей было расстелено старое ватное одеяло из разноцветных лоскутков. Она грелась на солнышке в очень узких трусиках и шикарном ситцевом бюстгальтере. Красивые округлые ягодицы и узкая талия украшали ладную фигуру.

— Вот это дева! — не выдержал Гагарин.— Такую и на нормальном седле прокатить не грех.

— Дева-то — дева, да половинка попки синяя слева! — отрифмовал Толкушка.— Теперь ее тебе калачом на мотоцикл не заманить.

— Ничего, через пару дней попка заживет. А о приколе она уже со смехом вспоминать будет. Да и подругам расскажет. Все ржать до истерики будут!.. Давай-ка, лучше поговорим о деле. Ты, кажется, остаешься в школе, а я твердо решил самостоятельно зарабатывать на жизнь и в новой жизни пробиваться.

— Может, все же закончишь семилетку? Год остался!

— Не переубеждай, решение уже принято твердо, и отец одобрил. А семилетку закончу в вечерней школе рабочей молодежи. Да и дальше буду учиться.

— Да-а, похоже, ты все продумал. А что мама?

— Всплакнула немного и успокоилась.

— Куда же ты теперь?

— Поеду под Москву, в Люберцы, к Савелию Ивановичу, брату отца. Там и двоюродная сестра Тоня. Думаю, помогут. В письме они вроде бы не возражали.

— Тяжело будет без родителей на новом месте. Хотя ты уже самостоятельный парень.

— Ничего, выдюжу. К труду и учебе приучен, да и здоровье пока не подводило.

— Жаль расставаться с надежным товарищем.

— Друзья — дело наживное. А мы с тобой всегда останемся друзьями. Пока. Как устроюсь — напишу.

Левка взял мотоцикл за руль и молча покатыл его к своему дому. Он давно выбрал себе путь. А Юра неторопливо и сосредоточенно зашагал домой. Но мысли были уже далеко, в неизвестной, но манящей дороге, где ждали новые знания, приключения и трудности, которые ему так нравилось преодолевать.

От редакции: Старшие и средние поколения помнят: сколь много писали о Гагарине — символе советской эпохи нашей страны, но перед вами уникальная повесть, о юных годах первого космонавта планеты. Профессор Л. Н. Толкалин и ранее писал о своем однокласснике в тульской и центральной периодике, а в 2002 г. издательство Тульского госуниверситета выпустило (правда, очень малым тиражом) отдельной книгой повесть, основные главы из которой мы и публикуем. К сожалению, полиграфическое исполнение журнала не позволило привести несколько десятков фотографий с юным Гагариным и видами Гжатска той поры, содержащихся в повести. Обращаемся к издателям Тулы, Москвы и других городов: повесть Л. Н. Толкалина востребована читателями, особенно интересно и познавательно будет ее прочесть нынешней молодежи, поэтому пришло время переиздать книгу в полном объеме и достойным ее содержания тиражом.

МАЛАЯ РОДИНА

Виктор Греков

БЕЛЕВСКИЕ ГОРОШИНЫ

(книга рассказов)

Ванька Роман

Был он, Ванька Романов, парень хоть куда,— хваткий: нарасхват у местных девчонок, а уж у дальних — загляденье. Впрочем, ничего в нем такого-этакого не было вовсе. Ну — рослый, ну — статный, ну — одевался с шиком, ну — весельчак... Разве мало таковых было в ту, в послевоенную, годину? Они, дерзкие, времени под стать, будто за своих старших братьев, головы поклавших за родину, взалхлеб наверстывали; в неполных семнадцать годочков от роду уж вкальвали на производстве, заколпачивая «в свое удовольствие». Тем более, он, Ванька, рванувший с шестнадцати лет в горняки.

Однако, было же, ох, было во всей его мужской стати что-то такое-этакое... Было! Особинка? Возможно... И такая, знаете ли, мудреная, что разгадать мне ее и с годами не дается никак.

Может быть, счастливчиком он родился? Наверное, тут-то как раз и в точку: бог однажды любовью его одарил. Безоглядной. Сполна одарил — и по гроб!

Случалось,— без ума парень, когда ему вдруг, нечаянно, тропиночку роковую перебежит какая-нибудь нездешняя. Сам не свой, и — черт ему не брат,— и будто головой в омут иль с разбегу — в полымя... На глазах у всего села сох парень день ото дня: тростиночка во поле, но только не удалец. Стень очарованная... И в чем только душа держится? — чучело для насмешек, мальчик для битья.

Но вот войдет в круговище на вечерке, потряхнет кудрями, и носком сапожка притопнет в такт гармонии шалой, и тотчас от всего земного напрочь отрешится: и от матери отречется, шельмец, и от отца родного, окаянный он прокуда: «Эх! — Пропадай, моя телега, да все четыре колеса!..

И поведет плечом, и шапку лихо заломит, куражась, а в глазищах его — смерть-тоска. Так это и полоснет она по живому. Так и затрепещет все вокруг, заколобродится. Уж поведет, да поведет очами-то, и — к небу, высоко куда-то, в нездешнее. А девицам это — отравя; а зазнобушке его — одолень-трава!

«Ох, детка, в омут-то ты в какой грянулась!» — вздохнет бывалая, об ней плачась,

а вот которых война с женихами поразвела — те и подавно; и — завидуют, до горячих слез завидуют...

Он же, отдробив свое, распропашее, вылетит из круговища, смахнет горошины со лба пылающего, замешается в толпе озорников и, словно солнышко, зайдет-закатится, а день — померкнет. Грустно всем делается. А отчего грустно — никому невдомек. Поруха в душе — и все тут...

Как-то уж, набравшись горняцкого ухарства и хвативши лиха всякого в шахтах, наведаясь к мамке на денек-другой. Куда тебе: переполох на всю округу и дым коромыслом, — а как же иначе: «Ванька Роман возвратился!»

Ну надо же, а? — иной молодец аж полжизни пропадает на чужбине, но появление его среди земляков — не событие; а тут — радость повальная: Ванька Роман. Явился — не запылелся... И — едва она ему навстречу (Ох, и когда только подрасти сумела, Заманиха ты этакая!) — у Ваньки Романа уж любовь до безумия.

«Вань, а Вань! — обратится к нему иная, устойчивая.— Оголодал ты, чи шо?» Ой, как вскинется, глазищами ожжет, забияка. И ведь отбил, нахал, девчонку-то, у брата моего старшего отбил, уж едва ли не просватанную накануне... Закружил ее, запуржил, — винтом вся родня в крутом водовороте.

...И ничего же у них не вышло... путного. Наверное, по горячности. По пустячному у Ваньки разлад приключился с красавицей...

Три или четыре раза, — уж после этого, — женился он; все маялся, чтобы гнездышко свить; все хорохорился, как огонек над костерком маетным.

В дальнейшем следы его для меня затерялись. Говорили, он умер, не достигнув и пятидесяти.

До сего дня жалеют знавшие его: не стало Ваньки Романа, и опустело рядом. Что бы там ни говорили досужие, а есть-таки, есть незаменимые.

Неисповедимо

«На свете много хорошего и без счастья!..» — непостижимо; сколько бы ни вчитывался в эту строку из письма Жуковского, не укладывается в уготовленное для него в сознании: неужели это у него, у поэта Добра и Света, сорвалось с кончика пера? ...Непостижимо. Почему?.. Нет, не по одному только, что Маша Протасова, муза его и предмет несказанного обожания, призналась однажды: «Ах, Жуковский! До смерти тебя люблю...» ...И сам он доверительно признался: «Я люблю Машу!..»

Все, преображенное в поэзию, убеждает нас в обратном его роковой фразой о счастье.

...Он любил и был любим. Это и есть энергетическое Поле гения. Это и есть генератор творческого Духа. Образ Маши навсегда полонил сердце Жуковского. Единственно во всем свете, когда полон, — именно полон любви, — одна улада!

*С тобой, один, вблизи, вдали,
Тебя любить — одна мне радость,
Ты мне все блага на земли,
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.*

10 марта, между тем, грустного 1823 года, Жуковский видел Машу в последний раз. Он уезжал тогда из Дерпта в Петербург. А 17 марта Маши не стало... Письмо к нему осталось на ее столе недописанным: «Друг мой, это письмо получишь ты тогда, когда меня подле вас не будет, но когда я еще ближе буду к вам душою.

Тебе обязана я своим живейшим счастьем, которое только ощущала...

...Друзья, не жалейте обо мне, я уверена в милосердии...»

На этом письмо Маши обрывается; сердце ее остановилось; душа отлетела.

1823 год — роковой для Жуковского. Вот уж и на самом деле исчерпывающе верно замечание поэта, как тезис: «Жизнь и поэзия — одно!»

А если заглянуть в предысторию? Жуковский безуспешно добивался руки Маши. Но получал только отказы от ее матери. В 1817 году она вышла замуж за профессора Мойера. «Роман моей жизни кончен,— записал Жуковский,— теперь начну его историю».

«Читать жизнь поэтов,— писал в год 200-летия Жуковского Игорь Золотусский (журнал «Огонек» за 1983 г.) — надо по их стихам...» У Жуковского есть стихотворение «19 марта 1823 г.». Оно посвящено последней встрече с М. А. Протасовой и написано после получения известия о ее смерти.

*Ты предо мною стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувств.
Он мне напомнил
О милом прошлом...
Он был последний
На здешнем свете.
Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
О небе мысли...*

Маша (М. А. Мойер) — В. А. Жуковскому.

«Ангел мой, Жуковский! Где же ты? Все сердце по тебе изныло. Ах, друг милый! Неужели ты не отгадываешь моего мучения? Бог знает, чтобы дала за то, чтобы видеть одно слово, написанное твоей рукой, или знать, что ты не страдаешь. Ты мое первое счастье на свете.

Катка мне дорога, мила, но не так, как ты. Теперь я это живо чувствую!

Ах, что с тобой делается? Я убаюкиваю себя надеждой на твой счет, представляю себе те или иные препятствия твоему возвращению, но ничто меня по-настоящему не утешает и не развлекает.

Катка была больна, я уверена была, что она умрет, и тем больше мне ее жаль было, что ты ее не увидел и не так любил, как должно.

Катка выздоровела, а ужасное мучение меня не покидает. Мне все кажется, что счастье показать тебе ее сверхъестественно, и что если ОНА не умерла, то с ТОБОЮ сделалось несчастье, что, поспеившись тою жертвою, я должна буду принести еще важнейшую!!!

Ах, не обрекай меня! Это естественно, бояться до глупости, когда любишь так, как люблю тебя я, дорогой друг! Мое сердце так полно тобой, ему так необходимо открыться тебе, попросить у тебя помощи от жизни и бояться я должна за тебя.

Не вижу, что пишу, но эти слезы уже не помогают!

Я вчера ночью изорвала и сожгла все письма, которые тебе написала в течение этого года. Многое пускай останется неразделенным! Я хочу только быть спокойна на твой счет — отдаю с радостью наслаждение. Ах, боже! Дай мне моего Жуковского! Брат мой! Твоя сестра желала бы отдать не только жизнь, но и дочь за то, чтобы знать, что ты ее еще не покинул на этом свете! Это горе превзошло бы все те несчастья, что я до сих пор вынесла».

Невообразимо... но и не потрясти такое — не может. Нет, это не жертвенность;

в противном случае и эта ипостась будет доведена таким вот образом до абсурда. Нет же, нет! — в противном случае — это все в ней — за чертой рассудка...

Страшно представить в реальности. Это всепоглощенность бездонностью чувств. Иначе — катастрофа... Потому что у него, «более защищенного», хотя бы материк спасения есть — поэзия. Ведь он и сам признается: «А поэзия — главный громоотвод! Поэзия, идущая рядом с жизнью — творец несравненный» Вот, видимо, где его пристанище. А она, Маша, бесприютна, и потому испепеляюще: «Твоя сестра желала бы отдать не только жизнь, но и дочь...» — это уже неземное... непосильное для смертного!... Это небесное? Да?!

Боже, дай силы мне, грешному, чтобы не впасть в сомнения...

Высота ты моя, поднебесная...

Несуетность сердца. Неумность жажды чего-то несказанного, чего-то неохватного, просторов и далее необозримых, высоты поднебесной — вот признаки национально-русского; и не обязательно присуще все это только лишь этакому детинушке былинному, добру-молодцу. Отнюдь!...

...И немудрено. Русской душе тесно в однажды заданном, в отмеренном, в заключенном в рамки, — закона ли рамки, указа ли государева или обязательств не совсем ясных, то ли в замкнутом кругу устойчивого быта. Душа воли просит.

Более того, не только из-за природной оседлости не кинет русич насиженного, с прошлым на разрыв не пойдет, даже под угрозой смерти — ведь он и об утраченном не по своей воле вспоминает с печалью, а думу думает о том, — с горечью, как впрочем, и оглядывается назад в прошлое — с тоской. В песнях же исповедуется, будто навек прощается, аж так вот и подирает мороз по коже.

У него, рожденного на белый свет в равнинной бескрайности, уж если возмечтается о чем, то... никакой половинчатости, а затеет разговор о свободе, то взалкается ему воля вольная, ничем не ограниченная: уж если ночь, то непременно темная... Когда же об утренней зорьке зайдет речь, у него слово к слову, как городьба: и «вспозорань», и «рано по рани», «по зорьке ясной»...

Все у него вдосталь, все ему полной мерой! А уж если махнуть стаканище горькой, — непременно ему «всклень», и не меньше! — «иль грудь в крестах, или голова в кустах!».

Казалось бы, чего еще можно нормальному человеку ожидать от полудня? Чего вымалывать детинушке? — гуляй, Ваня, да и только, — время отдыхать, когда ты заслужил. Куда там тебе, ему, супостату, в этом, в устоявшемся у всех народов, никакого смака: подавай ему такое-растакое!

«Ты потмись, потмись, день полуденный!»

И ведь завораживает... Вовлекает... Втягивает, как в погибельную воронку сумасшедшего половодья. Знать, со дна, из-подисподнего достано, — с самих недр народной заповки почерпнуто.

Все в его равнинной родине — полого, сжатисто, непрерывно, — поля, холмы, пажити, и опять поля с перелесками, да очень тягуче выстроенные на линии горизонта, покуда глаза твоего хватает обозреть, все больше дремные леса, будто ошеломленные рати русичей древних. О, Русь...

Не привилось во вкусе его, в общем-то, непривередливом, — ни пестрое, ни причудливо контрастное, ни кричащее, но и ни вызывающе обнаженное. Для него в поспенной перемене суток, и летом и зимой, обыкновенные сумерки — нечто магическое... нечто заветное. А, скорее всего, задушевное. Трепетное: несказанно нерасторжимое!

Если он в избе своей соборно сумерничает, то все погружается в умиротворение,

и даже кот на приступке, мышь в подпечье,— все растворяется в небытии. Будто зарок!.. Будто обет молчания. Попробуй, из домочадцев кто-либо или из пришлых, которые то же самое, чтобы посумерничать притулились,— так вот попробуй, оброни что-либо суетное, не богово,— тот час же в дому у него это самое молвленное обволакивается дымкой, как нечто непотребное, вздорное.

О песне его сказано немало. И не случайно говорят досужие, что он «...не поет, он душу изливает!»

...Как тут не поведать о том, что приключилось ненароком. Возвращаемся из похода по памятным местам отгремевшей в нашем густолесье партизанской войны. Устали-умаялись... Одним словом, уходились, будто нахлебались досыта: по завязку!

Дотянуть бы до ночевки. Ног под собой не чуешь. Но вожатый хорохорится. Дескать, ребятки, чуть-чуть осталось. Вон он, мол, двор показался, стало быть жильё... «Вишь, вот, ребятки, позыбилось мне!..» Ну и шутник же, а? — вожатый-то наш? Позыбилось, видите ли, ему,— да с черта с два! — ни зги не видать, хоть глаз коли: сплошное темное небо. Какая это такая тут зыбь, а? Олух... царя небесного, а не вожатый.

И вдруг мелодия. Доподлинная. Будто повеяло ею. Будто из-под самого-самого поднебесья. И — опять тишина. И — ни зги. Кромешно... Почудилось? Померещилось? Э-э, шалишь, как это почудилось, если все одновременно слышали.

Приостановились. Вожатый топчется. Ужель прав он, и мы, в самом деле, вышли на жильё?

Чу! — полилась опять, воспелась заново: «Мне малым-мало спалось, Эх да во сне привиделось...»

И мертвого подымет, ей-ей!.. Приободрились. Рванули не мелодию и как безумные: «Ура!» — «Вышли ж на жильё... на сторожку, наверное».

А ноги идут и идут,— само собой идут. И ведь понимаешь, что не маршем тебя взбудрили; напротив того, мелодия эта и околдовывает, и обессиливает.

Наконец, выбрались из чащобы, вышли на опушку, и «Ва!» — каков конфуз: никакой это не двор, и не сторожка это, не «домик при дороге»,— а две новенькие палатки, раскинутые новоиспеченными туристами. Небольшая группа вокруг костерка, и транзистор... на обломленной веточке. Поодаль. Так вот что нас зазывало сюда?

Не обрадовались мы и пристанищу, и не умилились чужому очагу, и не стали напрашиваться на ночлег, в соночевщики,— побрели восвояси ночной тропой.

И по сей день, едва накатит что-либо из воспоминаний, удивлюсь прежнему: а все-таки, чем подкупил нас голос, напевший нам «Малым-мало...»? Каким это таким зовом сердца? Зовом предков?

Я, помнится, в здоровенных бахилах, взмокший от пота, рохля-рохлей, а туда же, как и все, «понесся», и куда там противу меня сохатому? С жаром понесся, вдохновенно напевая, а точнее вторя, напевному. Откуда что взялось? — измотанный донельзя, до обморочности, и вдруг — такая оказия приключилась в пути с нами.

А между тем, ответ рядом находился, в сборнике народных песен, собранных для Ивана Васильевича Киреевского его другом, поэтом Николаем Михайловичем Языковым:

*Туманы то, туманушки!
Не сойти-то вам, туманушки,
Со синя моря долой.
Не сойти тоске-кручинушке
С ретива сердца долой.
Что вечер-то мне, добру молодцу,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось.
Много виделось во сне...*

Дивное загляденье

В погоде не заладилось что-то с самого рассвета, да так вот и не выдался денек. По стылому небу несудом волокло мелкую наволочь, над хмурой закраиной горизонта время от времени замолаживало, однако шальный ветер налетал вскорости и задавал трепку. А после клоками тащились в изнеможении тучки, и опять все укладывалось до очередной взбучки капризной природы. Ведь лето явно клонилось к своему концу, и ломалась стезя золотой поры.

Уж и лист потек с деревьев. И в полях пустело, и постыло пялились облыселее пригорки, но не сдавался пред напором хлада один лишь человек в этой округе, дед Илья Степанович. «Авось, сонца свое взыщет!» Он подждал его на завалинке, засиживаясь до сумерек.

На восточном крыле села это было насиженное местечко. Будто полустанок на тракте, словно островок посреди мирской суеты. А суета — она как прорва...

Однако какие бури пронеслись над этой тихою пристанью старческого покоя! Покоя и покаяния. Стекались сюда отовсюду, и из дальних деревенок. И будто о скалу в часы прибоя разбивались несусветные байки и небылицы, особливо слухи и небылицы о якобы конце света, «о светлом будущем человечества».

Осаживал расхрабрившихся предсказателей и прочих шарлатанов, а то и остужал разгоряченные головы прохожих, сам дедушка Илья Степанович. Просрамлял же нарочитых вралеи, досужих краснобаев,— его дружок закадычный, однокопник еще по «ампиристической» — Никон Глотов, по прозвищу Аничка,— крепкий старикан; умница-самородок, книгочей, работавший счетоводом колхоза, и знаток Библии.

Одним словом, здесь, на завалинке, как раз и находился укреп всего сущего, незыблемого в крестьянском укладе.

Под вечер бывало здесь шумно и вольготно...

Нынче же никого! Тишь... И медленно текло время. Пока не выпятился из-за плетня забияка-петух, обрызганный свежей кровью наподобие ожерелья. Выпятился, отбиваясь от наседавшего на него другого молодчика — азартного бойца из молодых да ранних. Оба извоженные, испачканные и изнемогающие.

Дед Илья Степанович тотчас отвернулся: не терпел неумех, в равной степени и неказистых. То ли дело, испытанные герои петушиных боев. Конечно же, и, прежде всего, его воспитанник по кличке Цесарь, а также сорви-голова соседки Марфы Стефановой. Она величала своего красавца никак не иначе, как только «Анчихряст»; а порою, навроде как по совместительству,— «Азият». Причем, если уж «азият», то непременно «проклятуший».

Что и спорить понапрасну? — те удалыцы были отменные. Подлинно истые, как о них дедушка судил. Кавалеры завзятые и, «лыцари петушиной чести».

А у этих, таковских,— не схватка, а потасовка. Не поединок, а выволочка. Одним словом, срамота.

Сам Илья Степанович рассказывает о петушиных боях смачно, со страстью, аж в иных местах ему горло перехватывает...

«...Ну, значитя,— зачинает дедушка рассказ,— допрежь как сойтиться им, войти, как говорится, в непосредственное соприкосновение,— и дед помогает себе изъясняться на армейском наречии всякими жестами. Схватятся, но и уж тогда попотешатся. Всяк из них ого какой мастак! Оттого, знать, ерепенится всяк по-своему. О как! — и дед выкидывает запомнившиеся от солдатчины военные артикулы, о, значитя как! И так-от, и этак-от!

А то глядишь, норовят допрежь того, лыцарское почтение выказать... Ага! И ни-ни. Чтобы, значитя, ударить извести, то бишь исподтишка. Рядятся, чтобы, значитя, карусель этакую откуроулесить. Ох, и хватские, ох уж ребята вятские. Ага!»

Дед привстает и отвешивает поклоны, затем демонстрирует, вывинчивая голову из плеч, пируэты титульного этикета, что в его представлении о рыцарской чести и есть на самом деле непереносимое условие принятого и написанного церемониала.

— И вот тебе, значится, глядишь, уж сшиблись. Трах-бах-бабах! И все, навроде бы, у них шиворот-навыворот. Эк-коленца-то у них, что твой джигит лихой. Аж дух захватывает. Без подвоху. Ага!

Ударятся грудь об грудь, отлетят поврозь, и ну глазами острыми шпилиться. Уж от так и шпилят. Наскрозь. Ага!.. Всяк тут горазд другого изничтожить одним духом. И шибко эдак лапами сучат, затем вдруг спохватятся, и ну тебе наземь грудью припадать. Это они так-от друг дружку стращают. А сами, навроде бы исподволь, на курочек-то своих, на молодич в карогаде курином поглядывают и опять понарошку задираются. Споглядывают. И задираются. Любо посмотреть. Кавалеры!..»

...Над селом в низком небе прошел с характерным клекотом ворон (черная птица смерти) — падучей тенью над грешной землей. И знобко в груди от загробного клекота. Нехорошо на душе становится, мерзко.

Молодые наши петушки, заметив ворона, настораживаются. Вот они откачнулись друг от друга. Точно раздумывают, а не дать ли стрекача — лишь бы подальше от опасности. Но, нет,— вижу, опять исполчились.

Илья Степанович морщится. Хочет встать и разнять петушков, но откуда ни возмись, появляется старый Аника — воин «Анчихряст». Взлетев на гребешок плетня, неловкий от старости, словно литой из свинца, он устремляет глаз на забяк. Его глаз — это око Потрясателя куриной Вселенной. Вроде бы что-то произносит он на понятном им наречии. И даже дед изумляется: ведь послушались потасовщики приказа Потрясателя Вселенной. Разошлись в разные стороны.

Рассказывали, что дед Илья Степанович истовостью называл такое качество, как например, природная одаренность.

Говорили еще, как бы в оправдание его разборчивости в оценке людей, что его отец, Степан Фаддеевич, участвовал в войне с турками, привез с той войны жену, очень юную, будто бы половецких корней, из нареченных гагаузами; и до старости любил он водить в своем крестьянском хозяйстве лошадей, скакунов,— вовсе непригодных в землеробском деле.

...Нам же досталось впрягаться вместо тяглогового скота в непосильное...

Котяра Марек

Кот Марек — персона исключительная... Едва ли и вовсе неприкасаемая. Еще бы, старожил общественного двора, где новоселов понаехало видимо-невидимо: кто-то с самых северо, кто-то по статусу беженцев, иные же — по иронии судьбы, а в большинстве — гонимые беспутными реформами.

Марек среди котов на особом счету. Он с биографией; тем более гроза мышей, и оттого, прокуда — н непрекаемый «Авторитет» подвального обиталища. Легенда дворового народонаселения.

Ничего вроде бы внушительного, однако в кошачьем мире — обольститель непрекаемый. Более того, когда в том же дворе возвели, эдак наспех и будто бы понарошку, еще один корпус, новоселы, словно сговорившись, брали Марека «напрокат», чтобы, стало быть, по суеверию-то, гарантировал жильцам благополучие. С той поры, на крутых-то хлебах, возомнил «об себе», а возомнив, обленился и опорочился — забаловался, и мышей не давит.

Оно конечно же, с виду он все тот же, неотразимчик в тигровой шкуре и с полудиким посверком забяки; однако отныне ему «Власть — это когда есть и пить власть!»

Оттого, сойдя с круга, сделался охотником до птичьего пуха и перьев: ох уж зорил, окаянный он, гнезда пернатых в округе: спасу от него не стало не только мелкой пичужке, но и воронам да сорокам залетным.

И вот повадился же, паскудник этакий: до отвалу насытившись, нежится, бывало, на балконном лежаке. Да не на каких-нибудь голых досках, а всенепременно, аспид, на хозяйкиных привадах. Она у него искусной мастерицей слыла, что в швейном деле, что в вязанье, что в кружевоплетенье. Устелет балконную этажерку изделиями с иголочки каждая! — чтобы просушились на солнышке, он — тут как тут: сейчас же подметив, уляжется. «Ах, ты ж, бестия. Ишь боярин нашелся!» — вскричит хозяйка в отчаянии. Марек и усом не поведет, и хвостом не пошевелит. «У-у, Котяра!» — произнесет старая.

Зато улучили момент пернатые,— нашли-таки на бестию управу. И на самом деле, разве это не бесстыдство, разве это не цинизм — птенцами лакомиться?! И поделим ему, задали трепку!!

Самая бойкая из певчих, будто ужалила: остреньким клювиком — да в темечко ему! Ох, будь ты неладна-а-а!

Вскочил, болью настигнутый, вскинулся и рухнул; напрямиком с этажерки — вниз с третьего этажа.

Долго падал Котяра Марк. Как в преисподнюю. Очень долго! Полагаете сумел спланировать? Какое там... Планера нашли. И не на бреющем приземлился обольститель. Нет! — летел вниз тормашками, и все пытался уцепиться хоть за какой-нибудь выступ или жердочку балконного каскада. Шмякнулся. Ухнул, как в прорву — в чан с известью: собирался управдом подмарафетить фасад здания. А в известь угодил Котяра. Был Марк, стал — мрак.

С тех пор как отвалили: ни пуха, ни пера!

Обитель дальная трудов (штрихи к портрету)

Воспоминания и я — одно и то же.

В. А. Жуковский

В Долбине нынче листопад. Пора печальная. Летучая. Пора пронзительная в несуетной череде перелета птиц. Пора долгожданной улады за сытным столом хлебобоба.

Крадучись, подбирается она к человеку. Неустойчивая и обманчивая. Порой и завирушная. Но вот и грянула во всей тихоструйной своей красе,дохнула остудой в лицо... Издалека доносится,— уж ясно слышать! — как перекликаются вожатые пролетных стай и позывные журавлей звонно аукаются на бору.

Пронесутся, прокурлычут и,— ни следа в поднебесье: все канет в лету! — минута счастья, и горечь утраты; праздники и будни, радость обретения и тоска разлуки. Господи, какая тоска!

Он вспомнил,— как-то некстати сегодня — Машино: «Сашка уехала, и сиротство воротилось».

Ужель неизбежно оно? Сиротство это? Куда же летишь ты, необратимое? И что несешь ты, студеная пора долгозимья? — Нет ответа... Не внемлет.

И долбинская роща молчит, вчера еще неумолчная от гомона птичьего. И вода в заводи притаилась, безмятежная. И прибрежная ольха, неразлучная спутница студеных ключей на речке Вырке Долбинской — все погружено в пучину предзимнего трепета и страха пред вечным покоем. Лишь за ближним окоемом, над гребнем синего леса, откуда бежит речка Вырка, медленно и шумно, очень угрозающе, наползает

на село снеговая, багрово-окрашенная перед закатом, тяжкая туча: быть-таки снегопавалу нынче, скорее всего — ночью.

Тревожно, вот и Авдотья Петровна, мил-дружок по родству, утешительница, ничем не обрадовала. Ему окончательно отказано в руке Маши: ну и как после этого жить? Как? — если и сама Авдотья Петровна, вступившись за любовь Жуковского и Маши, решительно поклялась, что она, в противном случае, если брак не состоится, — «оставит детей своих и уйдет в монастырь». Так и заявила она Екатерине Афанасьевне, матери Маши. Каково?

Увы, не случилось счастья... «Я теперь скитаюсь, как Каин с кровавым знаком на лбу», — пожаловался он другу Тургеневу...

А как, — ну как иначе? — если она, Маша, будто под прицелом безумца-стрелка воскликнула в отчаянии: «Ах, мой Жуковский! До смерти тебя люблю...»

Вспомнил, порывисто вскинул руки ко лбу, — и осадив-таки галопирующее сердце, укротив чувства, признался самому себе, остывая: «Мой ум, — как огниво, которым надобно ударить об камень, чтоб из него выскочила искра».

Казалось бы невпазд, вопреки природе его характера, однако тут же, как бы со стороны, представилось, каким нелепым показался бы он, выпади возможность увидеть ее, чтобы глаза в глаза. Представилось, словно наяву, осязаемо, — и он с грустью усмехнулся. Боже, какая мистика; почудится вот такое: наверное, это от колдовской дымки над долбинской пажитью, от сыпучей листвы. Все — вздор! Вздор! Вздор!...

А в то же время был голос: «Ах, мой Жуковский! Как мне не быть счастливой... когда ты есть на этом свете».

Не говори с тоской: «Их нет!»

Но с благодарностию — «Были!»

Речной пережат — вода игристая

На пути из Белева в Дубну вам никак не миновать известный в округе речной пережат на Фатьяновской Вырке, на которой как раз и стоит досточтимое село Долбино. Речка эта, будто нитка суровая с нанизанными на нее горошинами жемчуга, целая горсть великолепных и достопамятных селений: Дубна, Долбино, Ровно и Сенохино, Мишенское и Фатьяново. А уж Белеву быть с востока омываемым речкой Выркой и сам Бог велел. Причудливо русло ее в белевском предместье.

Довольно поздно довелось прослышать мне о славном речном пережете... Зато, как только побывал, с тем чтобы родину братьев Киреевских навестить, так и прикипел душой в одночасье. Есть что-то волшебнo-притягательное во вздымающейся по всей ширине потока в дымящейся от прилива сумасшедшей энергии и юношеской резвости, речной искристости.

И что-то неопишeмое присутствует незримо в причудах природы этого водного пояса. Есть загадочное, — какой-то нерасшифрованный знак очарованного края.

Помнится, шофер нашего редакционного «козлика» тормознул на середине пережата, хитровато стрельнул лукавыми глазенками озорника, — дескать — «Не было печали, да вот черти накачали!»; а тем временем мои спутницы, толкнув железные двери машины, так и сыпанули, кто в чем был, и даже босыми, на искрящийся, в пене и брызгах, голубой ковер речного конвейера... «Ну куда же вы, сумасбродные, студено же!? Осень!» — пугнул я их как старший, для острастки... Послушались? Ничуть не бывало. Заполoшными возгласами, вскриками и визгом огласилась окрестность... И на самом деле, как устоять перед такой купелью!?

Ну, на самом деле, почему язычески живо в душах людей это магнетическое при-

тяжение мятежной воды? Откуда это в нас, обитателей равнины? Наверное, это зов экспрессивно энергетического в равнинной обители?! Как знать...

Пойди, сыщи-ка, стремительно быстрое течение реки? Тем более чтобы бурное, с ревом в ущелье и в отрогах каньона?.. Однако бытует в народной песне, которой за двести, триста и более лет, возжеленное, чтобы водной стихии наперекор, чтобы бурям вопреки и окольному охвату наперерез: вот уж воистину, медленно запрягают, но быстро ездят — не угнаться!

Вот и в частушке полувековой давности присутствует таковой элемент:

*Через речку быструю
Я мосточек выстрою:
Ходи милый, ходи мой —
Ходи летом и зимой!*

Посоветоваться бы сейчас с Жуковским... увы мне! Но уж он-то истинно полифоничен в многоязычном мире общечеловеческой литературы. Многомерен... С изысканным вкусом художника слова. Народное в нем органично. Он поражал современников, круг друзей полифонией стиха. В его переводах лучших творений поэтов Европы растворялась славянская душа, потому что шедевры многоязычной литературы он крепко ставил на стезю глубоко национального, сообщив развитию отечественного животворный импульс.

*Мне рок судил брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красу природы,
Дышать над сумраком дубровной тишиной
И, взор склонив на пены воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.*

О гремучих ручьях, родниковых ключах и любимых речках, о реке тихоструйной у него в стихах немало. Примечательна в этом отношении элегия «Вечер», — богатейший диапазон, широчайший спектр синонимов.

*«Ручей, вилющийся по светлому песку...»,
«С каким сверканьем катишься ты в реку!»,
«Склонись задумчиво на пенистые воды...»,
«И в зеркале воды колеблющийся град...»,
«Когда с холмов золотых стада бегут к реке...»,
«И рева гул гремит звучнее над водами...»,
«Последняя в реке блестящая струя...»,
«Как тихо веянье зефира по водам...»,
«Чуть слышно над ручьем колышется тростник...»,
«Осыпан искрами во тьме журчащий ключ...»,
«В реке дубравы отразились».*

Что же, не стоит затрудняться с ответом, понапрасну ломая голову. Его сын, Павел Васильевич Жуковский, художник и в душе поэт, заметил однажды: «...мы не можем не писать, как не можем не думать; мы думаем красками или мрамором...»

Прелюбопытно, не правда ли? В таком случае, что же, напрашивается в этом контексте по существу кредо самого основоположника русской литературы? «Ага-а! То-то вот!» — произнес бы, будь на нашем месте, какой-нибудь мужичишка.

Он думал образами. И в канве его поэтического слова — тихоструйное, обетованное — библейское.

Впрочем, сколь бы ни спорили мы по существу привязанности к однажды и навсегда избранному, по существу оседлости, однако же — любим отчизну, поклоня-

емя родовому, возносим молитву во благо отчего края, но опозетизируем-то, как правило — Мечту! — несбыточную чаще всего. Ох, мечту, однако...

Вот надо же, а? — ведь и прародина наша — это, по Есенину «...шестая часть земли с названьем кратким Русь», а в действительности, из поколения в поколение, живем думами о водных путях, которыми ходили «за тридевять земель в тридесятое царство», и за «три моря» наши пращуры. Народные песни, собранные Петром Киреевским и в том числе в Верховье Оки, в Белевском уезде, в частности, записанные Константином Дмитриевичем Кавелиным в деревне Сныхово на р. Оке,— это яркая иллюстрация к сказанному.

*По морю-морю
Плывут — выплывают...*

Созвучно настроению Жуковского, напевали девушки изустное в Долбино, от сердца к сердцу, сокровенное:

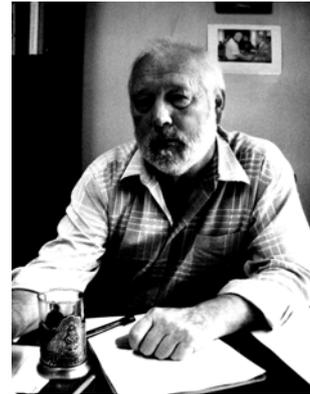
*Не было ветру — вдруг навенуло,
Не было гостей — вдруг наехали!*

Гостей он в те дни ожидал, со дня на день... Потому что «...туда, туда душа... летела», ибо всегда и превечно было для него — «Все там!..».

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Алексей Яшин

ОДИН ДЕНЬ В КОНЦЕ ВЕКА

Четырнадцать миллиардов лет назад, как горячо уверяют нас астрофизики, в единый миг образовалась Вселенная — мощным взрывом некоего сверхплотного шарика, такого крохотного, что не смогли бы увидеть в свои микроскопы даже самые глазастые лаборанты в поликлиниках. Это где вредоносные бактерии в моче и кале болящих пациентов усматривают...

Так или не так, но образовался наш мир с неисчислимыми галактиками, звездами, черными дырами. Туманностью Андромеды тож. Эти прописные истины нашего сотворения хорошо знали советские школьники, а нынешним гимназистам-лицеистам и обучающимся в колледжах и университетах и вовсе знать ни к чему: в бизнесе не пригодится. Более того, замечтаешься о космических безднах — лишний банан покупателю передашь, а то и вовсе доллары-евро разменяешь по вчерашнему, заниженному курсу. Но это к слову.

А еще некие умные из старорежимных, не торгующие бананами, потому и имеющие много досугового времени, придумали: все происшедшее со Вселенной за предыдущие миллиарды лет и что будет впереди — все изначально записано на взаимном расположении галактик. Ни много, ни мало... Типичные лжеученые, как бы сказал нобелевский академик Бреммерман-Задунайский, председатель недавно созданного комитета «За девственную чистоту академической науки».

Зато эту идею, как нам представляется, должны бы с восторгом воспринять адепты всех канонических церквей: иудейской, буддийской, христианской и мусульманской — перечисляем в порядке возраста этих религий. Как же? — Это и есть единосущий бог! Тем более что нынешние церковники идут в ногу со временем, уже не внушают прихожанам, что Бог — это бородастый дедушка, на облаках восседающий, в рассеян он по всему мирозданию, то есть по космосу.

Итак, пусть каждый отстаивает свою правоту: академики, лжеученые, священнослужители и отдельно Бреммерман-Задунайский... но ведь все в нашей жизни предопределено и изначально заложено в структуре Вселенной. Будем исходить из сказанного.

* * *

Собственно код или программа (это как в компьютере программы игр для современных дебилов) развития Вселенной записана во взаимном расположении галактик и соответствует распределению простых чисел, то есть, как нам помнится опять же из советской школы, — чисел, которые делятся только на единицу и само себя: 1, 2, 3, 5, 7... и так далее до бесконечности. Самое интересное то, что, несмотря на простоту задачи, со времен Пифагора и до наших дней этот самый закон распределения таких чисел так и не найден самыми высоколобыми математиками. И не найдут никогда, поскольку мудрая природа хранит от неразумного человечества тайну его будущей истории. А то такого наворотят!..

Опять же понятно: код развития всего мироздания в целом и в частности, например, для прогресса человечества на одной из планет (возьмем для ясности Землю), записан на распределениях галактик начерно в виде целеуказания, которое может реализовываться в конкретике с шараханьями в ту или иную сторону, с тем или иным уклоном. Как поется в старинной каторжной песне: «Вчера мы хоронили двух марксистов. Один из них был правым (или левым?) уклонистом...» И так далее — интересующиеся могут осведомиться в своем местном отделении общества «Мемориал».

Так, например, в занимающем нас вопросе, программа социально-экономического развития земного человечества на 2010–2100-й годы записана на сложной, криволинейной цепочке от спиральной галактики *M81** в созвездии Большой Медведицы до центра Крабовидной Туманности. То есть развитие человечества на протяжении всего XXI века было четко запрограммировано.

Однако в 1054 году, как было зафиксировано еще средневековыми китайскими астрономами, в созвездии Рака, что находится в Крабовидной Туманности, непредсказуемо взорвалась сверхновая звезда, в результате чего образовался пульсар Вела *PSR 0833-45*. Тем самым в программу житья-бытья земных обитателей на ближайшие девяносто лет XXI века и был внесен то ли правый, а может, и левый уклон в развертывании не изменяемого даже пульсарами и взрывами генеральной линии вселенского кода: дальнейшего развития цивилизации и технического прогресса.

Понятно, что даже самым умным из нынешних российских академиков-реформаторов и проницательнейшим из больших Кашенки неведомо: каков был первоначально задуманный природой уклон в XXI веке и в какую сторону его повернул внеплановый взрыв сверхновой звезды в созвездии Рака?

Куда уж нам знать это, потому предположим два крайних варианта. Условно назовем их правым и левым уклонами.

* * *

Джон Найверс, тридцативосьмилетний старший менеджер по маркетингу торговой фирмы «Мажестик», вышел из суточного анабиоза по сигналу таймера из состава многофункционального чипа, имплантированного в правую заушину в день совершеннолетия почти четверть века тому назад. Впереди двое суток же бодрствования: дневной работы и ночного активного отдыха. Переход на медицински и социально выверенную трехдневку был осуществлен во всемирном масштабе еще в бытность деда Джона. И далеко, и близко по времени, хотя бы даже дед, сданный в положенное время в ветеранский пансион и через определенные законом о социальных нормах пять лет эвтанализированный**, носил нелепое старорежимное имя Антон Неверов и родился в городе Георгиевском, ныне — Джорджер-сити Медиаокского дистрикта доминиона Моско-

* Принятые обозначения в астрофизических каталогах и справочниках.

** Столь ныне широко обсуждаемый добровольный (укол врача) уход из жизни.

вия. Сейчас второй год в том же пансионе и фазер Джона Найверса... Завершает свой жизненный цикл, один из многих миллиардов на планете Земля-пойнт.

Одновременно вышла из оздоравливающего суточного небытия и Уинни, табельная спарринг-леди Джона. Оба, каждый в своей спальне и индивидуальных санузлах, проделали гимнастику по доктору Вайнбергеру на двух типах тренажеров, приняли кислородный коктейль в джакузи, оделись по-служебному и встретились в столовой, улыбнувшись друг другу: Уинни чуть томно, а Джон несколько горделиво, во время двадцатичетырехчасового сна они дважды занимались виртуальным сексом посредством интимной сети, образованной связанными по радио компьютерами заушных чипов. Как представителям социального нижесреднего класса «АВ», реальные половые сношения им позволялись раз в месяц. В эту ночь они спали в одной постели, а перед этим в течение двух суток Уинни принимала препараты с токферолом, а Джон с метилтестостероном. Увы, реальный секс отбирал слишком много сил, что сказывалось бы на производительности труда. Оптимизация половой жизни касалась и возрастов партнеров: Уинни только что исполнилось двадцать пять лет.

...Вещественное доказательство реального секса — четырехлетний Стэнли — уже третий год находился в спецпитомнике в лесопарковой зоне Джорджер-сити. Второй бэби, но уже женского пола, полагался им по достижению Стэнли семилетнего возраста.

Калорийно позавтракав, что разрешалось в первые рабочие сутки, Джон и Уинни расстались на последующие два дня и две ночи (Понятно, что во время завтрака и вообще при разговорах рта они не раскрывали: вся информация передавалась *on-line* через те же встроенные чипы-компьютеры).

* * *

Выйдя из своей блок-секции длинного двухэтажного дома-казармы на десять семей, Джон и Уинни, обменявшись виртуальными воздушными поцелуями, разошлись по противоположным остановкам движущегося тротуара — вдоль второй по значимости улицы Джорджер-сити, что соединяла деловой центр городка с окраинным кварталом удовольствий. Джону как раз путь лежал в центр, а Уинни в этот самый квартал, где она работала преподавателем эротического массажа в профессиональном женском колледже.

...Уже в двух сотнях футов от «Мажестика», перешагивая с основного тротуара на проулочный, Джон вспомнил из утренней сводки новостей, что сегодня семидесятипятилетний юбилей события, происшедшего в архихдалеком 2017-м году. Именно в том самом, когда, как рассказывают в школах учителя, некогда огромная страна разделилась на три десятка доминионов, формально объединенных в Евро-Азиатскую федерацию под патронажем Мирового правительства, управлявшего 2/3 земной территории. И улица, на которой стоял их дом, носила имя этого великого события: Толерант-стрит, ибо то разделение недееспособной уже огромной страны получило название толерантного федерализма. Джон не понимал смысла этого бренда, да и вообще вспомнил-то о событиях древности только по ассоциации с названием своей улицы... На электронных табло-календарях городских улиц сегодняшняя дата «7 ноября 2092 года», как праздничная, переливалась золотистым цветом.

Уже перед самой автоматически открывающейся дверью в свой офис, соскочив с движущегося тротуара, Джон услышал короткий сигнал и привычно сделал два шага вбок и влево: мягко шурша, на пандус входа въезжала машина патрона — роскошный «шевроле» прошлогодней модели. Джон вздохнул, не забыв вытянуться в струнку. Эх, он хорошо помнил, хотя и был тогда еще дошкольного возраста, как отец возил по табельным выходным все семейство в загородную зону отдыха на своей машине...

Увы, еще тридцать лет назад по требованию Мирового правительства и по вза-

имному согласию с азиатско-тихоокеанским блоком стран в целях сохранения экосистемы планеты было подписано всеми государствами расширенное Киотское соглашение*, по которому во всем мире приоритет отдавался общественному электротранспорту. Даже число вполне безобидных электромобилей частного пользования было регламентировано, а мощные бензиново-спиртовые авто, как тот же «шевроле» управляющего «Мажестиком», разрешалось только влиятельным людям, начиная с представителей высшего среднего социального класса «д». Всем же остальным — а автомобили, наряду с сексом и долларами, единой валютой «белого мира», составляли сущность и цель жизни — приходилось довольствоваться прокатными электромобилями по талонам и личными бензиново-спиртовыми машинами, стоявшими в гаражах или на лужайках во дворах домов-казарм, но без систем зажигания.

Рядовые клерки, довольствующиеся дешевыми «Фольксвагенами» и корейскими автомобилями, равно как «средняки» и «вышесредняки» классами ниже «д»-обладателей престижных американских и европейских машин, отказывая себе и в без того немногих радостях жизни, раз в три-четыре года обновляли свой «автопарк», беря в кредит авто попримичнее. В выходные дни выкатывали их, помогая друг другу по-соседски, из гаражей на лужайку позади дома и до позднего вечера пересказывали содержание свежих автомобильных видеожурналов.

...А катались уже дома — на компьютерном тренажере.

* * *

Подождав вместе с другими накопившимися у пандуса клерками, пока патрон войдет в здание, обменявшись с коллегами короткими «хай», Джон вошел в растворяющуюся перед ним дверь, прошел под сканером-контролером и далее поднялся по эскалатору на третий этаж, где прошествовал в свою остекленную кабинку, начиненную компьютерной техникой. Хотя фирма «Мажестик» имела статус торговой, а сам Джон Найверс числился старшим менеджером по маркетингу, но в двенадцатиэтажный офис никогда не входили покупатели, фуры не подвозили с утра тонны «сникерсов», «кока-колы», колбасы из генноперерожденной сои, химических «молочных» продуктов, косметики, китайской одежды и другого ширпотреба, азиатской и дальневосточной электроники. Только из российских доминионов ничего не ожидалось.

Чем занималась солидная фирма — крупный филиал базового предприятия в Москоу-сити? — Людям ранга Джона этого знать не полагалось. Да и не интересовало это их ни в малейшей степени. Суть же его работы заключалась в том, что он подключался через свой многофункциональный чип к процессору одного из многочисленных контроллеров базовой суперЭВМ фирмы и корректировал ввод-вывод экстренных программ. Примерно тем же занималось большинство из восьмисот сотрудников офиса — градообразующего (наряду с кварталом удовольствий и филиалом малазийского завода пищевой химии) предприятия городка Джорджер-сити.

Трудовой день — с полдевятого утра до семнадцати тридцати с получасовым перерывом на бизнес-ланч — проходил мимо сознания в полном автоматическом режиме мыслящего робота. Опять же за такую работу хорошо платили по провинциальным масштабам.

Вот и сегодня, ровно в половине шестого уже сумеречного раннеябрьского вечера, таймервшитого чипа просигналил отбой и отключил Джона от контроллера суперЭВМ. Все двадцать восемь сотрудников отдела, занимавшего большой зал третьего этажа — семнадцать мужчин и одиннадцать женщин, — покинули свои остекленные закутки и направились к выходу в коридор, но у двери стоял, дружелюбно

* Ныне действующее международное соглашение об уменьшении выбросов углекислого газа в атмосферу. Не подписано США и рядом индустриальных стран.

ослабившись, их шеф Стенли Донцофф. И уже совсем в улыбке сочных, ярко напомаженных губ расплывалась его личная секретарша Нади. В руках она держала маленький поднос «а ля Жостоу» с разложенными на нем стопочками разноцветных картонных жетонов.

— *Lady and gentlmann's*, — подняв правую руку ладонью навстречу подчиненным, начал шеф на принятом в офисе среднерусском диалекте американского языка, — по распоряжению руководителя фирмы и в ознаменование сегодняшнего юбилея каждый отдел, включая и наш, конечно, проводит корпоративную вечеринку за счет «Мажестика». Так что прошу вас к восьми часам прибыть в квартал удовольствий. Для нашего и девятого отделов на всю ночь заарендован салон «*Golden Live*». А теперь Нади раздаст вам жетоны на внеплановый секс — опять же за счет фирмы. Жду вас!

Стенли сделал отмашку так и не опущенной рукой и вышел в коридор, а клерки выстроились в веселую очередь к Нади. Она уже второй год работала в отделе, поэтому прекрасно знала ориентации сотрудников и, не ошибаясь, выдавала жетоны красного, голубого и розового (лесбиянкам) цветов. «Красные», включая Джона, были в меньшинстве, что, в общем-то, соответствовало принятым Мировым правительством нормам для Восточной Европы.

* * *

Уинни, выходя из дома, вынула из почтового бага женский журнальчик для половых меньшинств, то есть традиционных гетеросексуалов, поэтому дорога на движущемся тротуаре до квартала удовольствий пролетела незаметно за рассматриванием новинок моды, преимущественно эротического белья, квартирного дизайнера и косметики.

При въезде в квартал, огороженный бетонным забором, Уинни грациозно скакнула вправо с движущегося тротуара, вошла в ворота, охраняемые — для экзотики — чеченами в черкесках с газырями и бараньих папах (все китайского производства), — и далее пешком за четверть часа дошла до колледжа. Учебное заведение — это не огромная фирма, поэтому она, в отличие от Джона, знала, чем занимается сама, кого готовит колледж.

А готовил он специалистов среднего звена для развлекательных заведений Медиаокского дистрикта, а в иные годы до половины выпуска, преимущественно из вьетнамцев, среднеазиатов и негров, затребовывала Москоу-сити, столица доминиона. Впрочем, еще с начала века из политкорректности негров именовали афрорашенами. В колледж направлялись достигшие пятнадцатилетнего возраста воспитанники спецпитомников, отобранные по соответствующим психофизиологическим показателям, обладавшие невысоким *IQ*, который не позволял им надеяться получить сколь-либо престижную профессию. А обучение велось по четырем базовым специальностям: менеджмент традиционного и гей-секса, интимное обслуживание *VIP*-персон, маркетинг публичных домов эконо-класса, рекрутинг персонала развлекательных заведений широкого профиля.

...Уинни отметилась на входе пластиковой карточкой в контрольном автомате, на секунду заглянула в учительскую поздороваться с коллегами и под таймер своего чипа, заменявший общий звонок, вошла в тренинг-класс, где вела практические занятия по эротическому массажу. С утра у нее была смешанная группа из афрорашенов и вьетнамцев — все из местных уроженцев, уже в четвертом поколении живущих в Медиаокском дистрикте. Уинни любила эту группу: голубая по составу, она готовилась для элитных заведений Москоу-сити, главное — мальчиков-педиков совсем не интересовала ее женская сущность. А вот в красных группах на занятиях постоянно присутствовал охранник: не раз и не два за двухлетнюю работу Уинни в колледже ее пытались изнасиловать здоровенные дебилы родом из левобережных поселений Оки-

ривер с расово смешанным народом, из которых готовили операторов женских публичных домов эконом-класса. Они были настолько тупые, что приходили в колледж без знания государственного американского языка; поневоле приходилось с ними вспоминать русский диалект.

Как занятой на вредном производстве, Уинни полагался раз в месяц внеплановый талон на секс с учащимися старшего курса, но она использовала его на интим со своим колледжным коллегой — бой-френдом Уиллисом Оррешкинсом, ведущим практику массажа в женской группе. Вот и сегодня по графику ожидалась раздача талонов; она мысленно перестроила передатчик своего чипа на Уилли. Тот ответил утвердительно, дескать, сегодня проведем ночь в «*Golden Live*».

* * *

После столь приятного окончания рабочего дня Джон доехал на тротуарном эскалаторе до дома, принял душ, заварил диетический кофе и разогрел в микроволновке вынутый из холодильника фабричный москоубургер с сыром и синтетической осетриной, уютно расположился в кресле перед стеноэкраном домашнего кинотеатра. До половины восьмого Джон с увлечением, порой вскрикивая и хлопая ладонями по коленкам, смотрел кубковый бейсбольный матч: сегодня в поединке сошлись «козлы» из Санкт-Питерсити и «быки» из Западно-Сибирского доминиона. Шел четвертьфинал, и его победитель, равно как последующие полуфиналисты и финалисты, могли рассчитывать на поездку и игры в самой Америке! Было за что потеть: победили «быки», за которых и болел по провинциальному компатриотству Джон.

Неторопливо, гуляючи, Джон дошел по обычному асфальтовому тротуару до квартала удовольствий, предъявил на входе ряженым чеченам (один — китаец, второй из мулатов-афрорашенов) свой пригласительный жетон и скоренько уютными переулками квартала дошагал до салона «*Golden Live*». Там, в малом ресторанном зале его уже поджидали коллеги по работе (спустя пять минут в дверь салона вошли Уинни с Уиллисом, предъявили портье талоны, Оррешкинс заплатил и получил ключ-карточку от номера второго разряда).

Ровно в восемь часов корпоративная вечеринка началась приветственным тостом Стенли Донцоффа, предложившего выпить за славную годовщину: «...Благодаря тем событиям далекой уже истории, все мы сейчас живем и благоденствуем в нашем небольшом, но таком уютном государстве! Не зная войн и политических страстей, загрязняющих землю промышленных производств, иссушающей мозги науки, дестабилизирующих их психику литературы и разных там искусств, мы уверенно идем к высшим идеалам и ценностям, объявленным Мировым правительством: доллары, секс, автомобили, расовая и национальная толерантность. Ура, *lady and gentlmann's!* (На время вечеринок и официальных приемов разрешалось переходить на звуковую речь.)

Клерки обоего пола в восторге вскочили с кресел и пригубили фужеры с безалкогольным виски, в котором каждый растворил шипучую таблетку «экстази либерти», официально разрешенного к употреблению эйфоретика. Джону же исключительно повезло: при раздаче снадобья метрдотелем ресторана ему случайно достались две слипшиеся таблетки, а ресторанный шеф, озабоченный чем-то личным, этого и не заметил. А ведь за такое, хотя и невольное, прегрешение он мог бы лишиться работы с «волчьим паспортом» и в лучшем случае заведовать оставшуюся трудовую жизнь третьеразрядным общественным туалетом...

Но и Джону дармовая таблетка на пользу, увы, не пошла. В голову сильно ударило; своими громкими выкриками и слабоуверенными движениями во время танцев он удивлял своих коллег. Даже Стенли-шеф, которому как главе компании отдыхающих эйфоретик не полагался, сделал подчиненному замечание в отношении благопристойности поведения. Только бесстрастным официантам из числа бесполох халдеев-

прислужников, стерилизованных за отсутствие сексуальной толерантности, ни до чего не было дела. Они молча убирали со столов грязную посуду, приносили новые бутылки с безалкогольным виски, тарелки с горячими москоубургерами и стейками из соевого концентрата, чашки с диетическим кофе, вазы с консервированными ананасами и конфетами из генноперерожденных бобов — для дам.

К половине двенадцатого, когда банкетная часть вечеринки завершилась, Джона совсем развезло с двух таблеток «экстази либерти». Хотя мужчин в компании, включая Стенли-шефа, было восемнадцать, а женщин всего одиннадцать, но пары для заказанных номеров скомпоновались более чем удачно, учитывая случайно сложившийся расклад между красными, голубыми и розовыми сотрудниками отдела.

Джону по жребии досталось провести ночь нормированного секса аж с самой юной красоткой Нади (шеф Донцофф имел первенствующую в цивилизованном мире голубую ориентацию). Уже поднявшись на третий этаж, поддерживаемый под руку что-то весело щебечущей Нади, и направляясь к двери с номером 341, Джон качнулся вправо и невольно надавил плечом на дверь соседнего номера, видно, в спешке не запертого тамошними постояльцами. Инстинктивно ухватившись за ручку двери, он прямо с ней и Нади влетел в номер, где при полном освещении занималась сексом с незнакомым мужчиной его супруга Уинни.

* * *

После судебного разбирательства Джон Найверс был стерилизован, лишен памяти и отправлен до окончания трудовой жизни работать халдеем-прислужником в соседнее с «*Golden Live*» заведение, но только третьего разряда. А у Уинни вычистили память о Джоне, прежней семейной жизни и ее четырехлетнем сыне, которого перевели в спецпитомник для детей без родителей. С разрешения начальства она и Уиллис Оррешкинс вступили в брак. Все же, порой случайно встречаясь на улочках квартала удовольствий, Джон и Уинни внимательно смотрели друг на друга... но и только. Теряли невольный интерес и расходились.

Судили же Джона Найверса за очень серьезные преступления. Он покушался сразу на две общечеловеческие ценности, вошедшие еще полсотни лет тому назад в новый текст «Декларации прав человека», а именно: священную свободу секса и расовую толерантность. Это выразилось в том, что Джон, случайно оказавшись в номере супруги, назвал ее проституткой, а чернокожего мулата-афрорашена Уиллиса Оррешкинса черномазым. Что такое на него нашло? Понятно, что свою роль здесь сыграли две таблетки «экстази либерти», но ведь не до такой же степени?!

Скорее всего был прав проводивший психиатрическую экспертизу Джона столичный врач-профессор, направленный в провинциальный городишко ради такого редкостного клинического случая. Уже много лет спустя, читая лекции студентам единственного в Москоу-сити и вообще в доминионе Московия лечебного факультета, почтенный ученый, лауреат двух местных Оскаров по медицине, то и дело садился на любимого конька:

— Вот был у меня в девяностых годах прошедшего столетия уникальный случай. Срочно направили в экспертную командировку в городок Джорджер-сити, что на средней Ока-ривере. Некто Джон Н., клерк, что называется, «средней руки», на корпоративной вечеринке приревновал свою жену к ее бой-френду, да еще и оскорбил последнего по расовой части. Что-то такого случая ранее даже в учебниках по психиатрии не встречал!

Еще раз повторюсь: случай из ряда вон выходящий, на контроль самого управляющего доминионом поставлен был, поэтому прибыл я в Джорджер-сити целой кафедрой и с вагоном диагностической аппаратуры, только что поставленной аж из самой Румынии!

Две недели не покладая рук исследовали мы больного, составили итоговый отчет в десяти томах, резюмирующий общее мнение экспертной комиссии. Впрочем, я особо отметил свое личное мнение. Так вот, как мне представляется, произошло именно то, о чем на заре демократии, еще сто лет тому назад предупреждали легендарные борцы с остатками тоталитаризма, его же и жертвы, великие Березовскер и Гусинер, а именно: коренное, туземное население Россиянии еще долго будет нести на себе ярмо духовного рабства, надетого на него многовековым царизмом и советизмом с их кондовым православием и коллективизмом, что в сути одно и то же.

Отгородившись еще в Средневековье своей ортодоксальной религией* от все набирающей темпы цивилизации и просвещения Европы, рашенское государство — и при царях, и при генсеках — всячески отрицало великие идеи священного бизнеса и накопительства, безграничной личной свободы в соответствии с содержимым кошелька, а главное — жестоко преследовало базовую общечеловеческую ценность, то, чем современный человек и отличается: право каждого выбирать себе половых партнеров любого пола и вступать с ними в связь по обоюдному влечению за плату. Наконец, сейчас даже страшно такое вслух произносить — при монархистах и коммунистах признавалось разделение населения по национальностям, а последние, истинные исчадия ада, даже ввели в паспортах так называемую «пятую графу»: обозначение национальной принадлежности! (Шум удивления и возмущения в зале.) А одно слово «негр» чего стоит?

...Да-а-а, были такие подлые времена, поэтому-то весь период царизма и социализма и вычеркнут из наших учебников истории; такого прошлого, как говорили великие Березовскер и Гусинер, можно только стыдиться. Впрочем, хватит поганить язык такими, с позволения сказать, экскурсами в упрямую историю; перехожу к делу.

Мой диагноз по джорджер-ситевскому делу 2092-го года таков. В каждом человеке на подсознательном уровне хранится архетип, точнее — артефакт начальных, диких еще по форме периодов цивилизации. Собственно говоря, вся изучаемая вами сейчас психиатрия и есть анализ болезненных состояний, при которых эти артефакты извлекаются из подсознания и внедряются в сознание активное, управляющее текущими действиями человека, смешивая и раздваивая его. Так возникает весь сонм психических заболеваний во главе с шизофренией...

— Но это же прописные истины, профессор? — слышался голос юношеским фальцетом откуда-то из середины амфитеатра лектория.

— Да, молодой человек, на первый взгляд именно прописные, но вы меня не дослушали. Так вот, все бывает просто, как остроумно заметил наш любознательный студент, если из подсознания извлекаются вполне естественные артефакты: людоедство, эдипов комплекс, мания величия и прочее, как память о периодах начального формирования человека. Но не так все просто, когда из «кладовки» подсознания извлекаются понятия, совершенно не типичные для современного человека, типа «дела Джона Найверса». А я это дело раскрыл, за что и получил своего второго Оскара, позвольте уж по-стариковски похвалиться...

И только выдающийся провинциальный профессор-психиатр, старчески предвкушая удовольствие от восхищенных возгласов жаждущих знаний студиязусов, собрался эффектно закончить свой монолог, как с самой верхней скамьи амфитеатра слышался нетрезвый голос:

— Э-э, ты, пидор горбатый! Кончай пургу гнать, объясни на простом американском языке: что на того парня в бардаке нашло? — и припечатал еще длинную тираду, отрицающую все мыслимые и немыслимые права личности и общечеловеческие ценности.

* В западноевропейских языках православие именуется словом «ортодокс» (Примеч. авт.)

Профессор, падая в обморок, успел-таки нажать на тревожную кнопку вызова охраны: ряженных под староанглийских констеблей здоровенных негров.

* * *

Дело студента Питера Федото́ффа по чудовищности преступления намного превзошло случай десятилетней давности с Джоном Найверсом, ибо Питер, ездивший накануне на выходные (случился трехдневный госпраздник — день рождения давно покойного национального героя Гусинера) в родную деревню и все эти дни пьянствовавший там самопальным виски, оттого и потерявший на время рассудок... так вот, этот Питер в числе прочего негатива назвал великую американскую нацию «жандармом мирового публичного дома».

...Словом, Питер сгинул в американской спецпсихушке на островах Зеленого Мыса, а наш профессор стал обладателем третьего Оскара, причем столичного. Но больше со студентами он не откровенничал. Кроме как в интимных взаимоотношениях с белокурыми мальчиками-первокурсниками.

* * *

Сверхновая звезда взорвалась в 1054 году от рождества Христова, а образовавшийся пульсар Вела *PSR 0833-45* замкнул кодовую матрицу, образно говоря, с «левым уклоном», потому Иван Трофимович Неверов, крепкий и моложавый тридцативосьмилетний мужчина, проснулся седьмого ноября 2092-го года от громкой маршевой музыки за окнами. Но вот ведь природа человеческая! — Первой мыслью было не осознание сегодняшней знаменательной даты — 175-летие Великой Октябрьской социалистической революции, что уже два-три года не выходило из репертуара всех СМИ, нет, первой было горделивое воспоминание вчерашнего дня: на торжественном собрании в городском Дворце культуры и искусств специально приехавший из Москвы представитель министерства достаточно крупного ранга в числе других награжденных «к дате» вручил Неверову орден с рельефом «Авроры» — третий по значимости среди гражданских наград после орденов Ленина и Сталина. Тем более что в юбилейный год «Октябрьская Революция» изготавливалась из червонного золота с платиновой накладкой силуэта крейсера... Да-а, слабости человеческого тщеславия разве что ангелам во плоти несвойственны!

— Ва-а-ня! — через открытую дверь спальни и лестничный проем на второй этаж дома донесся голос супруги, впрочем, хорошо различимый даже на фоне старинного праздничного марша «Мы будем жить при коммунизме...», несшегося с улицы через открытую фрамугу окна. Вместе с голосом Нины в спальню проник и запах готовящегося завтрака по-праздничному; в его сложной гастрономической гармонии преобладал аромат его любимого блюда: эскалопа с гарниром из жареной картошки и именно в тот момент, когда выложенные в тарелку мясо и картошку жена поливала топленным сливочным маслом и туда же крошила микроскопически нарубленный укроп, выращиваемый с середины осени по май месяц в небольшой тепличке во дворе дома.

Умываясь и подбривая аккуратную бородку — все быстро, пока эскалоп не остыл, — Иван Трофимович горделиво, смущенно в то же время все повторял про себя первые утренние слова Нины:

— Запомни, милый, этот день и это утро...

— Да вроде как его трудно не запомнить?

— Я не о годовщине. Просто от сегодняшней ночи отсчитывай девять месяцев. Пора и третьего; все же тридцать семь лет.

— Давно пора, — рассмеялся и обнял жену Иван Трофимович, — а вот на твой малый юбилей и четвертого соорудим!

— Дурак старый... Орденоносец, — рассмеялась и супруга.

* * *

Хотя день и праздничный, но к столу хозяин дома вышел одетый по-домашнему, не в мундире. Супруга и младший, одиннадцатилетний Федя, учившийся в четвертой средней школе, где его мать вразумляла старшие классы биологии, уже расположились за малым обеденным столом. Оба супруга, не сговариваясь, одновременно посмотрели в сторону сложенного большого овального стола, каждый про себя подумал с легкой грустью, что только половина семьи сегодня собралась. Как раз по поводу большого праздника не отпустили на побывку старшего, пятнадцатилетнего Степана, по семейной традиции избравшего флотскую стезю и в прошлом году поступившего в прославленное Ленинградское нахимовское училище.

А только что вышедший в запас капитаном первого ранга отец Ивана — Трофим Игнатьевич — и мать Елена Анатольевна, совсем недавно закончившие флотское житье-бытье по дальним гарнизонам и переехавшие к старшему сыну, опять же по поводу праздника умчались в Северодвинск, последнее место службы. Благо и повод более чем достаточный: уже «запасному» Трофиму Игнатьевичу присвоили-таки контр-адмирала... Отчего же заодно не покрасоваться перед бывшими сослуживцами!

Как адмиралу-подводнику, согласно табелю о рангах, Неверову-старшему полагались пятикомнатная квартира в Москве или Ленинграде и поместье в Средней полосе Европейской России о полутора гектарах и особняк. От выслуженного не отказываются, ибо не воровано и зажилено; адмирал квартиру в Ленинграде взял и передал ее родителям невестки, то бишь Нины Сергеевны, коренным питерцам, жившим большой семьей о четырех поколениях; от двухлетнего Андрюшки до столетнего «деда в квадрате» Виктора Даниловича, родившегося еще в конце прошлого века в разгар Второго Смутного времени, едва не погубившего страну.

...А поместье он выбрал в десяти верстах от родного города Георгиевского, что на средней Оке в исконных русских местах, благо и старший сын Иван уже давно вернулся в родительские места. Его традиционная флотская карьера завершилась восемь лет назад, когда стратегическая подлодка, где он служил в чине капитана третьего ранга командиром БЧ-4*, попала в аварийную ситуацию, а Иван Трофимович получил контузию. Через два месяца госпиталя Полярного** и военного санатория в Феодосии все функции жизнедеятельности моряка полностью восстановились, но врачебная комиссия напрочь запретила подплав. Ему предложили службу в штабе, но в это время в родном Георгиевском, городке, только недавно на областной карте начавшем обозначаться красным цветом (то есть с числом населения пятьдесят и выше тысяч) открыли военный НИИ вычислительных систем имени академика Машкова... Словом, теперь Иван Трофимович трудился здесь заместителем главного инженера по испытаниям в естественных, то есть военных, условиях. Единственный в институте носил черный мундир и недавно получил чин полковника-инженера, а как ветеран подводного флота имел на тихой окраине городка двухэтажный дом с приусадебным участком. С появлением отца-адмирала жить стали на два дома, правда, в загородной усадьбе бывали по сезону.

...Совсем немного не дождалось воссоединения семьи родители Трофима Игнатьевича, жившие в доме внука Ивана. Дед Игнат, дважды Герой страны, отставной адмирал и командир знаменитой ударной подлодки «Клим Ворошилов», которая в решающей битве середины века с силами мирового зла потопила суперавианосец «*Golden Star*», дожил до девяноста лет и упокоился в окружении своих потомков. Супруга не надолго пережила его.

* Боевая часть № 4, ответственная за связь и радиоэлектронное оборудование военного корабля.

** Краснознаменный Северный флот, Мурманская область.

* * *

После завтрака, где под эскалоп глава семьи принял пару рюмок коньяка, все разошлись в разные стороны, хотя и на одно и то же мероприятие: на праздничную демонстрацию; Нина Сергеевна с сыном в школу — место их сбора, а Иван Трофимович в свой НИИ. Он вышел из дома последним, ибо поднялся на второй этаж переодеться в мундир. Уже одетый заглянул в свой рабочий кабинет — захватить любопытную книжку полувековой давности: сам книгоман, он обещал дать ее на пару дней своему коллеге по работе, сочинявшему докторскую диссертацию по синтезу семантики архаичных текстов, а попросту говоря, тема диссера имела прямое отношение к одной из тематик работы НИИ: шифровальному делу. Затем ему и понадобилась староизданная книга по великому исправлению устной и письменной русской речи, предпринятому более полувека тому назад.

Сам Иван Трофимович иногда ее перелистывал, усмехаясь, читал списки чудных слов, изымаемых из ранее покореженной русской речи: общечеловеческие ценности, доллар, бизнес, демократия, международный терроризм, политкорректность, нетрадиционная ориентация, толерантность, ось зла, гей, консенсус, свобода личности, права человека, однополярный мир, страна-гарант, потребитель, секс (и все производные от него) и так далее — под сотню страниц убористого текста.

... По дороге в НИИ, отвечая на приветствия встречных знакомцев по-военному «под козырек», как истинный книголюб, Иван Трофимович более всего был озабочен этой самой книжкой, что держал зажатой в ладони левой руки: а не потеряет ли ее коллега-диссертант в сегодняшней праздничной суете? Но, вспомнив, что тот как-то сторяча дал слово (как некогда Фидель Кастро не брить бороду до победы мировой революции) не принимать ни капли спиртного до получения докторского диплома, поуспокоился.

И еще он всегда по-доброму усмехался, проходя мимо небольшой швейной фабрики, что располагалась рядом с его НИИ. На ее фасаде буквами «под золото» значилось: «*Георгиевская льнофабрика им. сестер Виноградовых*». А усмехался наш полковник живучести стародавних легенд: раз когда-то народ породнил сестрами двух ткачих-однофамилиц Марию Ивановну и Евдокию Викторовну, то так и осталось даже на официальных бумагах... Только в далекой отсюда северной Вичуге, где свыше полутора сотен лет назад совершали на ткацкой фабрике имени Ногина свой трудовой подвиг подруги-ткачихи еще помнили о лжесестринстве. Знал об этом и Иван Трофимович, ибо его супруга была родом как раз из Вичуги и по материнской линии приходилась дальней родней Евдокии Викторовне. Потому-то и усмехался вывеске всякий раз, пришвартовываясь к входу своего института.

* * *

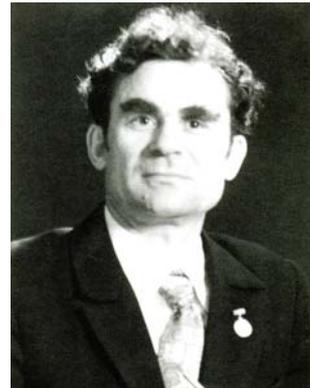
Увы (или, наоборот: слава Богу!), человеку не дано знать о своем будущем. И нам остается гадать: так что же наделала эта самая сверхновая звезда, взорвавшаяся в 1054 году от рождества Христова и образовавшая пульсар Вела *PSR 0833-45*? Иван ли Трофимович будет стоять на почетной трибуне города Георгиевского, по-гагарински поднимая руку — приветствуя колонны трудящихся на юбилейной демонстрации 7 ноября 2092-го года? Или вырожденный уже в пятом поколении, почти полный идиот Джон Найверс, сожрав дармовое «колесо», на миг единый тоскливо вспомнит: он ведь тоже был задуман природой человеком?

Бог один знает, но нам не расскажет.

ТУЛЬСКИЕ ПОЭТЫ-ЮБИЛЯРЫ

От редакции: Уходящий год был богат на юбилеи ведущих тульских поэтов: свое 80-летие отметил Михаил Абрамов и Михаил Шпилевой, 75-летие — Виктор Пахомов и Николай Дружков. Немного отстали 70-летние Николай Боев и Валерий Ходулин. Отрадно, что все они в расцвете творческих сил, активно работают, составляя по праву гордость тульской поэзии. Люди они заслуженные: почти все лауреаты литературных премий, имеют государственные награды. Виктор Пахомов и Валерий Ходулин — заслуженные работники культуры РФ, Почетные граждане города-героя Тулы, а Михаил Шпилевой — участник Французского сопротивления в годы Второй мировой войны — является одним из немногих сейчас в России кавалеров ордена Почетного легиона, высшей военной награды Франции со времен Наполеона I. Здоровья Вам и творчества!

Михаил Абрамов

ДОРОГИ ФРОНТОВЫЕ

Шепчутся каштаны
Молодой листвою,
Вклиниваясь в небо
Гордой головою,
Шепчутся, как будто
Что-то говорят,
Вдоль дорог военных
Выстроившись в ряд.

По дорогам этим
Мы со смертью рядом
Шли к столице вражьей
Под свинцовым градом.
А навстречу нашим
Ротам, батальонам

Шли каштаны эти
Впережку с кленом.

Они так же тихо
На ветру шептали.
Но о чем — солдаты
Этого не знали.
Знали только: скоро
Где-то там, вдали,
Встанет перед ними
Вражеский Берлин.

Знали, что к Берлину
Их лежат дороги,
Знали — после штурма
Их не станет многих.
Знали, что победы
Не даются даром,
Отвечать — так крепким
На удар ударом.

В битвах ураганных
Дней начальных мая
Кончилась дорога
Наша фронтовая.
Памятник Героям —
Величав и строг —
Стал неколебимо
В центре всех дорог!

1947, г. Ораниенбург (ГСОБГ), Германия

ПРАВДА ЖИЗНИ

Хотя фашистского рейхстага
Мне штурмовать не довелось,
Пьянила гордость, словно брага,
Когда я в нем бродил, как гость.

Темнел под слоем штукатурки
Изрытый взрывами паркет.
Синели гильзы, как окурки,
Валялся Гитлера портрет.

Хрустели стекла под ногами,
Прохладой веял сизый мрак.
А выше купола, как пламя,
Плескался наш Победный флаг!

Я и сегодня зримо помню
Тогда притихнувший Берлин,
И было очень нелегко мне
Смотреть на скопище руин.

Я думал: в чем же виновато
Творенье чьих-то добрых рук?!
Любить бы нам друзей, как брата,
Да делом радовать подруг...

И, как все те, что раньше были,
Вписал автограф, вынув нож.
Там нынче наших нет фамилий,
Но правду-матку не затрешь...

ЛЕБЕДИНАЯ НОЧЬ

Махали птицы крыльями устало.
Внизу пестрели рощи и поля.
Казалось: небо их не отпускало
И не хотела принимать земля.

Но в высоте, не знающей предела,
Поплыл призывный голос вожака,
И до села, сливаясь, долетело
Единое согласие косяка.

Раскинув крылья, опускались птицы,
Все ниже, ниже над водой скользя.
И, радуясь прилету вереницы,
Сбегались к озеру мои друзья.

И видел я, как на озерной сини
Заполыхала нежно белизна.
Как, торопясь, до замершей полыни
Катилась угасавшая волна.

Такого старожилы не видали,
Наверно, с окончания войны.
Но лебеди родимый край узнали,
Инстинкту всемогущему верны...

Играя, отдыхали птичьи пары.
И вечер весь на улицах села
Молчали и гармони, и гитары,
И ночь светлей обычного была.

МОЯ ПРИЧАСТНОСТЬ

Памяти поэта А.И. Фатьянова

Реки зеркальная подкова
В песках изнеженных блестит.
По грудь в воде стоят коровы,
Мошка над ними мельтешит.

И замирает где-то песня,
Насквозь пронизана теплом.
И, словно дальний гул оркестра,
Ее сопровождает гром.

Привычно все и все так мило
В краю отечески родном.
И до меня там так же было,
В текстильном «царстве» и льняном.

Дома раскинуты по взгорку —
У фабрики приличный вид.
Раздвинув облако, как шторку,
На землю солнышко глядит.

Глядит на зреющие вишни,
На дом Фатьяновых, на цвет,
Где пчелы жадно взяток ищут,
Как гаммы слов искал поэт...

В том городе, где Клязьме тесно
Весною в ложе берегов,
И у меня рождались песни
С благословления богов...

В ТОРЖОКСКОЙ ГОСТИНИЦЕ

Везет же кочующим людям
Лететь над асфальтом дорог!
И мне непредвиденным чудом
Открылся однажды Торжок.

Его терема полукругом
Гляделись радушно в рассвет.
Фасады их солнцу и вьюгам
Подставлены тысячу лет.

И даже не верилось как-то,
Что Пушкин туда заезжал.
Усталый от пыльного тракта,
Входил он в гостиничный зал.

Шагаешь словно в сказочном саду,
Доволен, полон счастья и удачи.
И верит сердце, склонное к труду,
Что все должно быть так, а не иначе!

* * *

Любите, женщины, мужей —
Не как домашних сторожей,
Которым все вы заплатили.
Любите, женщины, мужей,
Как вы до свадьбы
Их любили!

Любите нежно и тепло,
Поверьте, что вам повезло,
Что вы нашли
Свою частицу,
И никакое в жизни зло
В ваш светлый мир
Не постучится!..

Любите, женщины,
Мужей!

Николай Боев

ГОЛОС ДУШИ

Сколько бы путей-дорог не пройдено,
Даже если жизнь начать с нуля,
Все забыть,
Но остается родина —
Отчий дом,
Вскормившая земля.
От юдоли этой не схоронишься,
Неизменно на исходе дня
Предстает родной мой край воронежский
И село,
Забывшее меня.
Вроде бы всегда творил хорошее
На чужой далекой стороне,
Но года,
Как угольное крошево,
Прогорали медленно во мне.
Плавил май цветением дни морозные,
В летний полдень
Солнце люто жгло,
Ночь студила лоб,
И тропы звездные
Уводили вновь меня в село.
Начинаю сделанное — заново,
Ощущаю пустоту вокруг.
Но восходит надо мною зарево,
Тихий край
И весь в ромашках луг.
И, терзаясь мыслями жестокими,
Слышу я,
Как шепчет мой двойник:
— Ведь река питается истоками
И умрет немедленно без них.
Я смотрю,
Как прыгают воробушки
По асфальту на исходе дня.

Предстает опять мой край воронежский
И село,
Забывшее меня.

ТРЕВОГА

Просторные луга под Епифанью
Разрезал Дон подковой голубой,
Их время здесь пока не распахало
Своею беспощадностью крутой.
В предчувствии тревоги стонет кряква
И плачет выпь в предчувствии беды,
Когда все ближе подъезжает трактор
Посевы расширяя у воды.
Один стою на краешке рассвета,
Накрыл туман уставшие луга,
Где разбрелись, упрятавшие лето
До вьюжных дней, душистые стога.
А Дон уходит здесь, у переправы,
Под сень ракии прибрежного бугра,
Что заменили древние дубравы,
Упавшие под лязгом топора.
Отсюда и до Куликова поля
Не видно и ни роц, и ни дубрав.
Уж такова природы нашей доля,
Где сын ее властительный неправ.
Вот почему в тревоге стонет кряква
И плачет выпь в предчувствии беды,
Когда все ближе и все ближе трактор
Посевы расширяет у воды.

* * *

Смотрю опять в твое лицо, Россия,—
За далью даль — просторы не объять!
Чтоб все создать, сберечь места святые,
Каких сынов ты призвана рожать!

Века за нами, песни и свобода,—
Ничто с тобою не сравнится, Русь!
Перед величием русского народа
Я, русский, молча плачу и молюсь...

РУССКИЙ ВОПРОС

Мерено-пахано поле —
Вечное бытие.
Наша славянская доля —
Плуг да копье.

Вновь инородная воля
В доме твоём.
Наша славянская доля —
Думать задним умом.

Есть в необузданной силе
Вечная доброта,
Есть у святой России
Роковая черта.

В тайну вошел непросто
Русский вопрос —
Пролиты на погостах
Реки горячих слез.

ГОРОДОК

Полигон разогнали,
Опустел городок —
От вороньего грая
По спине — холодок.
Радость вражеских армий —
Смертный стон рубежей,
У ближайшей казармы
Копошенье бомжей.
Было время — гордиться
Мы Россией могли,
Звезды нашей столицы
Были светом земли.
Уважали народы,
Трепетали враги...
Заросли огороды
И не видно ни зги.
Шифер, сброшенный с крыши,
Перебит у крыльца,
Окон жуткие ниши,
Как глаза мертвеца.
Неужели, Россия,
Ты бредешь в никуда,
Коль в глазницы пустые
Ночью смотрит звезда?..

* * *

Листва с деревьев облетела,
Пожухла в заводях куга,
Лесной реки живое тело
Сдавили мрачно берега.
Она ворочает глубины,
Но охраняет царство дна,
Где в тайниках гончарной глины

Жизнь по-особому видна.
Торпедою мелькнула шука,
Прорезав хоровод шурят
И нет щуренка, нет и звука —
Глубины тайну сохранят.
Вот рак схватил клешней плотицу —
Беспечна молодость везде:
В полете ловит сокол птицу,
А грач — личинку в борозде.
От птицы полетели перья,
Кружась, поплыли по воде.
Взирают древние деревья
Уже свершившейся беде.
А в глубине воды не видно
Ее трагедий и потерь.
Но мир един, все в мире слитно —
Ночь. Звезды. Стонет коростель...

СЕРЕДИНА ФЕВРАЛЯ

Нынче небо голубое-голубое
Украшает середину февраля.
Я блуждаю и не знаю, что со мною,
Кто завел меня в открытые поля?
Осмотрелся на просторе откровенном:
Эко небо ниспадает до земли —
Голубое растворяется на белом
И туманом расплывается вдали.
Тишина. Покой. Такое не приснится.
«Деревенька...
Детство...
Дом на берегу...»
Из тумана ярко вспыхнула лисица
И хвостом смахнула память на снегу.
Ах ты, рыжая! Мышкует так усердно,
Что меня заметить сразу не смогла, —
В снежной стыни нелегко плутовке бедной.
Вот увидела и — вспыхнула стрела!
В сказках мир ее жестоко засудачил,
Что не стало жизни бедному зверьку.
Не хочу в ее владениях маячить,
Ухожу, следами выпишу строку.
Что-то в сердце застучали перебои,
Закружились плавно белые поля.
И всего-то только небо голубое
Украшает середину февраля.

* * *

Ударит гром, и соловей прольется
Прозрачной трелью — звоном родника,

Новорожденный маме улыбнется,
И у поэта явится строка.

Мир держится на радости и боли,
Одним светилом вечности согрет.
Летит Земля, весною дышит поле
И новый зарождается рассвет...

НАКАНУНЕ ПОБЕДЫ

Еще гремела канонада
Вселенской битвы на Руси,
А баба Фекла: «Надо, надо
Зажечь свечу, Господь, спаси...»

Быть может, светлый лик Иисуса
Вредил врагу — сбивал прицел,—
Отец погиб, а брат вернулся,
Вернулся Жора — жив и цел.

Затеплю я свечу несмело
В урочный час на склоне дня.
Ну вот, уже и потеплело,
Прости, Господь, прости меня...

ЧУДАК

Был он добрым до наивности,—
Злу — противник, другу — добру,
Жил по воле Божьей милости
На юру и на ветру.
И спешил всегда на горести —
Где утешить, где помочь,
Но лишала его бодрости
Надвигавшаяся ночь.
Мысли тяжело ворочая,
Размышлял в рассветной мгле:
«Все же Божеским пророчествам
Неуютно на земле...»
Одинокий, обездоленный,
Жил он тихо и светло.
Бессемейного бездомника
Согревало все село.
Божьей милостью помеченный,
Он почил на Рождество.
Три доски, надежно скрещенных,
Над могилою его...

ОТЕЦ СЕРГИЙ

Все Сергей понимал и даже
Знал, если победит Мамай,
Как дикий зверь под зоркой стражей,
Он будет уведен в Сарай.
Но он сказал: «Благословляю!» —
И лучших воинов отдал.
Блеснула вдруг слеза скупая,
Он часто-часто заморгал.
Потом смотрел вослед печально.
Сгорала в августе трава.
Так в славу Дмитрия сначала
Вошли и Сергия слова.
Как нынче много шума-гама —
Многоголос двадцатый век!
Но слышен мне служитель храма —
Великий русский человек.

* * *

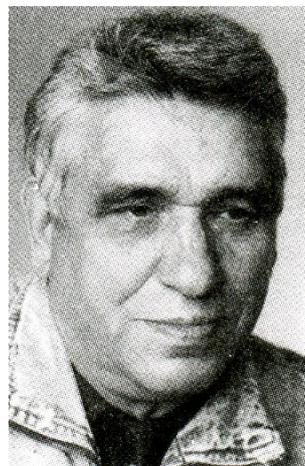
С годами явственнее вижу
Сиянье дня,
Простор полей.
С годами явственнее слышу,
Как плачет в роще соловей.
Душа моя!
Раскройся шире,
Впусти и бережно согрей
Всех, кто продрог в подлунном мире,
В дороге праведной своей.

* * *

М. Крышко

Заглянул я вечности в глаза,—
Бушевали буря и гроза,
Вспыхивали пламенно рассветы,
Но переплавлялись вмиг в закаты
И темно — пылинка за пылинкой
Носятся, сгорая в темноте,—
Вот и друг мой серой пепелинкой
Промелькнул на видимой черте.
Заглянул я вечности в глаза,—
Бушевали буря и гроза....

Николай Дружков

* * *

Сердце забилось
в тоске безмятежной,
Ветер гудит в проводах.
Поле безбрежное —
тихое, снежное,
В небе мерцает звезда.
Месяц двурогий скрылся
за тучею,
Кони устали, и путь замело.
В дымке простуженной,
сумрачной, вьюжной
Спит за угором село.
Вот и колодезь
под липой печальной,
Дом заколочен,
замок на двери.
Родина милая —
свет изначальный
В сердце тревожном горит.
Вот и калитка,
крыльцо и завалинка.
Память заныла —
невмочь.
Я в старых валенках,
Хилый и маленький,
Маме стараюсь помочь.
Время военное —
боль неутешная,
Время уснуть не дает.
Детство потешное,
Детство безгрешное,
Детство лихое мое.

* * *

Селом крестьянина хоронят,
Взята лошадка напрокат,
А вместо музыки вороны
Кричат над полем невпопад.

Пуста избушка в три окошка,
В сырую землю врос порог.
Лежит покойник на рогожке,
Под головой соломы клок.

Упал последний луч заката, —
И день слетел с кудрявых крон.
В холодный пласт вошла лопата,
И выпит горький самогон.

...И кто-то тихо бросил слово:
«Судьба проста у мужика —
Глухой погост, да крест сосновый,
И луг, и поле по бокам».

КОРОСТЕЛИ

Я лежу на траве,
Как на мягкой постели,
Только мне не уснуть —
Думать думу свою.
Как тревожно кричат
Из кустов коростели,
Эти чуткие птицы
Память будят мою.

Здесь родился на свет,
Молвил первое слово,
Научился ходить
И читать, и писать.
— Этот луг, этот лес,
Этот воздух медовый,
Все, сынок мой, твое, —
Говорила мне мать.

Но по воле чужой
Край родной я оставил,
Искал счастье свое
У чужого огня.
Где ты, юность моя,
Что с деревнею стало?
Опустевшие окна,
Простите меня!

Белый-белый туман
Утро раннее стелет.
Как огромный подсолнух,
Солнце в небе встает.
Все кричат и кричат
Из кустов коростели —
Это детство мое
Мне уснуть не дает.

МОЛОГА

Манит, манит дорога
В детство,
В прошлое,
Вспять...
Ах ты речка Молога,
Ты мне снишься опять.

Разольешься весной —
Не видать и земли,
Только небо седое
Над тобою вдали.

А порой сенокосной,
Когда солнце печет,
Лоси утречком росным
Перейдут тебя вброд.

Утки в зарослях нежатся,
Гуси низко кружат,
Возле города Бежецка
Щуки спят в камышах.

Кулики — птицы вещие
Хвалят место свое,
А на мостиках женщины
Полошут белье.

Белоснежные простыни
Пахнут солнцем, рекой.
Спать — одно удовольствие
На постели такой.

ВОРКУТА

Я не забуду никогда
Твою погоду, Воркута:
Туман, дожди, ветра и тишь,
Дома завьюжены до крыш.
Полгода — ночь, полгода — день,
И облаков густая тень,
И терриконы возле шахт,
И у ребят усталый шаг,
И на снегу угля плевки,
И вой отчаянный пурги,
И нет ни тропок, ни дорог,
И далеко родной порог.
Я не забуду никогда
Твои бараки, Воркута,
Железных коек жесткий быт

И на столе замерзший спирт.
В три смены труд, без выходных,
И писем нету от родных.
А уголь нужен был стране...
И свет горел в твоём окне,
Дышала печь среди зимы,
И уходили в стужу мы.
Я не забуду никогда
Твои морозы, Воркута.

* * *

Выезжал когда из шахты,
Из клетки сходил на луг:
Как духмяно травы пахли,
И цветы цвели вокруг!

Колокольчики, ромашки,
Клевер, мята — все подряд,
Даже желтенькая кашка
Пришаманивала взгляд.

Даже жгучая крапива,
Подорожник и лопух —
Все прекрасно, все красиво,
Все захватывало дух.

Под землей красы негусто,
Путь к пластам угля тернист.
Потому острее чувства
У людей, познавших риск.

ПЛАСТЫ

Пласты, пласты... угля пласты.
Вы миллионы лет лежите.
Всю тайну древней красоты
Я вижу в вашем монолите.

Я вижу: дивные леса
Стоят стеной под небом серым.
Я слышу, слышу голоса
Зверей и птиц далекой эры.

Цветут лохматые цветы,
И солнце плавится в зените.
Пласты, пласты...
угля пласты,
Вы теплоту эпох храните.

РАССВЕТ

Разбилась тьма.
Широким фронтом
Шагал вдали весенний
День.
И не спеша, над горизонтом
Всходило солнце,
Пряча тень.

А ветерок
Звенел над городом,
Что это в шахте,
До утра,
Добыли солнышко шахтеры
И вот, мол, дали на-гора.

* * *

Такая ночь сулит удачу,
Такая ночь хранит покой.
Луна, как будто одуванчик,
Летит безоблачно-легко.

В такую ночь обидеть тяжело,
В такую ночь сердца не лгут.
На небе звезды, как ромашки,
Рассыпанные на лугу.

В такую ночь теплеют взгляды,
В такую ночь — верней союз.
Мы выпьем ландышей прохладу
За братство и за верность муз.

ВРЕМЯ

Ты согрей мне ладони,
Дай мне сил про запас.
Будь ко мне благосклонен
Каждый день, каждый час.

Дай мне трудную тему,
Верный путь укажи,
Защити меня,
Время,

От напасти и лжи.
Дай мечту и волненье,
Чтоб страдалось, любя,
Чтобы я с вдохновеньем
Славил, время, тебя.

Виктор Пахомов

БЕРЕЗА В ПОЛЕ

Вновь, береза, стоишь раздета.
Белых мух закружились рои.
Золотые денечки лета
Отлетели, как листья твои.

Впереди надвигаются стужи,
Что скуют, заморозят ручей.
Ничего нет печальней и хуже
Одиночества зимних ночей.

Кто же тот бессердечный повеса,
Кто, души твоей тронув струну,
Заманил тебя в поле из леса
И оставил, и бросил одну?

* * *

Еще осенний лес не жалок.
Еще он густ, и рыж, и ал.
Еще идет под стоны галок
Осенний церемониал.

Еще рассветы ясны, чисты,
Еще сады черны от слив,
И пруд в мозаике из листьев
На удивление красив.

Еще бегут себе дороги,
Пыля в просторах полевых...
Но ощущение тревоги
Не покидает ни на миг.

Ведь с каждой осенью мы тоже
Все старше кажемся себе.
И ум предательски итожит
Все невезения в судьбе.

Ошибки, промахи, просчеты,
Обиды, что нанес другим,
Когда, не ведая заботы,
Был безоглядно молодым,

Когда изменчивая мода
Безумно радовала глаз,
Когда осенняя погода
Не занимала, как сейчас.

* * *

Лишь повернет в родимый дол
Разбитый наш большак,
Лишь золотишки дальних сел
Пронизуют стылый мрак,
Прихлынут, все развороша,
Воспоминанья вдруг,
И отогреется душа
Увиденным вокруг...
Неважно, что поймает взгляд
Всего-то огоньки,
Невыразимо будешь рад,
Что живы земляки,
Что все горит в их избах свет,
Волнуя и маня,
Как и назад немало лет,
Прошедших до меня.
Как негасим он будет впредь
И в ливни, и в пургу...
Но что он может не гореть,
Представить не могу.

МОЕ СЕЛО

Лежит, как будто окопалось,
В снегу село.
Не раз, не два над ним сшибалось
Добро и зло.
Я встречи лучшей не желаю,
Сойдёт и так...
За мною неотступно с лаем
Эскорт собак.
Понять ли этим нелюдимым
Брехучим псам,
Как тянет нас неодолимо
К родным местам?
Не самолюбью на потребу,
А всей душой
Мечтал увидеть детства небо
Над головой,

Всех одногодков полысевших,
Сестер и мать
И этих псов, не захотевших
Меня признать.
Какими бурями, казалось,
Мир ни трясло,
Стоит большой России малость —
Мое село.
И как там, далеко ли, близко,
Ни мельтеши —
Здесь постоянная прописка
Моей души.

СПУТНИЦА

Плачущую женщину в дороге
Я догнал под вечер за селом.
— Что случилось? — я спросил в тревоге.
— Проходи! — ответила со злом.

Чтобы не травить чужую душу,
Я ее оставил позади.
Но она мне крикнула: — Послушай!
Я одна боюсь, не уходи.

Шел я рядом, был я нем, как рыба.
Но почти у станции самой
Мне она промолвила:— Спасибо!
Если бы таким был Ваня мой...

И с годами звонче, а не глуше
Слышится, живет в моей груди
То необъяснимое:— Послушай!
Я одна боюсь, не уходи.

Болью незажившего ушиба
Летом ли, весною ли, зимой
Обжигает сердце мне: — Спасибо!
Если бы таким был Ваня мой...

ТЫЧОК

Все полем, и полем, и полем
Не час, не другой, а полдня
По собственной воле-неволе
Иду, никого не виня.
Не раз только вспомню потом я,
Жалея ботинки свои,
Дороги чугунные комья,

Кривые ее колеи.
Но вот наконец над оврагом
С прудком, что всего с пятачок,
С правлением, клубом, сельмагом
Встает деревушка Тычок —
Живой, обитаемый остров,
Открытый студеным ветрам.
Его колоколенки остов,
Как перст указующий, прям.
Колодезный ворот, ведерко,
Мосток, опрокинутый чан.
Оконца, смотрящие зорко
На гостя, который не зван,
Кто дал ей такое название,
Как по носу легкий щелчок?
Как будто кому в назиданье —
Достойно и кратко: Тычок!
— Тычок, — повторяю. — Тычинка! —
А ветер приносит в ответ:
Кровинка, слезинка, зернинка,
Без коей и колоса нет.

НА СЕЛЬСКОМ КЛАДБИЩЕ

На сельском кладбище особый,
Ненарушаемый покой,
Хотя лежат здесь не особы —
Покойник не ахти какой:

Мужичья кость, простые люди,
Чьим потом залиты поля,
На ком держалась да и будет
Держаться русская земля.

Потомственные хлеборобы,
Народ воистину земной...
Над ними в январях — сугробы,
В июлях — клеверный прибой,

Да неба чистого громада,
Повсюду хлебные моря...
А что еще по смерти надо,
Что надо, честно говоря?

БЕЛЫЙ СВЕТ

Меж туч, струясь, течет рассвет
Светлее дыма,
Чтоб распахнулся белый свет
Необозримо.

Чтоб я, от мира от сего,
Живой покуда,
Ждал малых милостей его —
Добра и худа.

Чтобы мог я так, как надо, жить.
Был занят делом.
Пусть белый свет не может быть
Всегда лишь белым.

Круговорот людской страды
Разнообразен.
Он часто черен от беды,
От крови красен.

Но восхищенье, а не бред —
Вздых оробелый:
Ах, белый свет, ах, белый свет,
Какой ты белый!

* * *

Последняя печаль осеннего распада
В природе и во мне. Мы не разделены.
А умные слова и поздняя бравада —
Всего лишь дань тому, в чем больше не вольны.

Унылая пора!.. Мы вторим за поэтом.
Заемные слова заемных вечных чувств!
Мы тщимся рассказать по-новому об этом.
Но жалок наш порыв, хотя и многоуст.

Осенняя печаль, неясная тревога.
Безликие поля и зябкий небосклон.
Ветрами и дождем прибитая дорога,
И медленный полет взъерошенных ворон.

Все мучает, томит, гнетет неодолимо.
И кажется: весь мир из болей и отрав,
И даже К-700, прогромыхавший мимо,
Тебя не пощадил, грязищею обдав.

Как немочь, как болезнь, безвременье, бесснежность.
Ни вечер и ни день, ни солнца, ни звезды.
Но рвется из души непрошенная нежность
При виде колоска у черной борозды.

В ЗАБРОШЕННОМ КРАЮ ЛЕСНОГО ЗАХОЛУСТЬЯ

В заброшенном краю лесного захолустья —
Всего лишь три семьи на бывшее село —

Живет немой старик со взглядом тихой грусти,
Лучащейся из глаз открыто и светло.

Благословенный край: рыбалка и охота,
И ягод, и грибов, а в омутах — сомы!
А вот его, увы, гнетет одна забота,
Он полон ею весь с весны и до зимы.

Свихнувшийся старик впал в блажь, бывает хуже,
С больного что за спрос, все ведают про то.
Он делает кирпич, что никому не нужен,
Поскольку здесь давно не строится никто.

Весь в глине и песке, в выдавшей виды робе,
Щербатый щерит рот, приветственно мыча,
Ах, как доволен он, как рад моей особе,
А я-то здесь совсем не ради кирпича.

Он хвалит свой товар, такой азарт в немтыре,
Хотя его кирпич не годен в дело сплошь!
Но кто по существу безумен в этом мире,
По правде говоря, совсем не разберешь...

МАМА

Я вернулся в родимый предел.
Как же долго везли меня кони,
Если даже Господь поседел
В паутинном углу на иконе!
Притащился сюда, как на суд,
Ведь не я среди тлена и дыма,
А Господь до последних минут
С бедной мамой был рядом незримо.
Ну, а я, ее бросивший пес,
Блудный сын, не нашедший покоя,
Не скрываю прихлынувших слез,
Надрываюсь от горького воя.
Кто-то мне отвечает из тьмы,
Из беззвездного стылого мрака,
То ли вестники близкой зимы,
То ли вестница горя — собака.
Отче мой, обращаюсь к тебе:
Сам собой я наказан жестоко.
Передай твоей верной рабе,
Как мне здесь без нее одиноко!

В РОДНЫХ МЕСТАХ

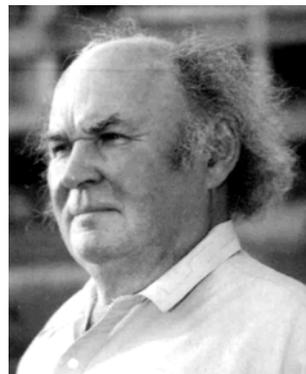
Как давно я в краях этих не был,
Всем желаньям своим вопреки!
Не хватало мне отчего неба,
Не хватало мне отчей реки!

Этих далей, дорог, и тропинок,
И стрижей, что несутся стремглав
По-над кронами ив и осинок
В хороводе некошенных трав!

Отвалили с души моей камень,
Разобрались с моей мастью
Иван-чая малиновый пламень,
Зверобоя огонь золотой.

Полной грудью мне дышится снова.
Я доволен и счастлив вполне.
Дорогое заветное слово
Наливается, зреет во мне!

Валерий Ходулин

МИЛОЕ ДЕЛО

Дело хорошее — рамы вязать
Для чьей-нибудь маленькой горенки.
Милое дело — рубанком стесать
С брусьев сучки и задоринки,
Быстро очистить верстак от щепы
И с незабытой сноровкою
Милое дело — нарезать шипы
Острой зубастой ножовкою.

Стружка с фуганка, под ноги летя,
Белым ласкается пуделем.
Как хорошо — отобрать четвертя
Дедовым старым зензубелем.
Белая тучка, сиреневый лес
В синем стекле отражаются.
Милое дело — хрустит стеклорез,
С жадностью в стекла вгрызается.

Дело хорошее — рамы вязать,
Нужное дело, привычное.
Милое дело — хозяйке сказать,
Молвить словцо необычное.
Первое дело — любви пожелать,
Сильного мужа и нежного,
Дело второе — добра пожелать,
Света и воздуха свежего,
Чтоб и зимою навстречу весне
Были распахнуты форточки,
Чтоб постоянно светились в окне
Деток счастливые мордочки.

УЧЕНИЦА

Была у меня ученица,
Проворная, словно синица.

Такая была егоза,
Такие большие глаза...
Была у меня ученица.
В нее я не мог не влюбиться,
Но было мне не до любви:
Я сдерживал чувства свои.
Стремился к тому, чтоб нимало
Учеба ее не страдала.
Хотелось, чтоб эта юла
Отлично работать могла.
Открыл ей все тайны металла.
Она на лету все хватала,
Красива, резва, весела,
Способной и умной была.
Но я, как-никак, был наставник,
Не смел говорить с ней на равных,
Не смел оценить красоты,
Не смел обратиться на ты.

Себе я скомандовал:
— Баста!
Пускай ученица глазаста,
Но я этих глаз посильней,
Я буду посдержанней с ней..

Вот кончится время ученья,
Придет и пора увлеченья,
Тогда-то уж я поспешу,
На танцы ее приглашу...

И вот мы работаем рядом,
Но все ж не обменимся взглядом.
Она молоточком стучит,
На пальце — колечко блестит,
Подвластны ей тайны металла —
Хорошей работницей стала,
Как прежде, красива, стройна,
Но только — чужая жена.

Под вечер заходит за нею
Технолог — Семен Евстигнеев,
Тепло попрощавшись со мной,
Под ручку ведет к проходной.

Должно быть, толкуя о счастье,
Спешат Евстигнеевы в ясли,
Спешат туда вот уже год,
Там тоже...
Синица их ждет.

Была у меня ученица...

КОЛЛЕКЦИОННОЕ ВИНО

Какая ни была б в России смута,
Какие ветры не подули б, но
Сам Николай Романов почему-то
Не пил коллекционное вино.

Какая б жажда ни обуревала,
Какой бы гость ни постучал в окно,
Он никогда из крымского подвала
Не брал коллекционное вино.

Когда царили голод и разруха,
Гуляли тиф с холерой заодно,
У Ильича не доставало духа
Продать коллекционное вино.

Был Сталин до вина охоч и пылок,
И в этом деле крепко преуспел,
Но даже он заветных тех бутылок
И мыслями коснуться не посмел.

Мы шли вперед то хорошо, то плохо
По гребням исторических дорог.
На что уж был Никита выпивоха,
Но свято ту коллекцию берег.

И даже тот, кто золоту проданся,
Кому стать пятизвездным суждено,
Не докумекался,
Не догадался
Продать коллекционное вино.

Теперь вот ни диктатора, ни хунты,
И многое теперь разрешено,
И с молотка за доллары и фунты
Пошло коллекционное вино.

Мы связь времен бездумно разорвали,
О прошлом позабыли,
О своем:
Как лес, как нефть, как уголь продавали,
Теперь мы нашу гордость продаем.

И вот порой, когда не сплю ночами,
Представлю вдруг,
А на душе темно,
Как, ухмыляясь, тянет англичанин
Мое коллекционное вино.

И до рассвета мне тогда не спится,
И над столом склоняюсь я один,
И кажется, что щиплет мне ресницы,
Плывущий из далекой заграницы
Густой настой российских наших вин.

МАССОВКА

Перегон и опять остановка...
Под вагонных колес перестук
Позабывтое слово «массовка»
Мне сегодня припомнилось вдруг.

Выделялось оно в объявление
Самой броской и крупной строкой.
И желающим всем в воскресенье
Обещало свиданье с Окой.

Я любил это доброе время,
Старый бор у притихшей Оки,
Где когда-то с друзьями,
Со всеми
Проводил выходные деньки.

Всей бригадой,
Всей сменой,
Всем цехом
Собирались мы у проходной,
И с рабочими в кузове ехал
Сам директор завода с женой.

Перелески летели, мелькая,
Шли столбы от села до села...
Ты была молодая такая,
Ты со мною в то время была...

Опьянялись мы воздухом чистым.
Пели птицы.
Плескалась вода.
До рождения слова «транзистор»
Далеко еще было тогда.

Под гармошку плясали и пели.
Как мы были друг другу близки!
И на общую скатерть летели
Из плетеных корзин «тормозки»...

Время быстро меняет привычки,
И в отличие от прошлых годов
Уезжает народ в электричке
В тишину коллективных садов.

Вот и сам я в раздумье глубоком
Из вагона гляжу сквозь стекло,
Позабыв, что с воскресным потоком
На участок меня понесло.

Не до песни уж там,
Не до пляски.
И мириться приходится с тем:
У людей на садовом участке
Очень много житейских проблем.

Почему ж не дает мне покоя
Отблеск дней на приокском лугу?
Понимаю, что время другое,
А понять до конца не могу.

ВСЕХСВЯТСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

Бесценную жемчужину посеяв,
Рожденную от тяжелого труда,
Прекрасный русский зодчий Федосеев
Себя оставил Туле навсегда.

Она взшла —
Восьмое чудо света,
За двадцать верст видна издалека.
Рванулась ввысь Всехсвятская ракета,
И в сторону качнулись облака.

Она пленяет мир своим несходством,
Иглой пронзая небеса насквозь,
Над современным типовым уродством,
Над всем, над всем,
Что после родилось.

Она парит над ханжеством,
Над ложью,
И утверждает правоту свою,
И я, ничтожный, у ее подножья,
Как бы у края пропасти стою.

И отступить от края нету силы,
И губы шепчут горестно: прости,
И ангел — златокудрий, белокрылый
С нее слетает,
Чтоб меня спасти.

РАЗМЫШЛЕНИЕ У РАЗВАЛИН

Вот в этой церкви меня крестили,
А после церковь на слом пустили.
Мой юный крестный, не веря в Бога,
Обрядов древних держался строго,
И первым делом, придя к застолью,
Снимал он шапку пред хлебом-солью.
Вел образ жизни простой и трезвый:
В любви — открытый,
В работе — резвый.
Лишь раз позволил себе напиться,
Когда за церковь не смог вступиться.
А как — вступиться, когда — пикеты,
Когда — петлицы и пистолеты?
Так убивалась в народе вера,
Так начиналась иная эра,
Эпоха страха, пора безверья.
Был крестный личность.
А кто теперь я?
В земле далекой лежит мой крестный,
Попал в разведке под перекрестный,
А те, что церковь на слом отдали,
В тылу глубоко не пострадали.
Нам все внушают —
Виновен Сталин.
Но как нам жить-то среди развалин?

ТРАВЫ

Лядвенец. Мятлик. Гулявник...
Я безоглядно влюблен
В музыку ласковых, плавных
Налитых солнцем имен.

Таволга. Лютик. Люцерна.
Ландыш. Шалфей. Молочай...
Я заплутал бы, наверно,
В летнем лугу невзначай.

В травах жужжанье и пенье.
Медленный, долгий мотив...
Даже невзрачный репейник
В пору цветенья красив.

* * *

Брожу один в лесу в грибную пору я
И вспоминаю вешних соловьев.
Сторонкой обхожу грибы, которые
Наполнены отравой до краев.

Ушли в чащобу звери осторожные.
Сквозь ветки блещет неба бирюза.
И на пути встают опенки ложные,
Обманчивые, как твои глаза.

* * *

Не знаю, ничего не знаю,
И сам не верю в эту быль:
Друзья намылились в Израиль...
В Израиль или в Израиль?

Глава семейства дядя Лазарь,
Старинный житель здешних мест,
Зовет меня под вечер вмазать,
То бишь отметить их отъезд.

Легла разлука между нами...
Сквозь слезы смех,
Сквозь слезы стон,
Мы пьем по-русски,
Стаканами,
Его отменный самогон.

И вижу я:
Из уголочка
С меня не сводит черных глаз
Татьяна —
Лазарева дочка —
Богиня, прима, высший класс.

Куда несет тебя из дома?
И где дороге той конец?
Какого дикого погрома
Вдруг убоился твой отец?

Ему сомненье душу гложет.
Об этом и ведет он речь.
Неужто Русь моя не может
Тебя, Татьяна, уберечь?

Я у твоей возникну двери,
И сгинут все твои враги.
А если ты в меня не веришь, —
Беги, любимая, беги.

А нам в России оставаться:
Ковать, косить, пахать и жать.
А нам с Россией возрождаться,
Поскольку некуда бежать.

* * *

Свет моих глаз,
Удивительный свет,
Тот, что зовется женой,
В жизни моей до скончания лет
Будет сиять предо мной.
Свет моих глаз не подвластен векам.
Сколько б ни выпало жить,
Будет скользить по губам,
По щекам —
По сердцу будет скользить.
Свет моих глаз,
Он заполнил собой
Мир наподобье зари.
В поле тропинка
И в море прибой
Светятся все изнутри.
Свет моих глаз,
Пусть дорога темна,
Вижу тебя все равно.
Если в потемках стоишь у окна —
Светится наше окно.
Свет моих глаз,
Помоги осветить
Лучиком тонким до дна,
Все, что сумело в себе воплотить
Нежное слово — жена.

Михаил Шпилевой

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

I

Старинный тихий городок
Вчера был бомбами разрушен.
В развалинах чадил дымок,
И стон людской терзал нам души.

Не вызволить и не поднять
Тех, что внизу, под кирпичами.
Детишки, матери лежат
В крови, с открытыми глазами.

Не можем никому помочь —
Кругом фашистская охрана.
Мы под прицелом день и ночь,
Еще живые, как ни странно.

Бомбежкой вздыблены пути,
Разбитые стоят вагоны.
Здесь трудно пешему пройти,
Но ждут проезда эшелоны.

Нам приказали путь настлать,
Достать из глубины фугасы,
Зарядов хитрость разгадать.
Они замедленно-опасны.

По бледным лицам пот течет.
Вгрызаемся в развалов ниши.
Но взял Господь нас на учет —
И до сих пор живем и дышим.

Все пережив, все сохранив,
Я память спрашиваю строго:

Неужто это про меня,
Не про кого-то там другого?

II

В детстве далеком
Военная буря
Людей по Европе,
Как щепки, несла.
В товарных вагонах —
Замки и решетки,
С живыми впритирку
Умерших тела.

Фашисты не слышат
Затворников стоны,
Посмертные просьбы: «Воды!»
По рельсам Европы
Гремят эшелоны.
И многим, кто в них,
Не остаться в живых.

Погибнут по шахтам
Эльзаса и Рура
И в топках Освенцима
Сгинут, сгорят.
Завалят их камни
В карьерах Джерсея,
Взорвутся
На минных полях.

И будут замучены
В тюрьмах гестапо,
И сброшены в море
С паромов и скал.
Миллионами трупов
Усеев Европу
Жестокой войны ураган...

Он ныне в Ираке,
В святой Палестине
Безумствует после Балкан.
Теперь уж другие
Живут поколенья
В Европе, в России
И в мире большом.
Военное зло
Не лишилось силы,
Еще оно может
Ворваться в наш дом!

ОКНО В ЕВРОПУ

Петр Первый — русский император
В Европу «прорубил» окно.
Отечество берег он свято,
В «окно» ничто не утекло.
Берег он медь, пеньку и золото,
Леса, металл ценить умел.
Бревна не продал он «по блату»
И даже думать так не смел!
Он видел Русь единой, сильной
И не давал ее топтать,
Бывало, кровь лилась обильно,
Но за себя могли стоять!
Своих воров «учил» дубиной,
Чтобы в казну не лезла тать,
В сраженьях видел вражьи спины —
Войска умели побеждать!
В портах на Балтике, в Азове
Стоял крылатый русский флот,
Гардемарины ждали славы,
А плыть — куда укажет Петр!
Послам — держать речь без бумаги,
«Чтоб оных дурь была видна»,
Не в меру кто алкает брагу —
Медаль на шею фунта в два.
Европа с трепетом глядела,
Как, вздыбившись, шагает Русь,
В парламентах она галдела,
Но русских не могла согнуть!
«Окно» Отечеству служило
Без малого три сотни лет.
Невзгоды, войны, бури были,
Но мир в «окне» лишь видел свет.
Теперь случилась перестройка —
И ни «окна», ни стенки нет!..
В Европу можно хоть на тройке
Проехать, не оставив след.
Богатство русское поплыло,
Доходы банков, фирм растут,
А мы глядим любовно, мило:
Пусть государство продают!
Наверно, зря царь-Петр старался.
От грабежа Русь не сберег,
Его труд «рыночным» достался —
То видят люди, видит Бог!

ЖИВЫЕ, ТРЕПЕТНЫЕ НИТИ

...А в Ясной Поляне поют соловьи,
Черемухи запах вокруг...
В оврагах журчат неустанно ручьи
И тропки ведут на Калиновый луг.

В окрестном лесу, на зеленых холмах,
Как шрамы, окопы далекой войны,
На стройных березах и древних дубах
Осколочных ран набухают следы...

Здесь тоже был грозный, опасный редут
Подобно тому, где сражался Толстой...
Все верили: в Тулу враги не пройдут —
И память останется вечно живой!

Как мало свидетелей грозной войны —
Тех, кто не забыл многоцветный салют!
Над Родиной ветер победной весны,
И вновь соловьи над Воронкой поют!..

АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА

Михаил Шепелев

ПРОТЕСТ

Мирская молва — морская волна. Не успел еще день войти в свой трудовой ритм, еще не все успели пересечь порог заводской проходной и облачиться в рабочие спецовки, а по цеху, в котором работал Копытин, уже ползла, извиваясь меж станками, просачиваясь в щели плохо прикрытых дверей, многохвостая, шипящая в уши новость: Женька Копытин попал в вытрезвитель!

«Копытин? Не может быть! Он трезвенник».

«Женька Копытин? Бре-хня!...»

«Точно!»

«Смотрите, что делается! Копытин — дружинник, член цехкома...»

«Член товарищеского суда!»

«Да, и член товарищеского суда!»

«Помните, как он прошлый раз на собрании самому директору врубил?»

«Других критиковать мы мастера! А сами...»

«Ну, насчет Женьки это — зря».

«Чего — зря. Факт! Ни за что, ни про что не заберут...»

И уже присочиняли, детализировали: будто всю публику из ресторана разогнал, официантка с перепугу поднос с закусками и бутылками на пол грохнула.

Но появился Копытин, загудели станки, заскрежетали напильники по металлу — и шушуканья смолкли. Спросить сразу никто не решался, потому что Копытин появился в цехе не как обычно — с добродушной, приветливой улыбкой для всех, а подобно черной туче на небосклоне среди белых пушистых облаков.

Работал в этот день Копытин, как всегда: деловито, напористо, оперативно. Только, может быть, сосредоточен был более прежнего: за весь день ни с кем ни слова. На перекур не ходил. Сосед по рабочему месту позвал, было, но Копытин отказался: «Бросил», — сказал.

Копытин заметил изредка бросаемые в его сторону мимолетные то испытующие, то озабоченные взгляды товарищей и понял: уже знают.

Сам он происшедшему с ним в пятницу особого значения не придавал, как, ви-

димо, многим казалось. Они не знали всего случившегося, а только финал, и потому не могли с достоверностью судить о том, что творилось сейчас у него на душе.

Не было сильного переживания, не было сожаления, досады, укоров самому себе. Ничего этого не было, потому что событие выеденного яйца не стоило. А был — протест. Протест, рожденный происшествием. Нет, даже не рожденный происшествием, а разбуженный, что ли, вспыхнувший, вроде проснувшегося вулкана, доселе напоминавшего о своем существовании лишь тем, что он был, курился, подобно забытой в пепельнице незатушенной сигарете, и временами где-то в глубине еле слышно гудел.

Перед окончанием работы в цехе появилась курьер, отыскала Копытина, передала вполголоса: после работы зайти к председателю завкома. Копытин молча, кивком головы дал понять, что приглашение принято.

Предвидя, что по окончании работы ему придется отвечать на вопросы друзей и просто любопытных, и не имея к этому никакого желания, по крайней мере — сегодня, он минут на пять раньше обычного прекратил работу, привел рабочее место в порядок, затем себя и почти незамеченным покинул цех, держа путь в кабинет завкома.

Председатель заводского комитета профсоюза Пресняков хорошо знал Копытина, и тому не было надобности представляться. Зычным басовитым голосом Копытин достаточно громко и как будто недовольно отрубил по частям:

— Здравствуйте. Прибыл.

Пресняков выпрямился на стуле, сказал официально, но не сердито:

— Здравствуй, Евгений Степанович. Проходи, садись,— кивнул на стул, стоявший по другую сторону стола.

Копытин сел боком к Преснякову, облокотившись на край стола.

— Кури,— протянул пачку «Беломора» Копытину и закурил сам.

Первым словом обращения, как заведено, был истертый до дыр частым употреблением дежурный вопрос: «Как жизнь?» И на него — такой же заученный ответ: «Нормально». Последовало еще два-три отвлеченных вопроса, выполнявших роль вступления к целевому разговору. Пресняков не имел официального сообщения о том, что Копытин был в вырезителе, поэтому подъезжал к главному вопросу беседы окольным путем, с осторожностью. Как бы к слову, боясь обидеть, если слух окажется ложным, спросил:

— Чего-то болтают, будто ты в вырезитель угодил? Правда, что ли? — в тоне, каким произнес эти слова Пресняков, не было претензии или даже повышенного интереса, словно это спрашивал не председатель завкома, а товарищ за кружкой пива. Все-таки не верилось, чтобы с Копытиным могло случиться такое.

— Правда,— холодно, без видимого раскаяния отвечал Копытин.

— И как же это тебя угораздило?..

А угораздило Копытина так. В пятницу, возвратясь с работы, а точнее — с дежурства в составе ДНД, Копытин разделся, помыл руки и, как заправский хозяин, расселся за обеденным столом, покрытым клеенкой,— с разными видами натюрмортов, блаженно вытянул отупевшие ноги и стал ждать ужина. Жена с дочкой, понятное дело, давно покушали. Ребенку необходим строгий режим. Поэтому ужинать предстояло в одиночку.

Пока жена подогревала ужин, Копытин рассказал про маленький смешной случай на дежурстве. Но жене случай, по-видимому, не показался смешным, потому что она никак не реагировала на рассказ и продолжала стоять спиной к мужу. А на вопрос, какие отметки принесла Леночка из школы, буркнула невнятно, так что Копытин еле разобрал. «Не в духе, что ли...» — подумал о жене. Но вслух ничего не сказал. Она наполнила миску постным супом и с подчеркнутой небрежностью поставила

ее на стол. Рядом положила полбулки ненарезанного хлеба. Дескать, сколько надо, столько и режь сам.

То ли оттого, что разгневанный долгим ожиданием желудок отказался теперь подавать соки, то ли в самом деле суп был невкусный, только хлебнув две-три ложки, Копытин этак миролюбиво, на веселой волне сказал:

— Что-то ты, женушка, стала кормить меня ерундово.

Женушке в рот пальца не клади — огонь баба!

— А на какие шиши тебя не ерундово-то кормить? Работаешь плохо! — выпалила через плечо, со злом.

С ошарашенного Копытина игривость как ветром сдуло. Он мог с удивительным хладнокровием и терпеливостью выслушивать длинные ругательства, разносы, попреки супруги, а, дождавшись, пока иссякнет словесный водопад, с улыбкой возражать, соглашаться, успокаивать. Но тут укол был нанесен в самое чувствительное место — задета честь. Укол глубокий, болезненный и, главное, — незаслуженный.

— Я плохо работаю?! — Копытин сделал сильное ударение на первом слове. — Кто тебе сказал?

— Нинка Федоткина сказала! Сколько за прошлый месяц принес?

— Двести с копейками.

— А Федоткин — триста! Ему и мясо положено.

Ну, Копытин взбеленился. Это он-то плохо работает! Да если бы все так работали, как он, уже коммунизм наполовину построили бы! С силой швырнул ложку на стол, она подскочила, слетела со стола и со звоном запрыгала по полу. Не успело из открытого рта жены вылететь ни единого слова возмущения дерзким поступком мужа, как Копытин резко поднялся, едва не опрокинув стол. Шапку — в охапку и был таков.

Столовые в этот поздний час уже на запоре, поэтому Копытин направил свои стопы напрямик в ближайший ресторан «Дружба». «Нашли подходящее место для дружбы...» — недовольно фыркнул.

Хотя вид у Копытина был решительный и настроение такое, что все нипочем, все-таки, видимо, с непривычки, прежде, чем войти в зал, он остановился, осмотрелся по сторонам. Увидел себя в зеркале, машинально пригладил ладонью вихры и только после этого переступил порог «богоугодного заведения», как он его называл. Войдя, стал озираться, ища глазами свободное место. Публика была вся для него чужая, непривычная, чем-то не похожая на него, скорее всего — одеждой, держала себя беззаботно, развязно и вроде бы не обращала на него никакого внимания, а у него было такое ощущение, будто эти люди, заметив его, удивленно и презрительно шушукуются: каким-де это образом белая ворона в наши дебри залетела?.. Он медленно двигался, обходя столики, облепленные жужжащими людьми, как кусочки сахара мухами, и искал. И — не находил то, что искал. И никто из служителей ресторана не указал ему свободного места, как это положено. Горели яркие огни, ловко сновали меж столиками упитанные официантки с постными лицами, громко хрипела радиоло.

Совершенно неожиданно услышал чей-то знакомый голос:

— О, и активистов в ресторан потянуло!

Копытин повернул голову в ту сторону, откуда, как ему показалось, исходил этот голос, и увидел: он принадлежал тому самому Федоткину из соседнего подъезда, перед которым Копытин не далее, как полчаса назад, собственной супругой был низведен до третьеразрядного работника.

Уже изрядно поднабравшись, разруганный, улыбаясь нагловатыми, масляными глазками, он чинно восседал за столом, обильно уставленным бутылками и закусками, в окружении двух дружков. Четвертый стул был свободен.

Копытину не хотелось оказаться в компании Федоткина. Особенно сейчас. Ка-

кие-то секунды он раздумывал, как поступить? Присоединиться, значит, еще больше растравить душу; пройти мимо, а вдруг так и останешься без места. Да и выказывать явное неуважение каких-либо оснований не было. Мало ли кто кому просто так вот не нравится.

Федоткин громогласно «подсказал», как поступить:

— Присоединяйся! Или — пачкаться, может, не желаешь?! Копытин подошел и сел на свободный стул. «Чтобы не орал больше... Авось не в гости...» И стал глазами искать официантку, поворачивая влево-вправо голову.

Федоткин налил в свободную рюмку Копытину, зятем в остальные три. Поднял свою и протянул руку с рюмкой в сторону Копытина, как бы приглашая к солидарности.

— С приятной встречей! — язык заплетался, а взгляд мутных глаз не выражал ничего приятного. Лицо — в полупрезрительной ухмылке.

— Не хочу,— холодно ответил Копытин. И к рюмке не притронулся. В другое время он, может быть, не повел бы себя столь категорично. Но сейчас иначе не мог. Он молил Бога, чтобы скорее подошла официантка. Но, как правило, такие молитвы до Бога не доходят. Ресторан — есть ресторан.

— Брезгуешь? — недовольно сказал Федоткин и сощурил сделавшиеся злыми глаза. Дружки во избежание конфликта попытались осадить его, дескать, хрен с ним, не хочет — не надо. Но Федоткина заело. Его не уважают!

Протянутая рука с полной рюмкой, не дождавшись, встречного жеста дружбы, манипуляцией пальцев перевернула рюмку вверх дном, и все содержимое ее вылилось сначала на стол, со стола — на брюки Копытина... Не мог же Федоткин убрать руку несолоно хлебавши. Это было бы похоже на пощечину без ответа.

И без того взвинченный Копытин вскочил со стула, взял чью-то тарелку с остатками салата и, словно штукатур мастерком, ловко налепил салат на физиономию Федоткина. Прodelал он это так же, без единого слова, как и Федоткин.

Может быть, Копытин и успел бы удалиться восвояси, не заметь случившегося и не подыми в связи с этим визг представительница слабого пола за соседним столиком.

Мгновенно откуда-то, подобно джинну из бутылки, перед столиком вырос блюститель порядка и...

...Возвратился Копытин домой аж на следующий, день. Помятый, небритый, злой. Злой был не только на жену, а и на свое заводское начальство...

С таким настроением он и предстал пред очами Преснякова.

— Так, выходит, выпивши был? — спросил Пресняков.

— Где же, не успел! Пожрать даже не успел. Там ведь не разберутся. Испытательный срок на терпение должен пройти. Как при приеме на ответственную работу. Не вытерпел — катись к чертовой матери, клиентов навалом.

— Но почему же забрали-то, коль не пил?

Копытин пожал плечами:

— По запаху, наверное.

— А запах откуда мог взяться?

Копытин зло хмыкнул:

— От штанов...

— А, ну да... А... Федоткина тоже забрали?

— Куда же его в таком виде? Он — потерпевший.

— Ну и что, извещение пришлют на завод?

— Откуда я знаю... Да и не в этом дело.

Если председатель цехкома весь был обращен к собеседнику — и телом, и вниманием, то Копытин как сел боком к нему, так и оставался все время в таком поло-

жении. И говорил, не поворачивая головы, выказывая тем самым явное нерасположение к задушевному, откровенному разговору.

Он сунул в пепельницу раздавленную в раздражении недокурную папиросу, без спросу вытянул из пачки Преснякова вторую. Прикурил, глубоко, со свистом затянулся, выпустил целое облако густого дыма и, делая над собою усилие, выплеснул из уст в уши Преснякова жесткую тираду:

— Жена у меня, конечно, жмотииа. У нее на первом месте всегда деньги. Это — да. Я не знаю, сколько Федоткин получил, а она уже в курсе. А, с другой стороны... Я вот пока в вырезителе ни за что, ни про что голые доски топчана боками шлифовал, много думал. Возьмем того же Федоткина и меня. Я дал сто семь процентов, он — сто тридцать три. И вот он на доске передовиков производства! А по чьей милости рекламации на завод пачками сыплются? По его и ему подобных. Карикатура! Федоткин производит брак — в счет выполнения плана, Копытин — не обязательно я — устраняет его возвращенный брак в нерабочее время — за сверхурочные. В план не идет. Завод выбрасывает дополнительные деньги. И Федоткин у вас, — Копытин театрально вскинул вверх правую руку, — в почете! Может, это не доходит до сознания дирекции? Может, до вас не доходит? А если не доходит, зачем здесь сидите? — Копытина понесло. — И вот Федоткин триста получил, а Копытин — двести тридцать. К празднику Федоткину премия тридцать рэ, а Копытину — благодарность. Мне достаточно и благодарности. Но за что ему? Объясните это моей жене. Мне не надо объяснять. Дайте ему премию. Но если по его вине холодильник на завод возвратили — брак устраните за его счет! И штраф — двадцать процентов стоимости холодильника, который взыскал с завода покупатель, тоже с него взыщите. И с тех из ОТК, кто пропустил брак. Кстати, в ресторане с Федоткиным сидел один из ОТК. Не иначе — премию за брак обмывали. Вот тогда и посмотрим, кто из нас больше пользы дал заводу и дому. Скорее бы уж госприемку вводили.

Можно было подумать, что Копытин завидует Федоткину — и тому, что он на доске передовиков, и получает больше, и жена мясом кормит. Но это не так. Он был прохладен ко всяким почестям и отличиям. И доселе никогда, ни на каком «уровне» не поднимал этого вопроса. Предзавкома слушал терпеливо и тут же анализировал услышанное. Когда Копытин умолк, он почувствовал себя обязанным что-то отвечать на упреки, сейчас же. От него ждут этого. А что ответить? Как на экране воскресло в памяти совещание у директора.

Начальник цеха:

— От моего цеха на доску передовиков производства — Федоткина.

Пресняков:

— Не ошибаетесь, Иван Иванович?

— Самый высокий процент перевыполнения дает. И — стабильно.

— Процент — да. Но... Моральная сторона... участие в общественной жизни...

— С меня за план спрашивают... а не за общественную работу.— и многозначительно покосился в сторону директора, явно ища поддержки.— А может... Копытина?

— Хорош. Но... я за Федоткина,— глаза в стол и рот на замок.

Директор (нетвердо):

— Прогулов у Федоткина нет?

— Нет.

Пресняков:

— А случай выпивки на работе...

— День рождения был... Пива выпили. С кем не бывает...

Общее минутное молчание.

Директор (нетвердо):

— Начальнику цеха, конечно, виднее. На нем план... Остановимся на Федоткине. Авансом... Это — тоже воспитание.

Что ответить Копытину?..

— Ты напрасно полагаешь, что Федоткин у нас в большом почете,— сказал миролюбиво, успокаивающе. — Вот тебя готовим и со всей душой примем в партию. А Федоткина, пожелай он, не приняли бы.

— Он и... сам не пойдет в партию. Ему удобнее без партии.

— В этом ты, может, и прав.

— А в чем не прав? — опять окрылся Копытин. — Может, не прав был, когда начальника цеха критиковал за грязь и сквозняки в цехе?

— Прав.

— А что же не дали окорот ему, когда он обвинил меня в подрыве принципа единоначалия? Это ж — зажим критики! — после короткой паузы вдруг бухнул: — Куда мы идем!

Пресняков насторожился.

— Ты... о чем?

— О том, что за счет качества гоним количество. И поощряем это. Смотрите, Федоткин стал для Копытина образцом для подражания! «Работайте по методу Федоткина, и вы будете на доске передовиков!» Сколько изделий возвращалось на завод! Правда, половину из них удавалось сплавить другим, которые потемнее, что ли...

Предзавкома еще долго оставался в кабинете один. Сдвинув в раздумье широкие, густые брови и придавив грудью стол, он вонзил неподвижный взгляд в пепельницу, полную пепла и окурков, и все тыкал, тыкал в нее давно потухшей папиросой...

Валерий Маслов

СПЕШУ ПОДЕЛИТЬСЯ

Письмо первое

Здравствуй, друг!

Как же, Венька, ты был прав! Попал я в такую дыру — хуже не придумаешь. Уже в первый день узнал, что обо мне думают местные жители. Захожу в контору, а за фанерной перегородкой девушки всю чешут язык о моей персоне.

Новый агроном-то, говорят, холостой.

Да нам с тобой не подойдет: ростом невысок. И несовременный: волосы ежиком, какой-то тихий, застенчивый...

Здесь я не выдержал и заглянул в дверь:

— А вы, часом, не из первых красавиц в деревне будете?

Думал смутятся, но лишь рассмеялись. Так и познакомились. Кстати, одна из них — ее Катей зовут — дочь агронома, которого я сменил в совхозе. Вот одна из несправедливостей жизни: Мирон Николаевич — опытный практик, работает чуть ли не два десятка лет, а я, вчерашний студент, его место занял.

Хорошо хоть, посеяли без меня. Не знаю, как бы стал вариться в этой каше. Знаешь, Ванька, нутом чувствую, что бригадиры не доверяют. Только в Мироне Николаевиче не сомневаюсь: отличный мужик, всегда поддержит. Даже неудобно от такой заботы, его место занял, а он будто доволен. Надо сходить к директору, попросить, чтоб ему оклад повысили. Я не альтруист, но, поверь, если не выйдет — предложу за счет моей зарплаты.

А вообще здесь, Веня, дел — непочатый край. Полистал книгу истории полей и пришел к выводу, что надо засучить рукава и браться за работу.

Письмо второе

Еще не получил ответа, но спешу поделиться радостью. Помнишь, писал о той бойкой девушке? Да, которую зовут Катя. Два дня тому назад она пришла на поле делать хронометраж, а у меня как раз конфликт с механизаторами: у Митькиного агрегата шланг прохудился, и струя аммиачки как брызнет! А потом и другие шланги сочтись стали. Митька — розовощекий, загорелый крепыш — выпрыгнул из кабины и говорит:

— Все, баста. Больше я этой гадостью травиться не буду.

Мне бы разобраться, а я с места в карьер:

— Приказываю заменить шланги и продолжать работу.

Ну, и наприказывался: все зашумели, а Митька сказал, что приказы ему в армии надоели. Правильно говорят, что посадили совхозу на шею соплика. Тут уж я вскипел:

— Ах, ты еще и обзываешь! Снимаю тебя.

— Вот и спасибо,— раскланялся Митька.— А на тракторе, может, сам поедешь?

Ну что тут делать! Да еще Катя стоит, уйти не догадается. Бросился я к трактору, сорвал мокрый шланг. Чувствую, пальцы жжет — рукавицы не надел. Но мысль одна: поскорее все сделать, вскочить в кабину и работать до седьмого пота.

Вдруг на плече чувствую тяжелую руку. Поднял голову — Елисей, старый тракторист. Кряжистое, продубленное лицо смотрит строго:

— Что же ты, сынок, делаешь? С этой вещью шутить нельзя. Лучше бы узнал, почему шланги сплошь худые попали, — так он приговаривал, а сам ловко крепил трубопроводы. Даже в плотных резиновых рукавицах его пальцы работали быстрее. Я обратил, наконец, внимание на покрасневшие, обожженные руки и пошел к небольшому пруду, что был рядом. Но навстречу уже бежал Митька с флягой воды. Так мы и помирились. А возвращались домой вдвоем с Катей.

Письмо третье

Привет с Елисейских полей!

Удивлен, Веня, как это я попал в Париж? Ничего подобного: я все в том же совхозе, а черкаю эти каракули прямо на поле, которое с давних лет зовут Елисеевским, по имени того тракториста.

Ты говоришь, кто-то вредит мне и подстроил ту историю со шлангами. Зря так думаешь. Я поручил Мирону Николаевичу разобраться. Оказывается, их перепутали на складе. Рядом лежало две кучи, одну собирались сдать в утиль, другие недавно прислали. Теперь порядок наведен. Правда, мне за нарушение техники безопасности директор объявил выговор, но это вполне справедливо. Никак не могу понять, кто та мифическая Пандора, которая вытаскивает для меня из своего деревенского сундука одну неприятность за другой. Только что проводил проверяющих, которые приезжали смотреть, как я «сжигаю народное добро». Но Митя, которому доверил опрыскивание картофеля новым препаратом, не подвел, точно норму химиката выдержал. Как видишь, я все экспериментирую. Директор сказал: делай, что считаешь нужным, но если урожаем меньше обычного получишь — штаны спущу. Так что, готовь мне запасные.

Расскажу, как провожу досуг. Захожу как-то в клуб, у бильярда сгрудилась толпа ребят, спорят о чем-то. А говорит с ними, оказывается, Елисей.

— Да ну сказки рассказывать,— зевнул так, что покраснели глаза и выступили слезы, Митька.— Не было в клубе веселья и не будет.

— Виктор Сергеевич,— обратился Елисей ко мне,— хоть вы бы взяли нашу молодежь расшевелить.

И знаешь, захотелось попробовать, вспомнить студенческие годы. Собрались вместе — Катя, Митька, я — и решили организовать вечер отдыха. «Бочку счастья», лотерею, игры всевозможные напридумывали. Деньги потребовались, да и Катин отец помог. Она дома о наших затеях рассказала, а он идею подбросил: написать пару нарядов — и все хлопоты. Ох, и весело было! Теперь на очереди соревнования по волейболу. Пиши чаще. Пока. Виктор.

Письмо четвертое

Веня, друг, я пропал!

Еще вчера солнце светило ласково и радостно, а сегодня кажется, что все засло-

нили свинцовые тучи обмана и лжи. Вот уж, действительно, человек вспоминает о своем счастье, лишь когда его теряет.

Ты, конечно, ничего из этого сумбурного вступления не понял. Постараюсь взять себя в руки и рассказать по порядку. Так вот, прихожу к Кате, дома отец. Поговорили на английский манер о погоде, потом Мирон Николаевич приглашает в другую комнату. Думаю, что за секреты!

— Виктор Сергеевич, подписать бумаги надо, — и так ласково, спокойно смотрит.

Взял их, смотрю — а там фиктивные накладные, приписки в объемах, так что ему и мне премии выходят. А бригадир мне авторучку угодливо подсовывает. И так вдруг гадко и противно стало, будто в руках не эти фальшивки оказались, а скользкая и мерзкая жаба. Были бы в моем доме — вместе с этой гадостью бригадира за дверь выбросил.

— Не кипятитесь, Виктор Сергеевич. Опыт в таких делах уже имеете. Нарядики клубные никак забыли? Прокурору разницы нет, все одно воровство государственных средств.

Повернулся — в дверях Катя стоит. Побледнела, комкает в руках края кофточки.

— Пойдем, Катя, отсюда.

— Нет, девка с тобой не пойдет. Ей с проходимцами делать нечего.

Вот и кончилось мое счастье. Шел из дома, а в ушах все стоял пронзительный крик: «Проходимец! О Катьке и думать забудь!»

Письмо пятое

Венька! Как же я противен самому себе!

Сегодня часов в восемь вечера прибегают Митька. Таким возбужденным его еще не видел.

Попался нам этот хапуга! Только ты уехал, как он у Варламова из бункера комбайна пять мешков зерна насыпал и на тачанке домой повез.

Постой! Кто увез?

— Как кто?! Конечно, он, Мирон, бригадир наш. Хватит, натерпелись всяких доносов да воровства!

Не шли, а бежали мы с Митькой наперегонки. Открыли калитку, а он как раз у тележки нагнулся, мешок с зерном на спину наваливает. Увидел нас, да так и присел. Но опомнился моментально.

— Вот, зернишка курам прихватил. Подмогните малость, а то дома, окромя Катьки, никого.

— Сейчас подмогнем,— коршуном налетел на бригадира Митька.— Оставь, гад, ворованное! — Помолчал бы, шенок. С тобой и считаться никто не станет. В контору заеду да выпишу. Виктор Сергеевич, не откажете ветерану совхоза в сотне килограммов корма?

— Зерно будет распределяться по вложенному труду. А этот хлеб — ворованный.

Я подошел к мешку, хотел повалить его на тележку, но бригадир внезапно закричал:

— Не дам! Катя, доченька, отца бьют!

С резного крылечка, распугивая истошно закудахтавших кур, бежала Катя. Она кинулась к отцу, обняла его и заплакала. Весь гнев и пыл мигом покинул меня. Шел к выходу, а Митька следом спросил:

— Так и оставим безнаказанным?

Я не выдержал и всю обиду и злость вылил на него. Теперь сижу один и на душе такая тоска! Прощай.

Письмо шестое, последнее

Здравствуй, Веня!

Давно не отвечал, так как решил написать, когда буду того достоин. Понял, что только тогда становишься настоящим человеком, когда не стыдно смотреть в глаза людям. Первое, что сделал,— заставил бригадира написать объяснительную и сдать ворованное зерно. Спокойно, без лишних эмоций. Послушался, как миленький. Почувствовал, что сказал это не прежний доверчивый и мягкий Витя, а другой, за одну ночь повзрослевший человек. Объяснений с Митькой больше не было. Но по улыбке и крепкому рукопожатию понял, что мы опять друзья.

А самая главная новость — вот какая. Вчера вечером лежу на диване, листаю от скуки детектив. Вдруг кто-то постучал в окно. Вышел и глазам не верю: стоит Катя, покраснелась от смущения.

— Ушла из дома, не могу больше в такой обстановке жить. Ты меня не прогонишь? Прогоню ли я ее, Венька?!

Иван Беляев

БЕСПРИЗОРНИК

Редкий, молодой, сосняк. Лет шестнадцать назад это было плодородное поле: у рытвин виден жирный чернозем. Но, увы, издержки нашего времени не дали возможности крестьянам возделывать здесь сельхозкультуры. Но грибов, при своевременных дождях, хоть коси. И в этот грибной год я своевременно приехал сюда: маслята молоденькие, пока без червей, так и прут из-под травы вокруг сосенок. Кто ездил, ходил по грибы, тот знает, что такое войти в азарт при грибной охоте. И чаще всего, когда уже тебе пора уходить, грибы чуть ли не сами лезут в лукошко. И ты увлекаешься, и забываешь посмотреть на часы, чтобы оторваться, и вовремя прийти к остановке. Так в этот день было и со мной: когда я пересилил этот дурман, до поезда оставалось сорок минут. За это время сюда порожняком не доходим — пришлось, скрепя сердце опорожнить ведро на видном месте, у начала дороги к остановке. И с одним лишь загруженным рюкзаком, с мелкими перебежками, весь в мыле, я все-таки успел к поезду, когда он остановился за остановке. Он ходит здесь один раз в сутки. А то, что я не ел с раннего утра, — вспомнил только в вагоне.

* * *

Из рюкзака устроил стол и выложил на него свои припасы. И здесь я почувствовал на себе пронзительный взгляд. Оглянувшись, увидел мальчишку, выглядывавшего на меня из-за спинки соседней скамьи. На вид ему не больше десяти лет. Взгляд голодного, уставшего, обозленного и вместе с тем застенчивого ребенка подсказал мне, что его необходимо накормить. И, к нашему с ним счастью, жена собирает мне тормозок из расчета на завтрак и обед. Я, не раздумывая, пригласил парнишку к себе:

— Парень, иди-ка сюда!

А он, глянув на меня недоуменным взглядом, не тронулся с места, только оглянулся назад, предполагая, что я обращаюсь к кому-то другому.

— Тебя, тебя, паренек, зову! — я повторил приглашение.

Мальчишка, пожав плечами, встал, подошел и спросил:

— Что надо?!

Меня ошарашил такой грубый вопрос, но я спросил:

— Как тебя зовут?

— Иваном, — с пренебрежением отстал мальчик.

— Да ты ж мой тезка. Сядь, поешь со мной, Ваня!

Мое приглашение еще больше смутило паренька — он смотрел на меня пытли-

вым взглядом, на его глазах показались слезы... И, чего я не ожидал — вдруг, заикаясь, отказался:

— Не на-д-до, н-не хо-чу!

Я, удивленный, взял его за плечо и посадил рядом с собой.

— Не обманывай, Ваня! Я вижу: ты голодный. А у меня еды за глаза нам с тобой хватит. Садись! Садись!

И как он ел... с какой жадностью... Я убедился, что он голодный — все вопросы отложил до тех пор, пока он не насытится. А когда из термоса налил ему кружку чаю — спросил:

— Далеко тебе еще ехать, Ваня?

— Не знаю. Мне добраться бы до Тулы,— ответил он.— А как далеко — я не могу себе представить.

— Это не очень далеко: часа четыре езды. Но пересадка в Узловой, а там, по моему, в вечернее время поездов на Тулу и нет — только если ехать «Газелью»,— сказал я.

— А какая стоимость проезда? — спросил он.— У меня денег мало.

— «Газелью» — пятьдесят рублей,— ответил я.— Пей чай! А то остынет.

У Вани вид грустный. Он прихлебнул из кружки чай и с раздражением сказал:

— Опять ночевка на вокзале или где-нибудь у забора и, возможно, объясняться с ментами...

— А кто у тебя в Туле? — спросил я.

— Тетя и отчим,— ответил Ваня и уточнил: — Тетя спилась — алкашка, а отчим женился на другой тетке, после смерти мамы.

— Да!.. Печальная у тебя история,— заключил я и спросил: — А к кому ты поедешь?

— Поеду к тете: все-таки родной человек,— ответил Ваня.

— А откуда ты едешь? — опросил я.

— Из детдома, а с какого — не скажу!

— Тебя отпустили или ты сбежал?!

— Сбежал. Невмоготу стало: кормят плохо, воспитатели бранятся и чуть что лупят — насилу перешел в четвертый класс.

— Это почему ж так? — спросил я,

— Сидишь за уроками, а все думаешь об обеде...

Я додумал: «Дожили: не могут в детдомах детей накормить досыта...» Посмотрев на меня, задумавшегося, Ваня спросил:

— А вы с кем живете?

— Вдвоем с женой,— ответил я.

— Взяли бы меня к себе! — со слезами на глазах выпалил Ваня.

— Мы ведь уже пожилые — нам не разрешат тебя усыновить,— ответил я.— А дети у меня есть и внуки тоже,

— Но теперь вы живете одни — я был бы вам постоянным помощником до конца своих дней,— всхлипнув, сказал Ваня.

— Ты, Ваня, прекрасный ребенок — найдутся еще хорошие помоложе люди и усыновят тебя,— успокаивая парнишку, сказал я.

Хотел на ночь взять его к себе домой — он, как ножом обрезал, отказался. Мы простились, оба сожалея, что, наверно, не увидимся в этой тяжелой и единственной жизни.

Где он теперь? — Не знаю. Дай, Бог, ему счастья и покоя!..

Людмила Гайдукова

РЫБКА

— Отправляется автобус до Москвы,— торопливо объявил женский голос откуда-то сверху.

Я подхватила с лавочки свой рюкзак и, ступив на подножку красного «Икаруса», забыла обо всем на свете. Собственно, забывать я начала уже с того момента, когда две недели назад безразличная рука в синем манжете работницы железной дороги протянула из окошка кассы билет до Питера.

Уезжала я назло себе, своим мыслям и внезапной острой депрессии, потому что казалось в последнее время, что всюду передо мной захлопывается нечто очень важное. Нужное, необходимое — ускользает, остальное — злобно скалится своей безысходностью. Этот порочный круг замыкался везде, на всем,— главным образом, на моих мыслях и в моем сердце.

Автобус наконец дернулся и, переминаясь с колеса на колесо, аккуратно пошагал к Москве. За окном мелькнули и пропали в прощальном взмахе последние дома родного города. Город свой я любила и знала, что буду возвращаться сюда снова и снова, всегда — после бешеных скитаний и смятенных поисков. Здесь течет Ока. И я так же спокойно могу течь, вальяжно раскинувшись среди сосновых берегов. Здесь мысли принимают форму и сползают с кончика ручки тоненькой струйкой чернил. Тут пролегает их русло, потому и я всегда возвращаюсь домой.

Если бы я ничего не писала, не было бы, наверно, этой мыслительной канители. Но живет в душе потребность впитать все талые воды мировых ощущений, а потом враз выплеснуть их разливом стихов, не задумываясь, будет ли кто-нибудь их читать... Но сейчас все чувства были напрочь забиты вечным насморком завода, где я работала, и кучей собственных комплексов, не позволявших мне оттуда уйти. Так что цель моей настоящей поездки я с кислой улыбкой определяла для себя как «капли в нос, когда уже дышать невозможно».

Рюкзак мирно спал на соседнем кресле. Я смотрела в окно. Ничего не было внутри, только дремота и блаженство. Так смертельно уставший человек доползает наконец до кровати. А я доползла до дороги. Дальняя дорога в одиночестве — это целое явление в моей жизни. Это панацея от всех болезней: духовных и физических,— ведь в пути мобилизуются скрытые резервы организма. Ты начинаешь ценить настоящий момент особенно остро, когда остаешься с ним один на один. Этот момент сверкает своими оттенками в тебе, вокруг тебя, во всех случайных людях и ситуациях. И ты думаешь с восхищением: «А жизнь-то по-прежнему прекрасна!» Даже ритмичное покачивание автобуса наполняется особым смыслом. Словно предвосхищение чуда, словно короткий отдых перед ярким выплеском новых эмоций!

Тающие тучки стекают с той стороны стекол ядовито-ультрамариновой темпелрой. Зелени еще нет. Весна в этом году задержалась. И странно видеть эти яркие пятна собственных ощущений на окнах, в которых с бесподобным однообразием меняются местами деревья и деревни, заборы и забегаловки, пока еще совсем бесцветные. Рюкзак сморил и меня своей настойчивой сонливостью. Шептал что-то в ухо, когда я положила голову ему на плечо. Что-то про Москву.

Не хотелось выбираться из теплого автобуса в сквозную щель перрона автовокзала. Между мягким креслом с тающими стеклами и метро открывалась целая пропасть. Капающие фразы, морозящие люди, жесткий, холодный ветер их движений. Я со своим рюкзаком пристроилась в поток, ведущий к подземным поездом. Поплыла бездумно, став таким же дождем, где все капли одинаковы: с заученным безразличием текут они в разные стороны. Мне — к площади трех вокзалов. Под землей все было насухо выбелено ветром людского движения, а наверху над, асфальтом, повис влажный туман. Скоро вечер.

Стихает гул в душе. Остается только чувство оставленного позади скандала. Теперь меня отделяет от него три часа автобуса, час метро и четыре часа ожидания на вокзале. А впереди только поезд. Больше ничего. Ни прошлого, ни будущего. Лишь своеобразие момента: лица — тюки, тюки — лица. Усмехаясь собственной беспечности, я купила томик Шекспира. Знала, что не в поезде буду читать — позже. Просто Шекспир и дорога, и скорый Питер — все так гармонично, как мелодия. Как колокольчики в оживающей весенней душе.

Нервный высокий голос вдруг попросил пассажиров покинуть все залы ожидания. На перроны! Без паники! Конечно, опять бомбу ищут. Зря в такой холод выгнали на улицу: там, где Шекспир, не может быть бомбы! Мы с рюкзаком лениво поплелись на перрон. Полчаса до поезда. Прислонившись к фонарному столбу, я долго разглядывала встревоженные лица. Вроде бы не замечают люди душистой вечерней прохлады... Вроде бы и весна не для них... Они все про террористов. Движимая исключительно чувством противоречия, я вдруг начала улыбаться им — озабоченным, испуганным, ограничившим свой взгляд двухмерным пространством экрана телевизора. А мне хорошо! Я сейчас все дальше и дальше ухожу от внутреннего раздора, — и чем ближе поезд, тем яснее видится выход из замкнутого круга. Для меня важно только это, хочется, наконец, обрести мир в душе!

Гудок подтолкнул в спину: с перрона на подножку, с подножки по коридору вагона до своего места. За окном уже огни семафоров. Даже тумана не видно. Конечно, плацкарт. Я ненавижу купе. Ты закрыт в нем, заперт, как зверь в клетке, как рыбка в аквариуме. Там не текут люди, не текут мысли, по стенам до твоей подушки сползает вязкая тина собственных переживаний. Холод, одиночество, и такие же бесприютные глаза трех попутчиков... В купе можно сойти с ума за собственные деньги. Это не для меня. Мое — плацкарт, боковая верхняя полка. Любимая. Если рано утром приподнять плотную штору, то в щелочку можно увидеть рассвет. И он совсем не такой, как из открытого окна нижней полки! Он таинственный, подмигивающий только тебе морщинистым серым веком плотной шторы. И он с тобой до самого восхода солнца — держит за руку, молчит и мудро улыбается. А ты лежишь, заморожено припав к щели, и пьешь, пьешь эту тайну, и все не можешь напиться, в который раз пропуская свою очередь к умывальнику...

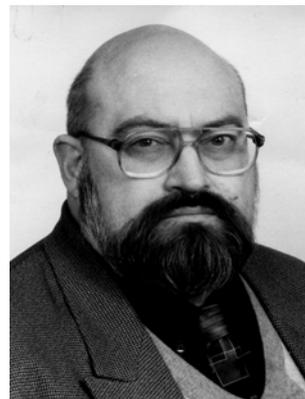
Москва, наконец, осталась позади, словно скандальный пассажир, который вышел на своей остановке. Меня ждет Питер — красавец, интеллигент во фраке и с бабочкой. Удобно устроив рюкзак на верхней боковой полке, я задумалась: все летело куда-то назад и в сторону. За окном уже повисла ночь, и поезд ключьями разрывал перед собой завесу тумана. Колеса стучали, успокаивая измученную мыслями душу. Как трудно делать выбор — главный выбор в жизни, который обязывает тебя следо-

вать своему пути, не оглядываясь на окружающих. Но как радостно сознавать, что где-то в пока еще далеком Питере ждет тебя бродяга-студент, такой же веселый и одинокий. Такой же настоящий, как и ты теперь...

*Ультрамариновой рыбкой
Проплыву через грязную тину.
Ты ладони свои раскроешь
И поймашь свою звезду.
Если художник на Невском захочет
Написать всю эту картину,
Покажи ему путь созвездий
И меня в темно-синем пруду*.*

* В рассказе использовано стихотворение Светланы Карпачевой.

Александр Хадарцев

НЕРАЗГАДАННАЯ ЗАГАДКА

Алик проснулся от лая дворовых псов, старавшихся перегавкать друг друга. Они захлебывались в истошной хрипоте, перетирая толстой кожи ошейники, лязгая едва сдерживающими их цепями. Он выглянул в окно и увидел, что во двор пытается пройти электромонтер (судя по переброшенным через плечо монтажным «когтям» и мотку проводов типа «лапша»), вызванный накануне дедом.

Каждая из собак была величиной с большого телятца. Одна — по кличке Тигр, белой гладкой шерсти, с огромной головой. Спустя много лет ему встретится на страницах газеты фотография пса очень похожей породы, именуемого Сармат. А тогда Алику стукнуло всего пятнадцать, и мысли его были далеки от систематизации собачьих экстерьеров. Другого пса звали Бандитом. Густая и длинная светло-коричневая шерсть, покрывавшая мощное тело, придавала ему характерный вид «кавказца», ставшего популярным в последующие годы среди «новых русских». Дед называл обеих собак «володавами» и особенно не вдавался в их происхождение.

Алик вышел на застекленную веранду, пытаясь впустить в дом электрика, чтобы не злить цепных псов. Но не успел он сделать и шага в направлении двери, как Тигр, мощно надавив на ошейник, порвал его, и килограмм семьдесят мышц с невероятной скоростью выстрелили в сторону «чужака». Лицо электрика будто окунули в молоко. Он успел только схватиться за стоявшую рядом лестницу и прикрыть себя от надвигавшихся на него желтых, громадных, в белой пене клыков. Но звериная мощь, почувствовавшая свободу, только бросила искоса взгляд на монтера, пронеслась мимо и реализовалась в высоченном прыжке через ворота высотой в два метра, отделявшие пса от принятия самостоятельных решений.

Алик уже не раз был свидетелем удивительной силы дворовых сторожевых псов, перетиравших сыромятные ошейники и даже металлические цепи. Но ни разу никто из возбудителей их агрессии не был покусан. Запах свободы был сильнее. Собаки убегали, исчезали на некоторое время, совершали свои собачьи ритуалы и мирно возвращались домой, поджав хвосты. Может, потому, что очень хотелось кушать... Может, потому, что свободу было важнее и интереснее завоевывать, а пользоваться ею — не очень! Или просто потому, что привычка быть сытым, сидя на цепи,— стала самым образом жизни.

Мгновенно вскочив на веранду, электрик шлепнулся на старый венский деревянный стул.

— Что это было? — сведенными в дрожь губами только и смог прошептать он, не веря в чудо избавления от клыков, размеры которых соответствовали истинно тигринным.

Попросив напиться и сглотив сразу половину кружки ледяной воды, монтер поинтересовался, когда он сможет начать работу. Так как дома никого не было (дед и родители уехали в республиканский центр), Алик попросил его прийти дня через два, с чем перепуганный электрик сразу же согласился, мгновенно решив про себя, что больше в этот дом он не сделает и полшага, а пошлет на этот подвиг своего напарника. Уходил он, осторожно ступая на серую пыль дороги, опасливо оглядываясь по сторонам и вздрагивая от шуршания листьев на ветру.

Шел год тысяча девятьсот пятьдесят седьмой. В небе вокруг Земли накручивал витки первый спутник, за полетом которого наблюдали удивленные люди всего мира, высматривая в ночном небе движущуюся звездную точку. Газеты были полны восклицательными знаками. Пацаны начали бредить космическими полетами. Зачитывались до испепеления стихами и рассказами в журнале «Юность». Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина, Рождественский, Аксенов — только начинали свой путь воинствующих «шестидесятников».

Дед Алика обычно сидел за круглым столом на веранде, читая медленно, но вдумчиво, сводки событий. В реальность спутника он не верил, хотя подолгу всматривался в небо, пытаясь понять, как движется по небу маленькая звездочка.

— Что вы мне говорите? Пипикает спутник? Так это в соседней комнате может сидеть радист, и все его будут слышать. Не верю!

В тот день Алик остался дома по хозяйству. Надо было накормить свиней, набрать в курятнике яиц, выгрести навоз из свинарника и коровника. Кроме того, к вечеру должны были пригнать корову и двух овец. Хозяева, жившие на одной улице, пасли свою скотину по очереди на скудных лугах, примыкавших к аэродрому. Из молока делались сыры — твердые, со временем, они лежали в прохладе подвала, а то и на веранде, или в огромном во всю стену шкафу, долго, накапливаясь со временем и расходуясь только на пироги к праздникам. Жена деда, полька или белоруска по происхождению, все выращенное мясо обычно закатывала в трехлитровые банки в виде самодельной тушенки, нагромождая их в огромном подвале на полках. Все это запасалось впрок. Многие банки вздувались, их содержимое переваривалось и тогда подавалось на стол. Алик не понимал смысла таких заготовок, но спрашивать у обретенных внезапно родственников не решался.

Дед был дядей его отца. Родной дед погиб в далеком тысяча девятьсот сорок первом году, когда разъяренные направлением на войну казаки, перепив лишнего, предприняли рейд по стационарному поселку, рубя шашками направо и налево. Дед забрался на крышу длинного сарая со старой берданкой, пытаясь отстреливаться. Но, не отразив ярости скачущих и рубящих, сам был застрелен чубатым есаулом. Отцу тогда было четыре года, и подробнее, чем потом ему рассказывала об этом мать, ничего не мог поведать сыну.

Дядя отца был малограмотным, писал какими-то иероглифами, в которых, кроме него самого, никто не мог разобраться, да и не пытался. Зато считал он быстрее любых калькуляторов, которых в ту пору, конечно, не было. Но на старых, выщербленных временем, счетах мог с пулеметной скоростью стучать костяшками и умело сводить «сальдо с бульдо». Видимо, поэтому он много лет проработал завхозом в маленькой железнодорожной больничке, умудряясь из копеечного бюджета выцарапывать для себя дополнительные к зарплате суммы, списывать жесткий и мягкий инвентарь, размещая утаскиваемое барахло в необъятных закромах своего немаленького дома, прятаясь за железнодорожной насыпью и выращивая свиней на «излишках» пищевых отходов.

Соседские мальчишки почему-то за глаза дразнили его «атаманом Козолупом». Был он небольшого роста, круглоголовый, лысый, с двух-трехдневной щетиной на щеках, ставшей впоследствии распространенной и «модной», но в основе которой

была, кажется, элементарная лень побриться вовремя. Один глаз деда был поврежден. О причинах травмы никто не пытался у него спросить. Бельмо придавало лицу достаточно свирепое выражение, даже когда он улыбался, что, правда, случалось крайне редко.

Историю жизни деда Алик знал по подслушанным рассказам отца, объяснявшего матери, почему он решил переехать в эти места. До этого они жили под Воронежом. Отец вышел на пенсию, незадолго до этого получив квартиру, что по тем временам было событием. Живи себе в середине России да радуйся! Нет! То ли зов крови, то ли постоянные просьбы деда приехать на родину заставили привыкшую к постоянным переездам семью тронуться с места, оставив квартиру и нажитый, правда, скудный скарб.

Но, оказалось, истинной причиной такой родственной заботы деда было элементарное желание избежать экспроприации части земельного участка, примыкавшего к дому. А был он почти в гектар размером. Как раз в ту пору Хрущев решил догнать и перегнать Америку, обложив данью частников, чтобы что-то там повисить «на душу населения». Ограничивалась посадка фруктовых деревьев, разведение скота для личного пользования. Пригласив семью военного пенсионера в количестве пяти человек, дед автоматически освобождался от урезания участка и рассчитывал к тому же на дополнительные льготы. Появлялись также рабочие руки. За скотиной надо было присматривать: пасти, кормить, убирать навоз, готовить корм. Родственные руки пришлись кстати. Да и втайне им, видимо, лелеялась надежда, что герой Отечественной войны в период покорения стран Европы смог занять какое-никакое трофейное наследство. Но для отца Алика было справедливо второе: «никакое!» Действительно, его сослуживцы тащили из побежденных стран мотоциклы, автомашины, фотоаппараты. А он привез из Берлина полотнище красного шелка, используемого для парашютов. Из них мать пошла ему труссы да себе платье на стрекочущем, довоенном, с ручным приводом «Зингере», принадлежавшем ее покойной матери.

К тому же характер у деда был нетерпимым. От одного из многочисленных браков у него был сын, поругавшись с которым и выставив из дома, он вычеркнул его из своей жизни. Сын уехал куда-то в Узбекистан, женился, наплодил детей, носящих дедову фамилию, но им не признаваемых. С таким вот человеком приходилось жить под одной крышей. Алик никак не мог понять, откуда у человека может быть такая необъяснимая и необоснованная жадность. Как-то собиравшие металлолом пионеры через невысокий плетень спросили у Алика, нет ли ненужного ржавого металла где-нибудь на участке. Прямо под ногами из земли торчал кусок старого рельса. Алик с трудом вытащил его из земли и хотел было передать ребятам «для плана», но тут же услышал громовый рык деда:

— А ты его сюда приносишь? Положи рельсу на место!

Алик положил. Этот обрубок сантиметров семидесяти длиной, проржавевший и не нужный никому, наверное, там и лежит до сих пор. Или, имея сад корней на пятьдесят (алыча, тутовник, яблони, груши, сливы, айва), дед мог выйти посидеть в тени и вдруг завопить в полный голос: подняв вверх глаза: «Кто сожрал яблоко?» Алик сказал, что это он, да и яблоко было червивым.

— Это другое дело! — успокоился дед. — А то не даешь созреть!

И это в то время, когда вокруг пропадала тьма тьмущая фруктов, — по осени они собирались, укладывались в ящики, складировались в омшанике, который дед называл «пчельной», и там они вылеживали, пока не начинала загнивать сердцевина. Только тогда дети могли полакомиться яблоками и грушами. Другие фрукты и ягоды переваривались в варенья, которые закатывались в банки, занимавшие уже половину подпола, в котором можно было свободно поместить конюшню на четырех лошадей.

Проводив электрика взглядом, Алик подошел к собачьей будке, чтобы по-

пытаться восстановить целостность сыромятного ошейника к возвращению Тигра. Из-под конуры торчал старый канализационный люк, один край которого был подрыт мощными когтями пса. По словам деда, люк был положен туда для прочности, чтобы собака не подрывала будку. Захлопнувшаяся от ветра стеклянная дверь веранды на мгновение солнечным зайчиком осветила просвет под люком. Там что-то блеснуло. Опустившись на колено, Алик засунул руку в дыру, почувствовал холод металла не определяемых на ощупь предметов и, сжав руку в кулак, вытащил ее наружу. С ладони свисали золотые цепочки, а в горсти оказались золотые часы и кольца с прозрачными сверкающими камнями. Никогда не видевший бриллиантов, но много читавший о них в приключенческих книжках, Алик догадался, что это и есть те самые драгоценности, которые хранятся в разыскиваемых кладах.

— Вот дед обрадуется! А то в стоптанных сапогах и вытертых галифе ходит.

Правда, отец после переезда подарил деду габардиновый отрез на костюм и новейшие хромовые сапоги, полученные им при увольнении из армии. Но тот спрятал подарок в один из сундуков со словами: «Нечего сейчас добро таскать на себе! Пусть полежит до лучших времен!» Видимо для этих самых времен дед хранил на чердаке мешок со старыми «керенками», какими-то банкнотами в рулонах, не разрезанных на купюры, каждая достоинством в один миллион. В другом мешке лежали старинные деньги — ассигнации времен Екатерины, а также банкноты предреволюционной России, запомнившиеся удивительными загогулинами росчерков управляющих банками. Там же были складированы потускневшие рамы от картин, отдельно лежали багеты с витиеватым золотым орнаментом. В комнатах висели подлинники картин известных мастеров прошлого, завешанные старыми юбками, простынями. То, что это были подлинники, дед говорил уверенно, потому что вывозил их из экспроприировавшихся во время революции домов бывших вельмож, а то и из музеев. У деда в те времена была собственная автомашина, он был в фаворе у председателя Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов Зиновьева, за подписью которого получал мандаты для тех или иных деяний. Эти мандаты также хранились дедом в огромном, похожем на церковный орган, шкафу, сделанном из резного дуба, имевшем сотни всяческих ящиков и ящичков, дверок и дверочек. Алик не раз рылся в недрах этого деревянного монстра. И однажды, среди множества бумаг, дореволюционных паспортов, он обнаружил «МАНДАТ, выдан (фамилия, имя, отчество деда) на провоз Председателя Совнаркома В.И. Ульянова (Ленина) от Троицкого моста до Смольного. Подпись — Председатель Петроградского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Зиновьев». С благоговением он держал в руках истрепанный, желтый, напечатанный на плохой бумаге листок, как будто прикасался лично к тем далеким событиям. Но уже тогда появилось неприятие разницы между словами и делами политиков того времени.

Алик аккуратно просунул в дыру руку, разжал кулак, оставив в тайнике клад до приезда старших.

Первым вернулся дед. Кряхтя, нагнулся, снял калоши, позвал внука:

— Иди, сними сапоги!

Алик подошел, ухватился за каблук старого, затертого временем хромового сапога, и потянул на себя и вверх. Сапог стаскивался медленно. Нога была отечной, носок толстой вязки тормозил ее продвижение в местах нештопанных дырок. Взявшись за второй каблук, Алик сказал: «Дед! Я под будкой Тигра нашел клад!» Мощный удар в челюсть опрокинул мальчишку на пол.

Очнувшись, Алик дотронулся до челюсти, почувствовал боль, привстал на локте. Голова кружилась. Обида переполняла все его естество, заставляя быстро сопоставлять факты и не чувствовать остроту боли. «Значит, это не клад! Дед сам прятал драгоценности под собачьей конурой. А я ему совершенно чужой, если из-за каких-то

стекляшек и железяк он с такой силой врезал по челюсти!» Выйти из комнаты не удалось, дверь была закрыта на замок. Выглядывание в окна не добавило информации. Открыть их из-за запоров не представлялось возможным. Алик включил патефон, поставив на него пластинку Апрелевского завода с ариями из оперетты «Перикола». На звуки музыки дед вошел в комнату, погромыхав ключами.

— Ты опять пластинки слушаешь? Нечего их стирать! Пусть лежат. А теперь иди и ищи мое добро! Кладоискатель хренов!

Искать не хотелось. «Может, где в свинарнике зарыл? Или в огороде?» Челюсть болела, голова кружилась, настроение было препоганым. Обида не проходила, поэтому Алик решил отложить поиски драгоценностей до первого удобного момента.

Но этого ему не удалось сделать. Приехавшие родители на следующий день начали собирать немудреные пожитки. Отец снял однокомнатную квартиру в частном секторе в областном центре, договорился о переводе Алика в городскую школу. К вечеру приехал тарахтящий и дымящийся несгоревшим бензином старый грузовик, вещи были водружены на него, и, радостно простившись с дедом, угрюмо смотревшем на сборы нежеланных родственников, Алик забрался в кузов, чтобы придерживать скрипящий от древности шифоньер и связанные спинки железных кроватей. Впереди открывалась новая жизнь без оглядки на дедовское жмотство.

Вскоре пришло сообщение, что дед умер от инсульта, развившегося на фоне долгосрочного диабета. Бабка хоронила его в старых галифе и протертых сапогах, в измусоленном временем защитного цвета френче. Сам Алик на похороны не ездил. Отец и мать не смогли убедить бабушку одеть деда поприличней в последний путь. Вскоре пришло известие, что она продала дом, поселилась у дочери, а все нажитое с дедом добро постепенно было передано церкви. Это было, по крайней мере, искуплением.

Много лет спустя Алик прочитал в местной газете, что рабочие, приглашенные семьей корейцев, поселившихся в бывшем доме деда, при засыпке выгребной ямы старой уборной нашли прикрепленный к полу сверток, в котором обнаружили драгоценности на общую сумму больше миллиона рублей. Видимо, потому что было много свидетелей, или, может, из лучших человеческих качеств, но клад был передан государству, а положенные проценты за находку по тем временам были более чем достаточны для безбедной жизни. Будучи в командировке, проходя как-то мимо дома деда, Алик увидел пробежавших собак, одна из которых была белой, как Тигр, а другая — мохнатой, как Бандит, только размерами они были поменьше, неухоженными, судя по всему — без определенного места жительства. Видимо, прогулки волкодавов на свободу были весьма плодотворными. Жизнь продолжалась, несмотря на измельчание породы.

Сергей Ефанов

ЖМОТ

Казалось, что внутри черепной коробки разорвалась «лимонка». От этой резко возникшей боли он проснулся. Немного полежал с закрытыми глазами, помассировал виски: легче не стало. Тогда Ефим приподнялся. Хотел спустить ноги с дивана и обнаружил, что он не один. Нашупал ночник на стене, зажег:

— Таньчик, ты что ли?! Напугала, контра... А ты чего здесь?..

— Так я это... — мгновенно отреагировала соседка, — пока все разошлись... Потом Александра Петровна помогла мне со стола убрать. Пока подмела, убралась маленько, посуду перемыла... Собралась было уходить, да подумала: как ты тут один... сегодня... А в тети Клавиной комнате жутко. Вот я и...

— Забота, значит, — Ефим встал на ноги. Повело, качнуло. Боль с новой силой пронзила левый висок. Он оперся рукой на шифоньер. Постоял немного, будто соображая, что делать дальше и потихоньку побрел на кухню. — А выпить есть?

— Да. Там в холодильнике и водка, и вино. И закуски осталось навалом: холодец, котлеты, сыр. Два салата совсем нетронутые. Я сейчас все достану.

— Не дергайся, я сам, — Ефим загромыхал тарелками и бутылками. — Сам справлюсь, не маленький, — повторил он, наливая водку в стакан.

— Тогда, может, я пойду? — робко спросила Танька. — Если хочешь... в смысле, если не хочешь...

— Хочешь, не хочешь! — вскипел Ефим. — Времени сколько?!

— Пять минут четвертого.

— Уйду... Спи давай, забота! — он опустошил стакан залпом и добавил уже мягче. — Утром пойдешь.

Закурил. Несколько минут в квартире стояла полная тишина. Танька все так же была на диване, только теперь — сидя, прислонившись к стене и поджав колени под подбородок. Ефим с догорающей сигаретой сидел в кресле, тупо уставившись куда-то в пол. Из этого оцепенения его вывела завывшая поблизости собака:

— Эх, мамка, мамка... — по его щеке скатилась слеза, — всегда такая бодрая, веселая. Жила бы себе до ста лет. И никогда ведь не болела ничем...

— Сын называется, — прервала его бормотание Танька.

— Что?!! — Ефим в три шага оказался рядом и буквально навис над соседкой. — Что ты сказала?!

— Я... — у нее даже дыхание перехватило.

— Что ты имела в виду?! — глаза, полные безумной ярости, пронзили ее, казалось, насквозь и загнали в самый угол. Танька просто оцепенела. — Танечка, я чего-то не знаю? — он неожиданно сменил интонацию, присел на самый краешек и... зарыдал. — Ты скажи...

— Ефим, ты что, правда, не в курсе? — перемена подвинула ее поближе. Танька осторожно погладила его по виску.— Господи, бедненький ты мой! — и прижала голову к своей груди.

— Только без соплей! — Ефим так же быстро, как и начал, прекратил плакать и отстранил соседку от себя.— Рассказывай.

— А чего рассказывать-то? Сначала, когда умер дядя Степа, а потом ты не приехал на его похороны, а потом пришло письмо из твоей части о твоей сильной контузии...— затараторила она.

— Не верещи ты, давай по порядку,— перебил Ефим.

— Я ж и так по порядку. В общем, тяжело все это далось тете Клаве. А потом врачи обнаружили у нее прогрессирующую опухоль. Сказали, что на нервной почве. Она проверялась по два раза в год...

— И мне — ни слова?! — Ефим сорвался с места, вернулся к бутылке, выплеснул остатки водки в стакан, осушил его снова залпом и занюхал рукавом.— Да я бы ей в Москве — лучших врачей! Эх, мамка, мамка, что же ты молчала?..

Он закурил, поудобнее откинулся в кресле и притих. Танька подумала, что заснул, потихоньку вышла поглядеть. Истлевшая сигарета должна была обжечь пальцы, но Ефим, похоже, ничего не чувствовал и никого не видел перед собой...

..Письмо от матери так и осталось у комполка: на следующее утро сержант Сеченов должен был обеспечивать прикрытия прохождения продовольственного обоза через ущелье в провинции Шиндант. Ротный, старшина Кучеренко, два дня назад был грузом-200 отправлен на родину, под Днепропетровск, а у колонны не было времени ждать нового назначения из штаба округа. До «дембеля» Ефиму оставалось семьдесят два дня...

Окончив школу всего с двумя четверками, Сеченов хотел поступать в столицу, в «бауманку», но мать настояла на том, чтобы он поехал в Барнаул, к ее тетке: и конкурс поменьше, и под присмотром будет. Сын не стал спорить и, погуляв после выпускного всего четыре дня, поехал испытывать судьбу в «тьмутараканию», как он сам выразился. Срезался на истории: разошлись с экзаменатором мнениями по поводу роли товарища Сталина в Великой Отечественной войне. Но не отчаялся. Пристроился к какой-то экспедиции, отправляющейся исследовать горный Алтай, сказал, что это ему пойдет только на пользу и на следующий год он обязательно станет первокурсником. А через восемь месяцев научно-исследовательских скитаний на стол военного комиссара Барнаула легло заявление от гражданина Сеченова с просьбой направить его на службу в дружественный Афганистан...

Целенаправленный характер и упорство Ефима, с отличием и лычками оконченная в Ашхабаде «учебка», горные навыки алтайской экспедиции — кто знает, чем руководствовался комполка, доверяя Сеченову командование столь ответственной операцией?.. Сержант как всегда безошибочно выбрал позиции для каждого вверенного ему бойца, дважды сам проверил все «точки». «Пять-сорок. Скоро пойдет караван. Что-то сердечко расшалилось с утра... Видно, вчера перезанимался на «полосе». Надо сбавить нагрузки»,— думал он, сидя за огромным валуном вместе с рядовым Борзовым. Разведка в последний раз десять минут назад доложила, что кругом — чисто. Когда в ноль-шесть ноль-ноль справа послышался шум моторов, Ефим неожиданно обнаружил, что он один. Искать Борзова было некогда, командир лишь подумал: «Мало тебя, салабон, по «очкам» гоняли. Ты и здесь обосраться успел. Лады, потом разберемся...»

Буквально в пяти метрах грохнуло так, что он вмиг позабыл, о чем думал. «Ду-

хи!» — понеслось по ущелью. «Духи,— эхом отозвался сержант,— Борзов, падла, неужели ты...» Шарахнуло совсем рядом, и земля смешалась с небом...

Ефим открыл глаза. Где-то во всю щебетали птицы. «Черт, я же — дома! — подумал он.— Мамка, наверное, уже ушла на работу»,— но еле уловимый запах формалина вернул его в реальность. Сеченов сходил в туалет, вернулся на кухню, достал непечатную бутылку «Столичной», хотел было открыть, да заметил на холодильнике стопку фотографий, завернутую в целлофан. Взял ее бережно, снова приземлился в кресло, закурил.

«Первый класс,— улыбнулся он, перебирая фото.— А вот отцу дали новый самосвал. Ох и накатался я с ним в то лето, перед школой! Мамка в Пицунде с коллегами по работе. Такая красивая! Интересно, а можно с этой фотки увеличить только ее одну? Наверняка можно: сейчас на компьютерах чего только не вытворяют! Так, это я — в экспедиции. «Маме с любовью. Ашхабад, 27 июня 84 года». Учебка, блин! Последнее фото отца... Мы с мамкой в Севастополе — это уже после моей коммиссии, на будущий год. Так, а здесь кто? Мама, тетя Поля, Танька... Ой, Танчик, ты где?»

Ефим вошел в зал: пусто! Быстро провернул в мозгу события ночи: не обидел ли чем? «Она же со всей душой... Цыц! Вроде бы, ничем... Ладно, придет еще сто раз».

Словно завершая его мысли, раздался звонок в дверь.

— Привет, ты уже встал, наверно, еще не завтракал? — затараторила соседка прямо с порога.— Александра Петровна сегодня на работе, мама — тоже. У тебя брюки глаженные есть? Сейчас кофейку попьем. С собой я уже собрала...

— Куда?! — не понял Ефим.

— Как... на кладбище... Придется вдвоем идти. Так вот. Да ты что, заболел? — она уже ставила чайник, доставала из холодильника сыр и колбасу, а из тумбочки под телевизором — утюг.

— А это — успеешь,— и убрала водку обратно.

— Не командуй, с собой возьмем,— буркнул Сеченов в ответ и пошел в ванную бриться.

— Анна Филипповна, жмот прочухался! — раздалось справа над самым ухом. В просторную палату на восемь коек тут же вбежала женщина лет сорока, с короткой прической и темными добрыми, выразительными глазами.

— И слава Богу,— сказала она и наклонилась над Ефимом.— Пора уже: восемнадцатые сутки пошли. С возвращением, сынок!

Ростовский военный госпиталь утопал в зелени тополей. Сеченов не помнил почти ничего, по крайней мере, с момента выдвижения из своей части. Только частенько перед ним всплывало лицо рядового Борзова и его неопределенное: «Еще посмотрим, кто кого...»

После того боя в ущелье на теле руководителя операции врачами не было обнаружено ни единой царапины — только тяжелейшая контузия. От неутихающих головных болей спасал лишь морфий. Да и того хватало на четыре-шесть часов — ночью. «Днем нельзя,— объясняла лечащий врач капитан Анна Филипповна Скворцова,— не положено,— и добавляла с улыбкой: — А то привыкнешь. Потерпи, сынок. Скоро пройдет...»

Не проходило уже пятнадцать лет... То слабее, то сильнее — до безумия. Особенно — ночами. Но не дай Бог сказать кому: в момент вылетишь с такой прекрасной работы. Начальник охраны в новом филевском торговом центре. Не хухры-мухры! А без работы — как полчеловека...

— ...заснул? Ефим! Ты скоро там? Кофе стынет, я бутерброды сделала, брюки отутюжила,— послышался с кухни Танькин голос.

— Иду... Иду, Таньчик! — он встряхнул головой, прогоняя нахлынувшие некстати воспоминания, смыл пену, вытерся любимым полотенцем с медвежонком (мамкин подарок!) и, быстренько переодевшись, сел за кухонный стол...

— Погода хорошая. Пройдемся пешком? — продолжила балаболить она уже на улице,— а у тебя с сигаретами-то как? Пойдем мимо рынка — купим. Ты «Аполлон» куришь, я забыла?

— Вместе с «Союзом»,— съехидничал сосед. После выпитого кофе к его горлу подступил какой-то горький комок, и общаться сейчас с этой «липучкой» у него было желания еще меньше, чем обычно.

«Кажись, перебрал вчера, а похмелиться так и не успел. Принес черт контру с утра пораньше!» — он с укором глянул на Таньку, уже торгующуюся с бабками-«никотинщицами».

— Представляешь, говорю, что в палатках возле завода сигареты дешевле, а они мне: «Ну и дуй к заводу!» Так и не уступили.

— Да ладно, Таньчик, угомонись. Сколько я должен?

— Ты все долги уже раздал,— загадочно ответила соседка и вдруг замахала рукой,— Ефим, быстрее! Наш автобус, доедем две остановки.

«Она же сама — черт, а не девка! Вся в меня: в одно мгновение может переменить решение,— подумал он. И тут же поймал себя на этой мысли: а мне-то что? Кто она мне? Никто. Просто человек решил помочь, поддержать в трудную минуту. Через три-четыре дня все утрясется, будет как прежде: Москва, работа. Как там пацаны, осваиваются? Справляются сами-то?»

— Ты сегодня прямо спишь на ходу! Приехали,— толкнула его в плечо Танька.

— Да, да, идем...

— Господи, венков-то... Неужели вчера было столько народу было? — удивился сын, стоя перед могилами родителей — чуть осыпавшейся с одного края отцовой и свежим курганом мамки.

— Так и с тетя Клавиной работы, и с нашего дома — почти все... Твой дядя Боря. Ой, кстати он в полночь уехал. Вызвал такси и уехал на вокзал. Неразговорчивый дядька: «Служба, служба... Я на сорок дней обязательно приеду и подольше побуду»,— и укатил. Еще кто-то был: «Клавдия Петровна, дорогая вы наша...» А глаза — бегают. Неприятные. Не знаю я их. А ты ничего не помнишь, что ли?

— Помню, помню,— солгал Сеченов и потер снова разболевшиеся виски,— плесни лучше нам с батей.

— Ох, дядя Степа не одобрил бы...— начала было Танька, да осеклась, увидев, как лицо Ефима моментально превратилось в ту, ночную страшную маску.

Он молча выпил, присел на корточки, закурил и запрокинул голову на оградку.

— Я сейчас, Таньчик. Чуть-чуть посижу и пойдем.

— Хорошо. Ой, глянь: Валюшка Михайленко! Помнишь, училась в нашей школе? В каком же она году-то?..— и учтиво отошла в сторону неизвестной Ефиму Валюшки...

Сосед справа — Витька Доброхотов — пытался заправить пустой правый рукав за пояс пижамных шароваров, но когда он возвращал руку в нормальное положение, непослушный рукав снова выскакивал.

— Да брось ты его, Вить, на хрен он сдался! — Сеченов поднял подушку повыше.— Продолжай, чего там дальше-то было?

— Мы же всегда для вас дорогу расчищали,— отозвался вспотевший сапер.—

У нас с вами даже туалет был общий. Помню, ты там одного «салабона» постоянно «дрючил»... Да, а тут из штаба спецзадание: боевая операция к югу от Паншерской долины. Я ж этих «лепешек»* повскрывал — представить себе не можешь, сколько! А с этой, пластиковой, моя клешня к их Аллаху и улетела! — он с досады так саданул оставшейся рукой по спинке кровати, что Ефим от неожиданности вздрогнул.— За три месяца до «дембеля», елки-моталки...

— Ладно, брось ты, Витек, мы еще повоюем,— попытался скрасить горечь Сеченов.

— Повоюем толстым х..ем! Ведь на пересылочном предлагали за ночь подумать: кто не хочет в «говнистан» — может отказаться. Откажешься тут, бля! С нашей улицы год назад один пацан повелся на отказ, так его на «консервную банку»** на три года упрятали. На «гражданке» он ни одной юбки не пропускал, а теперь — сможет ли?

— Ну вот, все даже здорово! Сам допер до истины: рука — не самая ходовая часть тела. Зришь в корень, братан!

— Все равно, как без нее-то?! Тем более, я правша... был.

— Это — да... Поставят протез, привыкнешь помаленьку. Тебе ж на боксерский ринг не выходить, Вить. Главное, мы живы остались... Слушай, а когда я очнулся, почему ты меня жмотом назвал?

— А, это... — засмеялся Доброхотов.— Представляешь...

—...Она была даже на год моложе, чем я сейчас. Жуткая смерть,— вернулась Танька.

— Покажи мне хоть одну веселую,— Ефим открыл глаза и поднялся, разминая затекшие колени.

Головная боль, вроде бы, отпустила.

Он уехал в этот же вечер. Слишком тяжело было осознавать, что теперь ты в этой уютной родной квартире совсем один. А Танькино присутствие, переходящее порой в назойливое, лишь усугубляло мрачные мысли. На вокзале Ефим запасся пивом, чтобы как-то скоротать дорогу. Неугомонная соседка пыталась собрать ему с собой какие-то «узелки», но Сеченов категорически от всего отказался. Как и от проводов на вокзал: так будет легче. Вручил ей мамкин ключ, наказав не стесняться ни в чем, обязательно опустошить холодильник («Там тебе на неделю-полторы всего хватит, чтобы зря не тратиться») и, достав из кармана пачку сторублевок, попросил на девять и сорок дней сходить Таньку в церковь — «организовать все по уму и христианскому обычаю».

— А ты сам, значит, не приедешь? — осторожно поинтересовалась Таньчик, пряча от него накотившие слезы.

— Вряд ли. Новый объект — работы навалом. По возможности прикачу. Я дам знать. Не горюй! — чмокнул ее куда-то в висок и закрыл за собой дверь, оставив соседку в коридоре один на один со своими борющимися чувствами.

Размеренно постукивали колеса. Полупустой вагон спал. Ефим не стал брать постель: все равно не уснуть. И сидел, словно пытаясь слиться с темным углом своего плацкарта. От первой же бутылки пива левый висок напомнил о себе, и свежайшее «Жигулевское» покатило в столицу практически нетронутым.

...Тебя сначала сочли мертвым,— таинственно произнес Витька.— Я совсем случайно подслушал разговор нашей Аннушки с каким-то подполковником из вашей части. «Духи» тогда оттянулись на вас. Прости. В общем, в живых осталось только

* «Лепешка» — мина.

** «Консервная банка» — подводная лодка.

шестеро... (поднял глаза на сержанта) семеро. А первым погиб какой-то... Борзунов или Борзов...

— Борзов?! — Ефим подскочил как ужаленный.

— Да. Героически погиб. Он обнаружил душманов и без лишнего шума даже смог завалить троих, а вот предупредить — не успел. Говорят, его к Звезде Героя представили. Посмертно...

На некоторое время воцарилась тишина: Витька снова завозился со злосчастным рукавом.

— А я думал, что этот «салабон» просто перетрухал и сдал нас «духам»... — сознался Сеченов. — Некрасиво вышло... Спасибо, Витек, что рассказал.

— Чего там, ладно, — засмутился Доброхотов. — На войне всяко бывает. Иногда сразу не просечешь, кто есть кто. Так вот, а когда ребята из подошедшей мотострелковой бригады обнаружили тебя за большим валуном, ты лежал, сжимая в руке «лимонку» без чеки. Стали разжимать — бесполезно, только веки чуть заметно дернулись. Тогда-то и поняли, что ты еще жив. А представляешь, какого шороху ты навел здесь, в госпитале? — собеседник зашелся смехом, вспоминая недавние события. — Те-тебя же-же с ней так и при-приперли на носилках в «приемник»*. Сам без сознания, а «лимонку» никому отдавать не хочешь, жмотяра. Пока моих коллег не вызвали да какой-то укол не вкололи, чтобы мышцы ослабить — бегали все с выпученными глазами!

Ох и насмеялся тогда Сеченов от услышанной истории, представляя себе всю описанную картину — до колик в животе. А вот на следующий день ему было уже не до смеха.

Анна Филипповна пришла на обход раньше обычного и была явно чем-то взволнована:

— Сеченов, после уколов сможете зайти ко мне в кабинет?

— Конечно, доктор. Получу свою дозу и привальсирую.

— Ты не хорохорься, Ефим. Шутить будем потом... — обрубил капитан медицинской службы и быстрым шагом покинула палату, даже не взглянув на остальных...

— ...Проведя все необходимые исследования вашего состояния здоровья после... известных событий, медицинская комиссия на месте пришла к единогласному решению о вашей комиссации, сержант Сеченов, — слишком серьезный тон Скворцовой резко контрастировал с ее добрым взглядом.

— Так ведь мне осталось-то всего-ничего: двадцать два дня до демобилизации. Может, досижу в «каптерке»... — попытался отшутиться Ефим.

— «Дембель» неизбежен... — задумчиво произнесла доктор и, словно стряхнув что-то неприятное с себя, продолжила более миролюбиво, — еще пару недель побудешь у нас. Понаблюдаем за тобой, — казалось, она явно чего-то не договаривает. — Советская Армия большая, за тебя другие дослужат. О постановке на учет в военкомате по месту жительства проинструктирую дополнительно — при выписке. А с нашими бумагами тебе надо будет встать на учет к участковому невропатологу, дальше он будет тебя контролировать.

— Я что, псих какой, чтобы меня контролировать?! — откровенно возмутился Ефим.

— Понимаешь, сынок, — совсем по-матерински произнесла Скворцова, — последствия твоей контузии могут быть самыми... — она попыталась подобрать оптимально точное слово, — самыми непредсказуемыми. И следующая стадия... — она снова запнулась, — следующая...

* «Приемник» — приемное отделение.

—...Конечная! Готовимся к выходу, товарищи: Москва. Вещички не забываем,— вывел Ефима из дремоты голос проводницы.

Весь день, вечер и половину ночи он провел с ребятами-охранниками из свободных смен. Подопечные приходили и уходили, а начальник только посылал «гонцов». Пили молча. Каждый понимал, что словами горю шефа не поможешь, а ему этих сантиментов было и не надо. Спасибо, что все просто зашли помянуть.

К боссу Сеченов явился наутро, немного удивив того своим ранним возвращением:

— Ты уже приехал, Ефим... Что так скоро?

Все необходимое сделал, а родным стенам от моего присутствия — ни горячо, ни холодно, Карен Каренович. Моя жизнь — здесь.

— Столько лет прошло, а ты все никак не привыкнешь: просто Карен,— поправил босс...

В памяти Сеченова снова всплыл тот вечер.

Новоиспеченный лимитчик с двумя коллегами по охранной фирме решил скромно обмыть свою первую получку. С общего согласия пошли в уютную пивнушку, неподалеку от их офиса.

За неторопливой болтовней под лещика, пенный разливной «Ячменный колос» и пару прихваченных с собой бутылок «Русской» с колбасно-сырными бутербродами время обеденное плавно перелилось в ранние сумерки. Количество поглощенного пива дало о себе знать, и Ефим покинул ребят, в надежде быстро найти спасительные кусты.

Только пристроился, как тишину опускающегося вечера прорезало надрывное: «Помоги-и-те!» Забыв, зачем вышел на свежий воздух, бывший «афганец» рванул на крик: «Кажется, вон в том дворе, через дорогу». Вбежав в арку, он увидел следующую картину: двое коротко стриженных парней в спортивных костюмах, пересыпая действия «трехэтажным», пытались «разложить» на самодельном доминошном столике хрупкое женское тело. Голову ей плотно обмотали задраным плащом и прижали к столешнице, так что криков уже слышно не было. Лишь слабые невнятные звуки да последние попытки вырваться обозначали неравную борьбу. Третий, в кожанке и тоже бритый, уже стянул со своей «добычи» юбку и судорожно пытался расстегнуть молнию на своих джинсах. Времени на размышление у Ефима не было...

Когда вызванные кем-то из соседей два милицейских узика влетели во двор с двух сторон, взору прибывших стражей порядка открылось следующее: один бритоголовый неподвижно лежал на асфальте, явно позабыв о своих недавних героических намерениях, другой, матерясь, корчился на газоне. Третьему, со спущенными джинсами, зажатому между столиком и коленом в позе «буква Г», парень неслабого телосложения в камуфляжной форме заламывал руку, будто стараясь отсоединить ее от тела. Рядом, на лавочке, закутанная в грязный плащ и обнявшая себя за плечи, всхлипывала и бормотала что-то на непонятном языке девчонка лет пятнадцати-шестнадцати...

В двадцать седьмое отделение милиции, куда доставили участников дворового происшествия, буквально влетел высокий, солидный, немолодой уже армянин, и его властный голос прямо с порога ввел всех в секундное оцепенение:

— Где она?!

— Кто? — навстречу кавказцу поднялся начальник отделения.

— Моя сестра. Геворкян Гаянэ Кареновна. Где она? Что с ней случилось?

— А вы, значит, ей родственником приходитеесь,— бесцветно произнес майор, взял незваного гостя под локоть и кивнул в сторону двери. И уже выходя, добавил, оглянувшись в сторону Сеченова,— случилось, если бы ни этот... Рембо,— и отвернулся, пряча улыбку в пышных усах.

Ефим после известных событий сменил место работы, взяв клятвенное заверение того майора, что его координаты останутся в неведении абсолютно для всех: не любил Сеченов лишней оркестровки. Но когда через весомый промежуток времени судьба в лице Витальки Разумовича свела Карена со спасителем его единственной, самой младшей в большой семье сестренки, вопросы относительно трудоустройства и дальнейшей московской саги Ефима снялись автоматически...

— ...Мы же договаривались. Какая-нибудь помощь нужна?

— Спасибо, нет. Все путем. Я сейчас переоденусь и — в центр.

— Завтра выйдешь, Ефим, — босс задержал свой пристальный взгляд на покрасневших глазах начальника охраны, — отмокни сегодня.

Квартира Сеченова, маленькая, но очень уютная, была продумана до мелочей: крошечная прихожая со встроенным в стену шкафом, туалет и душевая — отдельно, компактная кухонька-гостиная и светлая жилая комната. Карен сразу внес ее в проект строительства будущего торгового центра, помимо всего прочего. Москвичу Разумовичу — заместителю начальника охраны и боевому товарищу Сеченова, в свое время устроившему того в столичное охранное агентство, жилье, естественно, не требовалось. А вот Ефим — особый вопрос. Карен доверял этим двум «афганцам» как самому себе, особенно Сеченову, поэтому жил Ефим в последнее время, что называется, за счет заведения.

Только Сеченов покинул кабинет босса — весь центр, включая грузчиков, продащиц и уборщиц, уже знал, что Еврей вернулся.

Войдя в свою хижину, как он сам ласково ее называл, Сеченов сразу направился к холодильнику. Постоял в раздумье: какую бутылку открыть, да так ни с чем и завалился на любимый диван-кровать. Решил сегодня просто отоспаться, следуя совету Карена...

У прапорщика Пака из ашхабадской «учебки» из добрых черт характера была только... собака Мухтар, списанная со службы по тяжелому ранению и приобретенная им за литр водки в Термезе у знакомого лейтенанта-пограничника.

На первой же вечерней поверке Пак, знакомясь с личным составом, более чем следовало, задержался перед Ефимом:

— А разве евреи могут служить в Советской Армии?

— Не понял, товарищ прапорщик... — отозвался Сеченов, хотя его сразу подмыло спросить: а корейцы, значит, могут?

— Чего не понял, солдат? А? Имя отца — русский, фамилия — русский, морда вроде тоже русский. А имя чей? Сосед Абрам помог? — ехидно спросил «прапор».

Вся рота моментально взорвалась от смеха.

Вряд ли этот азиат знал замечательного советского киноактера Ефима Копеляна — мамкиного кумира, в честь которого она и назвала своего сына. А объяснять — легче корову в зад поцеловать.

Поэтому Ефим поддержал роту, но взорвался он по-своему: первая «губа»* продолжилась для него пятнадцать суток. А прапорщик отвалился четыре дня в лазарете. Вот только прозвище Еврей уверенно преследовало его долгие годы...

Кто-то настойчиво стучал в дверь. Ефим разлепил веки, вышел в коридорчик и, еще не открывая, понял, что за там — Ленка-«Произвольная программа» из отдела парфюма. «Принесла нелегкая», — подумал он, нащупывая задвижку.

— Чем обязан?

— Вернулся, Ефим. Прими мои искренние соболезнования...

* «Губа» — гауптвахта.

— Принял. Чего приперлась? — Сеченов откровенно недолюбливал этого продавца-консультанта, соблазнившую, пожалуй, весь штат охраны центра.

— Ты сегодня резкий какой-то... Понимаю. В таком состоянии...

— Не хер тебе думать о моем состоянии! Чего надо?

— Просто я подумала... — растерялась было незваная гостья, — подумала, что тебе сейчас жутко одиноко... без женского внимания, без заботы.

— Твою мать, еще одна опекуна! Я похоронил ни жену, ни любовницу, ни Дульсинею Тобосскую, а маму, поняла?!

— Да, я все поняла, но... — пролепетала Ленка, а Ефим, обрывая визит, захлопнул дверь перед самым ее носом. Потом достал из холодильника «портвешок», отхлебнул прямо из горлышка, насколько духу хватило, и, сказав себе вслух: «Больше ни капли!», отправился досыпать.

— ...Разве может смерть обмануть еврея? — в приоткрытую дверь палаты просунулась голова... Кольки Афанасова — сослуживца и почти земляка, парня с простодушным рязанским лицом.

— Колька!! — обрадовался Ефим, вскакивая с койки. — Живой, братишка!

— Подожди ты, я же не один, — Афанасов направился к открытому окну и махнул во двор, — пацаны, здесь!

Буквально через минуту в палате были все, кого Ефим повел в это злосчастное ущелье, точнее все, кто остался в живых: Колька из Рязани, москвич Виталька Разумович, сибирский великан Серега Прохоров откуда-то из-под Иркутска, Карим Муртазин из Казани и братья-близнецы молдаване Андрей и Генка Агурбаш, призванные из Харькова после второго курса авиационного института и вечно спорившие о старшинстве: Андрей появился на свет на семь минут раньше брата. Наперебой пожимая руку своему командиру и хлопая его дружески по плечам, ребята рассказали и о героически погибшем Борзове, и об остальных, не вернувшихся с поля боя, и о неожиданной подмоге — когда казалось, что смерть уже полностью накрыла ущелье, и о том, что караван прошел и прибыл, куда ему следовало, и об их отказе от заслуженного отпуска за проведенную операцию (какой на хрен отпуск, скоро и так — домой!). И самое главное, что Ефим уложил в неравном бою больше двадцати «духов» (сам он этого напрочь не помнил), и ему присвоено внеочередное звание младшего лейтенанта и его ожидает орден Красной Звезды.

...Всю ночь перед комиссацией Сеченов не сомкнул глаз. В душе боролись смешанные чувства: «Ну, уложил два десятка душманов — это же мой долг, а награждать-то за что — за погибших пацанов? Или на кучу трупов должны найтись один-два героя — для Москвы? Порядки, бля...» Не покидали его эти мысли и по возвращении домой, и после получения второй группы инвалидности, и особенно, когда он ездил навестить оставшихся в живых сослуживцев. Лишь только когда Разумович предложил Сеченову зацепиться в Москве и, скрыв истину, по знакомству устроил Ефима в охранную фирму, тот, влившись в ответственную работу, войдя в новый стремительный режим, начал потихоньку успокаиваться, оттаивать...

В следующий раз он, как и обещал, приехал на годовщину со дня смерти мамки, предварительно дав Таньчику телеграмму. За прошедший год Ефим поменял шесть охранников, уличенных либо в халатном отношении к исполнению обязанностей, либо — в воровстве. В дружеских попойках участвовал всего три раза — на днях рождения ребят из «старой гвардии» и самого Карена. Для остальных же находил веские, необходимые причины отказать: то ли старался держать данное себе слово, то ли...

В коридоре Ефим обнаружил на обувной полке письмо от дяди Бори двухнедельной давности, сообщавшего, что их часть перебрасывают куда-то за Урал и он вряд

ли сможет приехать на год. «О приезде сообщу дополнительно»,— заканчивалось немногословное письмо. Встреча с Таньчиком прошла как-то скомканно: либо из-за возобновившихся за последний месяц ужасных головных болей, либо — от гнетущих настроения новых горизонтов в душе Сеченова, появившихся неизвестно откуда и таких же нечетких и размытых, какой порою бывает вся наша жизнь.

Танька исправно ухаживала за могилками и своевременно оплачивала все счета за пустующую квартиру из тех денег, что Ефим ежемесячно высылал ей. Лишние — складывала на сберкнижку, а во время его редких звонков ненавязчиво намекала на квартирантов, на что постоянно слышала один и тот же негрубый ответ: «Скоро — на пенсию. У меня нет другого дома». На все праздники она получала огромную поздравительную открытку и непременно посылку со столичными гостинцами, но все это было не то...

Пролетело-проползло еще полтора года...

Однажды ночью Сеченов проснулся от знакомой боли. Но что-то было не так, как всегда. Вместе с ней в голове трепыхалась несформированная толком, подленькая мысль: «В последний раз...» Он растер виски, взял в руки телефон, долго смотрел на него, словно не решаясь, и набрал, наконец, номер босса:

— Карен, мне срочно на пару дней нужно домой,— и добавил, соблюдая все же субординацию,— пожалуйста.

— О чем речь, Ефим? — мгновенно отреагировал шеф.— Поезжай. Потом поговорим. Моя помощь нужна?

— Нет, Карен, спасибо. Увидимся. «Вряд ли»,— снова ехидно захохотала в мозгу неизвестность.— А это ты хрен угадала, падла,— вслух ответил он своей промелькнувшей мысли.

Ефим настолько поддался этим новым неприятным ощущениям, что впервые позволил себе проделать привычный маршрут до дома на такси. Зная, что придет ранним утром, цветы он взял по ходу тут, в Москве, в круглосуточном павильоне «Флора». Бутылка водки уже «грелась» в рюкзаке, рядышком с коробкой конфет «Ассорти» и упаковкой сыра-нарезки «Хохланд»...

Возле могил родителей Ефим просидел часа четыре, отмечая Танькину аккуратность и старательность, вспоминая в какой раз школьные годы, Афганистан, прихлебывая водку из горлышка (хотя раскладной стаканчик лежал в кармашке рюкзака) и абсолютно не хмелея. Дымя сигарету за сигаретой и все глубже уходя в свои мысли.

Первые бомжи (или алкаши?), появившиеся у Братской могилы, вывели, наконец, его из этого транса, и Ефим, вылив остатки водки в баночку из-под майонеза на соседней могиле какого-то ветерана, направился напрямиком на вокзал. «Что задумал — сделал, а Таньчик... Перебьется!» — отогнал он от себя все сомнения, стоя у билетной кассы. Но в момент подачи денег за проездной билет какая-то невероятная посторонняя сила надавила на виски: «Завтра...» И Ефим, зная, что у него в запасе целых два дня, извинился перед кассиршей и побрел к дому...

Приняв душ и побрившись, он попил кофейку с невообразованным на кладбище сыром, потом достал свою выдавшую виды записную книжку и долго ее перелистывал, подолгу разбирая в некоторых местах старые «каракули». Остановился на странице с буквой «К»: Копылов Вадим. Улица Ленина, дом два, квартира два. Через справочное узнал номер телефона. Одноклассник, к удивлению, ответил после первого гудка:

— Сеченов?! Какими судьбами? Столько лет пропадал.

— Да не пропал. Вадим, ты сейчас будешь дома?

— Конечно, ведь сегодня суббота...

— Блин, точно! — вспомнил Ефим.— Тогда я через полчаса — у тебя.

— Жду.

Разогревая на сковороде вчерашнюю картошку и нарезая колбасу и сало, одноклассник продолжал свой монолог:

— «Старый», ну, Левка Старцев, помнишь, Славка Тимошенко, Витек Залесский, Борька Арифиллин да я... Из девчонок кто-то: Люська Казакова, Вера и Гуля... больше — не знаю.

— А Марго? — оживился наконец-то Сеченов.

— А Марго... — Вадим печально вздохнул, — вышла замуж за Олега из параллельного класса. Жили здесь. Она долго не могла забеременеть, даже в какой-то столичный институт к профессору ездили два раза. А потом... умерла во время долгожданных родов. Олежка сам воспитывает дочку. Викуся — вылитая Ритка, представляешь, Фим?..

— Вот оно как... Значит, первая из наших?

— Нет. Вторая. Толяна Петрушеню помнишь? Сам знаешь, что его уже в восьмом классе тюрьма поджидала. Так все и вышло: сел за изнасилование. Попал он куда-то в Соликамск, что ли... В общем, там его «опустили», ну малый и вздернулся...

— Эх! — собеседник немного помолчал, переваривая услышанное. — Давай помянем, Вадик, — и, не дожидаясь закуски, накатил по «граненому».

— Помянем. Только не гони, — хозяин достал из шкафа-«пенала» рюмки и перелил в них из одного стакана. — За наших!

Ближе к вечеру весь наличный на данный момент состав десятого «А» собрался, как и в золотые годы, у радушного Левки. Им было о чем поговорить, что вспомнить...

В начале одиннадцатого Ефим резко засобирился и отозвал Копылова в коридор:

— Ты-то куда не собираешься уматывать?

— На ближайšie сто лет мои корешки завязли здесь, — оптимистично ответил Вадим, — а что?

— Помнишь Таньку-малявку из моего дома, из соседнего подъезда? — Сеченов достал из внутреннего кармана заранее приготовленный заветный конверт.

— Малявку... Я ее видел не так давно, еле узнал: королева! А в чем дело-то?

— Не бойся, никакого криминала. Просто, если что, передай ей вот это и прочти-те потом вместе.

— «Если что... Потом!» — передразнил Копылов. — Ты что задумал, а?

— Все путем, брат. Это я так, на всякий случай... — и ушел, ни с кем не попрощавшись.

Возле подъезда, сменившая дневных старушек, тусовалась малолетняя молодежь: под непонятную музыку из «бум-бокса», пиво в баклажках и сальные шуточки они коротали очередной вечер, неприкрыто «забывая» на всех и вся кругом. Ефим приблизился:

— Здорово, лоботрясы!

— Фильтруй базар, чувак! — в ответ из толпы выделился ломающийся голос.

Хмель резко развернул Сеченова в ту сторону:

— «Базар» знаешь где бывает?! — и тут же спокойно добавил в адрес одного из подростков, — Тимошенко, ты?

— Да, я, — смущенно ответил тот.

— А зовут как?

— Сашкой, а в чем дело?

— Дело, говоришь? Дело в том, Сашок, что мы с батей твоим бок о бок семь лет за одной партой просидели, а только полчаса назад...

— Санчо, че за фрукт? — перебил Ефима уверенный девичий голос.

— Да так... «Паханов» одноклассник, кажись, — пробурчал Сашка.

Одна из девиц, размалеванная и одетая явно не по годам, подошла вплотную к неожиданному «открытию»:

— Папочкин одноклассник! О-бал-деть! — игриво растянула она. — А по виду и не скажешь: такой молоденький...

Сеченову эти похабные нотки не пришлись по душе еще больше «базара».

—...Красивый,— девица наслаждалась своей ролью,— и такой одинокий... неженатый,— она опустила взгляд вниз,— неужели он совсем никого не любит?

— Еще как любит! Себя под одеялом, гы! — заключил обладатель ломкого голоса, явно уверенный в поддержке толпы и безнаказанности своего крутого прикола.

На этот раз Ефим четко, безошибочно выцепил взглядом говорившего, и тот в следующее мгновение оказался на асфальте, придавленный коленом под горло. В нависшем над «безбашенным» подростком кулаке была зажата смерть:

— Что ты сказал, сучонок?! Повтори!

С глазами, переполненными ужаса, поверженный просипел еле слышное «ничего» и... испортил воздух. Все застыли, будто парализованные, было слышно только учащенное дыхание Сеченова да поскуливание этого «соломенного генерала». Первой от шока оправилась все та же особа-провокаатор:

— Ой, убивают!!! Помогите, ребенка убивают!

Внезапная ярость сменилась нечеловеческой болью в висках и, вероятно, вернула Ефима в реальность. Он поднялся с абсолютно размякшего «тусовщика», все еще сжимая кулак, обвел взглядом всех стоявших вокруг и, доставая сигарету, кинул прерзительно:

— Ладно, живи, петушок. Посмотрим, кто тебя любить будет,— прикурил и добавил,— пшли отсюда, твари!

Подростки спешно оставили «пригретое» местечко, позабыв на лавочке недопитое пиво. Сеченов пристально смотрел вслед уходящим и крикнул вдруг вдогонку:

— Сашок! Мы с твоим отцом в этом возрасте не были такими... такими... — он впервые не нашел подходящего слова.

Присел на лавочку, смахнув с нее остатки молодежной вакханалии. Докурил, тут же достал новую. Свет в подъезде горел лишь на пятом этаже, у бабы Дуси. «Поздно уже»,— подумал он, но глубина, изнанка смысла происшедшего только что подняла его и направила в соседний подъезд...

— Кто там? — из-за двери послышался испуганный голос тети Поли.

— Я, Ефим.

— Что случилось? — она завозилась с замками.— Проходи, что случилось-то?

— Ничего, тетя Поль, Таньку позовите, пожалуйста.

— Спит она... Хорошо, сейчас. Да зайди ты, полуночник.

— Не, я — тут...

Через пару минут появилась Таньчик, кутаясь в шикарный махровый халат — подарок Ефима на день рождения:

— Привет, классно, что ты здесь,— улыбнулась она, словно извиняясь за свое полусонное состояние.

— Тань, выходи за меня замуж,— с места в карьер рванул он.

— Ой, Ефим, ты оба-а-а-а-адел,— протянула она, зевая.— Ты же меня не любишь. Завтра будешь дома? — ей явно не терпелось вернуться в какой-то сладкий сон.

— Буду,— солгал сосед.

— Вот утром и поговорим. Пока.

— Тань, а ты... ты меня любишь? — обернулся с нижней ступеньки Сеченов.

— Ты что, на «травку» подсел, Ефим? — снова полудремно улыбнулась Танька и закрыла за собой дверь.

И снова привычный стук колес, выхватывающий из прожитых дней, из этой бездны, плеяду воспоминаний...

Однажды ему уже задавали подобный вопрос — на счет «травки». Это было неполных восемь лет назад, когда сын единственный раз не приехал домой на светлый праздник Пасхи. Виталька уговорил остаться, дескать, он после армии ни

праздник Пасхи. Виталька уговорил остаться, дескать, он после армии ни разу не был ни на кладбище у бабушек с дедушками, ни в церкви. А одному туда идти «стремно». Ефим предупредил мамку, что приедет позже.

У ворот храма как всегда сидело и стояло десятка полтора униженных и обиженных, а также «косящих» под таковых. Разумович старался щедро одарить каждого разменянной заранее мелочью и купленной по случаю дешевой карамелью. Ефим все это время делал вид, что разглядывает купола.

— Слушай, я не предполагал, что ты такой жмот,— констатировал Виталик, завершив свой ритуал,— тебе что, «щебенки» для этих голодранцев жалко?

— Во-первых, каждый из них обязательно что-то где-то получает: государство-то у нас на что? Во-вторых, на всех просто не напасешься, а в-третьих...— он призадумался.

— А в-третьих? — подзадоривал друг.

— Не твое собачье дело! — неожиданно злобно подвел черту Сеченов.

— Ефим, ты чего?..— растерялся Разумович.

— Все путем, это я так... Извини.

А через три дня у Виталика был день рождения. Ефиму предстояло заступать в ночную смену — срочная подмена заболевшего охранника с автопарковки. Пить он не стал, тостовал соком. Именинник все прекрасно знал и видел, но когда дело дошло до танцев, постоянно уравновешенного в компаниях Сеченова будто подменили. Старое доброе «диско» восьмидесятых словно вселило в него какого-то беса: глаза заблестели мистическим огнем, и Ефим начал выделять такие движения и танцевальные па, что сначала будто бы даже развеселил гостей, но через несколько минут они, уже настроенно, стали расходиться по углам и своим местам за столом. Обескураженный хозяин торжества постарался побыстрее поменять диск, объявил «белый» танец и позвал разошедшегося Сеченова на улицу — немного проветриться.

— Ты обкурился что ли? — удивленно-испуганно спросил Разумович.

— Ты что, Виталь, охренел?

— Тогда с чего бы вдруг эти... демонические пляски?

— А-а... вон ты о чем, братан... Просто мне хорошо, Витаха! Страсть как хорошо! Хорошо от того, что на земле есть такой замечательный человек, как Виталий Семенович Разумович, и у него сегодня знаменательный день! Прекрасный, волшебный, скажу тебе, день! Хорошо от того, что от твоих, пусть даже дурацких действий, никому не станет хреново! Хорошо вот просто так жить, Виталик! Просто — жить. Ни от кого не завися, никому ничего не суля. Захотел — послал кого-нибудь, захотел — пригнул. Просто жить и ощущать каждой клеточкой, что ты живешь! Понимаешь, брат?

Разумович тогда почти ничего не понял. Одобрительно закивал, но заручился, что впредь Ефим не будет выкидывать подобные номера: «Не все же вокруг такие, как мы с тобой, некоторые могут неправильно истолковать...»

А жизнь после того странного эпизода продолжала свой размеренный ход...

В кабинете у Карена было как всегда уютно и светло.

— О, Ефим, проходи, присаживайся. Чай, кофе, сок?

— Спасибо, ничего не хочу.

— Как съездил?

— Нормально, спасибо.

— Какие-нибудь проблемы, Ефим? Ты так резко... Нужна помощь?

— Нет, Карен, все нормально. Было одно незаконченное дельце... Все хорошо, босс,— улыбнулся как всегда немногословный начальник охраны.

Но по его взгляду, по мимике, по скупым жестам Карен почувствовал, что Сеченов чего-то не договаривает. Однако, лезть в душу — дело неблагодарное.

— Что ж, приступай к работе,— и уже в спину уходящему Ефиму добавил: — Кстати, у нас две новых оч-чень интересных продавщицы на игрушках. Может, приглядишь себе... зайку или киску.

Ни один мускул не дрогнул на лице обернувшегося Сеченова:

— Спасибо, Карен. Возраст уже не тот,— и взялся за дверную ручку.

— Мои двери всегда открыты для тебя, Ефим,— прозвучали в спину столь привычные за последнее время и приятные слова босса.

Сеченов открыл: в комнату ураганом влетел Разумович. Он был, без сомнения, чем-то сильно взволнован:

— Ты в курсе?!

— В курсе чего, Виталь?

— Карен затевает строительство нового центра в районе Рублевки!

— Был такой разговор. И что?

— И что?! А то, что он собирается тебя перевести туда, на эту же должность — это как?

— Виталик, да ты «гонишь»! Нас и здесь неплохо кормят,— пошутил Ефим.

— Вас-то, может, кормят, а вот нас, получается, только прикармливают. На твое место тут он присмотрел уже какого-то орла из бывших «альфовцев». А меня... оставляет заместителем нового «перца»!

— Так вот в чем дело...— Сеченов близко подошел к догадке,— ну хочешь, я поговорю с Кареном — и возьму тебя с собой на Рублевку? Все будет нормально, братан!

— Ты — меня — с собой?! — еще больше вскипел зам.— Это я тебя взял тогда с собой, ты забыл, в ту задрипанную контору? Это я тебя потом порекомендовал Карену, забыл? Это я все время покрывал твою контузию и инвалидность — и что получил взамен?! Вечный заместитель, мотать — колотить! Выходит, чистокровный еврей не может работать наравне, я уже не говорю — лучше, чем еврей, окрещенный корейским «прапором»?

— Эй, о чем ты, братишка? — совсем растерялся Ефим.

— Не понимаешь?! Все ты, командир, понимаешь. Просто, выходит, что ты лучше армяшке жопу лижешь! — Виталик сознательно шел на конфликт, готовый к любым последствиям. Но реакция шефа разочаровала сорвавшегося заместителя. Ефим сел на стул, расстегнул ворот рубашки и сказал абсолютно спокойно, даже дружелюбно:

— Виталь, я сильно устал после смены. Снова проблемы с грузчиками. Приходи завтра, пивка попьем. А сейчас я лягу.

— Пошел ты...— Разумович стремительно поднялся и хлопнул дверью со всей дури так, что задрожала люстра в комнате. Но Сеченов этого уже не видел...

Карен поднял на уши всех. Не зная истинной проблемы минувших лет и происшедшего вчера, он по очереди вызывал в свой кабинет каждого из подчиненных, пытаясь выяснить, что стряслось с Сеченовым. Одновременно он набирал телефонные номера своих знакомых и очень хороших знакомых. Работники все как один, включая и Разумовича, только пожимали плечами, а Карен нашел, наконец-то, то, что нужно: телефон старого друга Ашота Татляна — владельца частной элитной клиники.

Почти безжизненное тело начальника охраны ребята осторожно погрузили в присланную машину экстремальной медицинской помощи. Босс, послав ко всем чертям своих водителей, забрался в кузов «скорой» и всю дорогу до клиники одной рукой держал Ефима за его чуть теплую руку, а другой — капельницу с прозрачной жидкостью, вселяющей надежду...

— Ашот, дорогой,— Карен сидел напротив друга в просторном кабинете, ерзая, будто на иголках,— ты вытащишь этого парня! Я знаю — ты можешь.

— Карен, а ты знаешь, что такое лоботомия? — поинтересовался профессор.

— В общих чертах. А что?

— Если бы он подвергся такой процедуре, у него и то было бы больше шансов. За всю мою практику я не встречал ничего подобного: у него лопнули почти все сосуды головного мозга, а в левом полушарии — обширная гематома. С детский кулачок, Карен. Я просто не представляю, чем он до сих пор жив... — на последних словах голос профессионала дрогнул.

— Он будет жить! — собеседник в отчаянии саданул кулаком по столу. — И ты, именно ты, Ашот, поможешь ему в этом. Понимаешь, он же мне как младший брат... — и повидавший на своем веку многое босс вдруг разревелся как девчонка.

— Я постараюсь, Карен. Очень постараюсь. Позвоню друзьям в Израиль...

Теперь несколько ребят, работавших под руководством Сеченова, попеременно несли добровольное дежурство у его роскошной палаты: босс каждую минуту ждал хороших вестей. Жизнеобеспечивающие препараты подпитывали организм Ефима, но за месяц бессознательного состояния он просто стал не похож на себя: осунулся и состарился сразу лет на десять-пятнадцать.

Израильские коллеги специально прилетели в Москву, досконально просвечивали и исследовали мозг тяжелого пациента, пытаясь отыскать корень зла и противоядие к нему. Раскопали по своим каналам заключение комиссии относительно младшего лейтенанта Сеченова. От этой новости Карен сокрушался потом каждый день: «Эх, Ефим, Ефим. Ну почему ты никогда ничего мне не говорил об этом? Чего стеснялся? Или боялся... Я бы все сделал для тебя еще раньше!» Но вердикт гласил однозначно: даже если пациент придет в себя (за счет неимоверно сильного сердца!) — два-три месяца, от силы — полгода...

...Ефим лежал на берегу какой-то красивой речки и наслаждался солнечными лучами. Вдруг он услышал голос мамки. Приподнялся на локтях, осмотрелся кругом: никого. Голос прозвучал снова, совсем близко, такой ласковый и родной. Как в детстве. Мамка медленно шла к нему прямо по воде — молодая и красивая, в ее любимом розовом платье в мелкий белый рубчик. Шла и звала к себе. «Я приду, мам, — отозвался, наконец, сын, — обязательно. Но — позже. Мне еще неделя осталась до «дембеля». У меня запланирована еще одна боевая операция...»

Первым, кого увидел Сеченов, когда очнулся, был Карен. Ефим попытался улыбнуться, отчего в глазах босса появились слезы.

— Ефим, ты меня слышишь?

— Да, — показал веками Сеченов.

— Ну что ж ты так подводишь? Без тебя — сплошной бардак: Виталий уволился, трое ребят из «старой гвардии» ушли в конкретный запой. Увольнять жалко, но наказать пришлось...

Заговорил Ефим уже на следующий день. Голос был чей-то чужой, хриплый:

— Карен, там, наверное, Танька по мне совсем соскучилась... Мне бы домой... на недельку...

— Ах ты, плут! — расцвел босс. — А все из себя недотрогу строил: не тот возраст! Да мы вам такую свадьбу отгрохаем — сам мэр у тебя за шафера будет! Вот оклемаешься немножко и привози ее сюда. А я крестным отцом вашему сыну буду! — казалось, Карен сейчас расправит крылья и поднимется к высокому потолку.

...На шестой день возвращения Ефим исчез из клиники, оставив на подушке коротенькую записку: «Карен, прости, ты меня поймешь».

Возле дома Сеченов остановил какого-то шкета, дал ему сторублевку и объяснил, в какую квартиру нужно позвонить и что кому сказать. Он присел на знакомую лавочку, изрядно взмокший, дождался пацана с положительным результатом и поти-

хоньку поднялся к себе. Силы были на исходе. «До завтра — хватит», — подбодрил себя Ефим, укладываясь на родной диван. Через пять минут раздался звонок в дверь.

— Открой сама, — прохрипел он, но Танька, не услышавшая его голоса, словно почуввав неладное, уже вставляла ключ в замочную скважину.

— Ефимушка, милый... — осеклась она, вбежав в комнату. — Я так и знала, сердце мое чуяло, что с тобой беда, — она перешла на шепот. Осторожно присела на краешек дивана и продолжила сквозь непроизвольно покотившуюся по щекам влагу, — я тебя больше никогда никуда не отпущу и никому не отдам. Мы будем вместе долго-долго: я и ты.

— Я и ты, — эхом отозвался Сеченов. — Успокойся, Танчик. Все будет хорошо. Иди ко мне...

Танька, будто обезумевшая за ночь от своего долгожданного счастья, уснула под утро. Открыла глаза, когда солнце уже стояло в зените. Повернулась к любимому. На лице Ефима — не того, которого она увидела вчера вечером, нет, а Ефима — вновь помолодевшего, красивого, как тетя Клава, застыла его очаровательная, детская улыбка...

Слух по маленькому городу разнесся мгновенно. Уже через два часа в квартире Сеченовых стало многолюдно: Вадим Копылов занавешивал и переворачивал все зеркала, Славка Тимошенко с мобильником в руке перелистывал свободной рукой Ефимову записную книжку, Люська Казакова составляла какие-то списки... Только Танька сидела, уставившись на ашхабадскую фотку Ефима и, казалось, не понимала сущности происходящего. И ее никто не отвлекал...

На кладбище были все, абсолютно все, знавшие Сеченова эти годы по дому, по Афгану, по работе. Все, кроме Виталика Разумовича. Поминки Карен организовал в уютном кафе, в двух кварталах от дома Ефима. За столом он сидел среди «афганцев» и периодически о чем-то их расспрашивал. После третьей стопки учтиво отклонялся, оставив Татьяне свою визитную карточку и тысячу долларов.

Через три дня после похорон Таньку нашел Вадим: вспомнил о конверте, оставленном Ефимом во время их последней встречи. Та спохватилась и достала из сеченского рюкзака еще один — близнец первого...

Скупые строки: «Танчик, милая... ты всегда была... если со мной что-нибудь...» Завещание, банковский счет в долларах — на предъявителя, право на продажу квартиры — с момента вступления в наследство... Еще десятки каких-то бумаг и справок — официальных, нотариально заверенных. На следующий же день Танька начала обзванивать уже знакомых по печальному randevу «афганцев»...

У столь непривычной для скромного провинциального городка на рязанщине грандиозной новостройки скопилось, пожалуй, все его население. Глава города в торжественной обстановке, под звуки местного оркестра, разрезал ленточку, затем снял камуфляжный брезент с мемориальной доски на стене у парадного входа, с которой всем улыбался Ефим Сеченов. Затем военком задвинул долгую, нудную речь о том, что в их родном городе состоялось грандиозное, неординарное событие, что у всех воинов — участников боевых действий теперь есть свой собственный дом, из которого их никогда не выбьет никакой танк и никакой враг, и о том, что солдатская память вечно жива и будет всегда благодарить человека, подарившего им этот дом — Ефима Степановича Сеченова. Говорил кто-то еще: о почетной обязанности российского гражданина и мире во всем мире. Говорили долго и напыщенно. А когда смолк последний оратор, вся изнуренная солнцем толпа ринулась занимать места за банкетными столами. У мемориальной доски остались трое:

— Вот тебе и еврей... — пожал плечами капитан Пак и побрел в сторону вокзала.

— Ты вырастешь таким же сильным и добрым, как твой папка, Никитка, — гордо сказала Татьяна, целуя «копию» Ефима в пухленькую розовую щечку.

Надежда Скоробогатова

ПОЕЗДКА С «АНГЕЛОМ»

Сегодня я ехала в автобусе с «ангелом». Это не сумасшествие. Ангел был женского рода.

Говорят, что ангелы бесполоы, но эта женщина по всем признакам была им, ангелом. Она сидела на заднем сиденье, прекрасна в своем «ангельском» величии. Ее черты по небесному утонченные, глаза, немного печальные, прозрачно голубели цветом неба. В руках она держала обыкновенные земные цветы — бордовые пионы, но они шли ей, как будто это были царственные розы или божественные орхидеи. Одета она была совсем по-земному: в красные брючки и светлую кофточку, и на первый взгляд ее можно было принять за молоденькую женщину, если бы не ее крылья. Они были сложены у нее за спиной. Такие белые, хорошенькие и пушистые, она ими немного шевелила, очень осторожно, чтобы не задеть пассажиров, сидящих рядом.

Многие люди улыбались этому ангелу, но они видели перед собой лишь хрупкую, земную, симпатичную белокурую женщину с двумя маленькими близняшками, такими же беленькими и хорошенькими, как их мама. На вид им казалось не больше трех-четырёх лет, но они были такие серьезные, и все делали очень чинно. Прижавшись к маме, смотрели в окно и почти в унисон говорили, задавали вопросы, удивлялись увиденному, им все было здесь интересно.

Она выходила из автобуса, сложив крылья вместе и осторожно спускаясь по ступенькам, неся крылья в одной руке: белые и небесные,— пионы в другой: бордовые и земные. Ей было тяжело и неудобно, но на ее лице не отражалось ни одной печальной мысли. Лицо, как подобает ангельскому лику, сияло чистотой и спокойной добротой.

Каждое утро, кроме субботы и воскресенья, она вела своих детей в детский садик. Сегодня в саду утренник, и она держала в руке два букетика пионов, чтобы подарить воспитательнице. Илюша и Кирюша были одеты в белые праздничные рубашки и темные брючки, всю дорогу они вели себя спокойно, чтобы не испачкаться, стоя на коленях на сиденье, отвернувшись к заднему стеклу автобуса, смотрели на бегущие дома, деревья, машины, людей — все, что со скоростью мелькало за окном и что-то говорили на малопонятном окружающим людям детском языке. Это умиляло и радовало пассажиров. Всем было хорошо, и улыбки алели на лицах, как будто ангел спустился с небес.

А ангел смотрел своими лучезарными глазами, тихо улыбаясь и грустя одновременно. Все в нем светилось, и казалось: даже автобусная пыль облетала его, превращаясь в белые пушистые облачка, которые стаями поднимались в небо.

СИГАРЬГА

С возрастом все чаще вспоминается детство, особенно ярким оно кажется именно сейчас. И таким притягательным, далеким. Это все потому, что оно никогда не повторится. Не вернутся самые радостные и печальные дни. Восторг, который невозможно описать. И первое горе. И слезы от него градом.

Так постепенно, капля за каплей, как весенний дождь, из нас выходит детство.

Мы становимся взрослыми, многое, считая сентиментальными мелочами. Но иногда в нас что-то начинает происходить, хочется вернуться в детство, вспоминаются самые яркие моменты, и слезы застилают глаза. Все это делает взрослых и самостоятельных людей вдруг маленькими с нежными незащищенными душами как тогда, в детстве.

Я очень люблю куклы. Покупала их когда-то дочке, когда она была маленькой. Дочка не особенно любила играть в куклы, и покупала я их, скорее для себя, такие нарядные и красивые они были, с закрывающимися глазками, с кудряшками, в моем детстве таких не было. Куклы шила мне бабушка Аня или ее подруга тетя Валя — маленькая заботливая старушка, бабушка моих подружек Лены и Люды. Тетя Валя еще молодой осталась без мужа, он погиб на Отечественной войне. Нелегко ей пришлось поднимать двух сыновей. Но, слава Богу, они выросли, она дала им все что могла, работала за трудовни, как многие тогда, день и ночь без выходных и праздников, поднимая разоренную страну.

Дети выросли: старший женился, появились внуки, нужно их было растить, помогать, а тетя Валя не привыкла сидеть без дела, она нянчила малышей, помогала по хозяйству.

Потом женился и младший сын. Помощь младшему была нужнее. Сноха не могла оставить работу и, возложив все хлопоты по хозяйству и с детьми на хрупкую и еще не старую свекровь, сноха пошла работать в совхоз. Тетя Валя успевала кормить и обихаживать двух девочек и держала в хозяйстве кур, гусей и овец, чтобы были свежие яйца и мясо. Все это у нее получалось легко, так как вся ее жизнь была постоянной заботой о близких людях. Она еще успевала подработать в поле и лесничестве, так как пенсия была совсем маленькой, и на нее нельзя было прожить.

А когда появлялось свободное время, она звала нас в дом. Набегавшись, мы затихали у нее в сенях, и тогда тетя Валя давала нам шерсть, и мы ее раздирали руками в разные стороны, пушили, выбивали из нее колючки, чесали металлическими расческами и аккуратными прядками складывали в стопки. За эту нехитрую работу тетя Валя обещала нам сшить из тряпочек после работы куклу. Пока мы работали, тетя Валя заводила наш небольшой хор обычно такой смешной песней про Щорса. Песня была нам знакома, и ничего в ее словах не было смешного, если бы не припев, который пела тетя Валя. Он был таким: «Э-Э и Ха-ХА». Было смешно и нелепо, нам нравился у этой грустной песни веселый припев, и мы с радостью пели в припеве: «Э-Э и Ха-Ха командир полка».

А когда работа заканчивалась, мы обступали со всех сторон тетю Валю и ждали, когда она сошьет нам куклу. Одну-единственную на всех. Она делала валики из шерсти и обшивала их светлыми тряпочками, получалась голышка без лица и волос, потом из той же самой шерсти она делала волосы, пришивала их к голове голышки. Волосы получались длинные и кудрявые. И наконец наступал самый ожидаемый момент. Находился черный плохо заточенный карандаш, послонявив который рисовались глаза, нос, брови и еще один, красный, для щек и губ. Получалась размалеванная цыганка страшной наружности. Осмотрев ее со всех сторон, тетя Валя думала, как ее назвать, мы тоже думали. Но все имена не подходили для ее внешности. И вдруг вспоминалось из ее далекого детства самое подходящее имя, то, что было нуж-

но: «Сигарьга». Это было удивительно точное имя. Мы пребывали в полном восторге. Так же громко, как совсем недавно мы пели песню о Щорсе, мы орали, подпрыгивая: «Сигарьга, Сигарьга, Сигарьга!»

Была зима, точно не помню, кажется после Нового года. Помню только: жила я у мамы, работала в школе. И как всегда шла мимо дома тети Вали, направляясь на работу. Вырастив Люду и Лену, тетя Валя жила в маленькой однокомнатной квартире в трехквартирном доме. Я слышала, что она болеет, и однажды захотела зайти к ней, поведать... и я зашла. По черному платку ее снохи тети Маши, матери моих подружек, я поняла, что опоздала. Меня пригласила тетя Маша в комнату. Я долго переступала высокий порог, потом искала глазами иконы, чтобы перекреститься, а потом, наконец, решилась посмотреть на тетю Валю. Она лежала с согнутыми в коленях ногами. Без того маленькая при жизни она почти превратилась в куклу, ту куклу, которую она нам когда-то шила. Было непривычно видеть ее спокойно лежащую. Одинокая и уставшая за долгую трудную жизнь, она, наконец, отдыхала... И вместо молитвы у меня зазвучал, закружился в голове припев песни о Щорсе: «Э-Э и Ха-Ха». Слезы застилали глаза, было трудно смотреть. И совсем не помню, как я перешагнула порог и очутилась на улице. В голове моей звучал припев песни, которую она нам пела. Как гимн жизни и смерти маленькой всеми забытой женщины, всю жизнь отдавшей детям, внукам и умершей в жестоких муках в одиночестве.

«Э-Э и Ха-Ха».

ДВЕ ПОЛОВИНКИ ЯБЛОКА

Нам, грешным, дал Господь душу, чистую и прекрасную, как само небо. И она, бедная, мечется между возвышенным и земным. Ведь Господь вдохнул ее в тело, созданное из глины. Он дал законы, по которым душа должна жить в ладу с собой и со своим телом. Но человек грехами своими постоянно заставляет душу мучиться, страдать. Когда был создан Адам, то ему было одному скучно. И Создатель из ребра его сделал жену ему — Еву, чтобы Адам и Ева жили как единая плоть. По замыслу Всевышнего, каждому мужу должна быть одна жена, как бы подходящая и недостающая его половина. Поэтому каждая из женщин, и каждый из мужчин должны встретить свою половину, как бы часть себя, чтобы соединиться с ней. Только тогда брак освещен на небесах. Тогда и ангелы трубят в честь такой любви и влюбленные счастливы долгою, прекрасную жизнь. Но жизнь быстротечна, и соблазны постоянно чинят препятствия такому соединению. Так скоро ребенок достигает зрелости. Его тело не слушает душу, а порой диктует ей свои жизненные правила, подверженные моде и зрелой плоти. И вот тело закрывает глаза душе, заставляет ее замолчать, спрятаться в уголке тела, и уже все, что ни делает тело,— правильно, верно и даже порой обдуманно. Как счастливы невеста и жених, кажется,— навеки, но влечение тела не долговечно, так же как и само тело. Тела надоедают друг другу, проходит мода на верность. Соблазны в наше время разжигают страсти телесные. Семья изживает себя. Дети не помеха разводам, даже порой способствуют им, так как это великий труд — кормить, растить, помогать детям, чтобы они, встав на ноги в этой жизни, не бросали старых родителей, а заботились о них в свою очередь. Немногие теперь готовы к такому душевному и физическому подвигу. И вот тут-то из потаенных уголочков выходит душа и начинает упрекать тело и сама терзаться, что прежние чувства не были настоящей любовью. Это было лишь влечением или страстью. А вот так где-то есть настоящая любовь...

И вся наша жизнь похожа на сказку «Про белого бычка». Но не потому, что наша душа нас толкает на постоянные мытарства. Нет. Это уже наша плоть, послушав уп-

реки души, совсем перестает ее слушать и живет себе, оправдывая все, что ни делает похотливое, глупое тело.

И только к старости, если Господь дает такую возможность, душа, постепенно, как гостья, шаг за шагом, возвращается в холодное и грязное жилище, не уютное для обитания возвышенного и неземного создания. Если душа успеет, то, проделав огромную работу и очищая помыслами тело через молитву и покаяние, человек доживает в гармонии земную жизнь.

Приходит время, и Господь разделяет тело и душу, направляя их на свое истинное место: тело прахом соединяется с землей, а душа... Что уготовлено ей? Знает один Создатель.

«...И БЫЛ У МЕНЯ СЫНОЧЕК ВОЛОДЕНЬКА»

В СИЗО, как всегда было полно народу, но почему-то люди стали расступаться и тесниться по сторонам, освобождая середину комнаты, в центре которой стояла очень пожилая женщина. Ее можно было бы назвать старухой, если бы не ее необыкновенная стать: высокая, прямая, в черном старом, запыленном на подоле пальто, которое было сшито, наверное, еще во времена ее молодости, на голове был опрятный выцветший и поэтому неопределенного цвета платок. Напевая, будто рассказывая добрую русскую сказку, она направилась к окошечку, где через толстую решетку и маленькое отверстие для передач, можно было разглядеть, если полунаклониться, работника СИЗО, румяного, хитроватого милиционера, который работал здесь давно и привык к различным посетителям, встречая всех уставным выражением лица.

«Сыночек военный,— как бы в пояс кланяясь, обратилась она к парню,— был у меня сыночек Володенька, его убили давно. Жена его где-то на Украине сдохла от наркотиков. А здесь у меня внучок. Была я в прошлый раз на свидании, и дал ты мне не час, а 30 минут».

Милиционер начал возражать, что как положено час, так и длилось час свидание, такого просто не может быть, чтобы лично для нее свидание длилось меньше. Но его женщина не слушала, а, напевая, продолжала. «А теперь, я его совсем забрать пришла». Она отвернулась от окна и полезла в сумку, где у нее была фотография, завернутая в белый головной платок. Фото было украшено старой новогодней мишурой. На фото был молодой круглолицый мужчина, очень похожий на эту старую, но красивую женщину. Мать гладила по ровной поверхности фотографии, показывая всем в зале, приговаривая: «Это мой сыночек Володенька. Я его одна растила. Муж молодым умер, заболел и умер. Я у матери жила, она мне не разрешила выходить в другой раз замуж. Приказала, чтобы растила сыночка одна. А сыночек был смиренный, добрый. Вот жена попалась хохлушка-наркоманка. А он хороший, а его убили. Получил зарплату шел домой и не дошел». В помещении стало необыкновенно тихо. В этой тяжелой, печальной и какой-то тягучей тишине до боли нелепо мелодично звучал ее голос. Как в сказке, в которой сражались добрые и злые герои, где обязательно должно быть хорошее продолжение, и добро победить зло. «А пришла я за внучком. Старая я, нельзя мне одной, помереть боюсь. Была я на свидании, внучок мой плачет, просит меня не умирать. Я ему пообещала жить до ста лет и больше. А как мне одной? Нет никого роднее на целом свете, один он у меня». Опять повернулась к окну, где сидел милиционер. «Сыночек военный,— обратилась женщина к нему,— отпусти моего внучка, он хороший. И плачет сильно, кто с ним в камере сидит, говорят, как бы с горя руки на себя не наложил» Помолчала, подумала о чем-то, вспоминая, и полезла запазуху. Вынула сложенный вчетверо тетрадный листочек. «Вот послушайте»,— обратилась она ко всем. Развернула, разгладила и начала читать, это были сти-

хи, почти без рифмы, но душевные и трогательные до слез, про то, как он любит свою старую бабушку, хочет поскорее вернуться к ней, помогать и беречь ее всю жизнь. Когда она закончила читать, какая-то молодая особа, которая стояла на улице рядом с раскрытой дверью курила и слушала, с усмешкой бросила: «Знаем мы эти письма с неволи, как только приходят домой, то и следа от их любовных сантиментов не остается». «Нет,— резко оборвала ее рассуждения бабушка,— мой внучок хороший. Когда моего сыночка Володеньку хоронили, я падала к нему в могилу, хотела, чтобы и меня вместе с ним зарыли, и вот руку сломала». Она подняла вверх свою не сгибающуюся в кисти руку, сложенную как лодка после кораблекрушения с вмятками с тыльной части пястья костями. Опустив руку, добавила: «У меня внучок остался, а он так на Володеньку похож, такой же добрый...— Опять немного помолчала и, не глядя на собеседницу добавила: — А ты не кури, тебе не идет курить. Бывает некоторым идет, а тебе нет, нехорошо!» Сказала и как будто забыла о ней. Начала опять рыться в сумке, что-то приговаривая, о Богородице, которой она молится и на которую надеется. И теперь Божья Матерь должна помочь вернуть из тюрьмы ее внука. А как же иначе.

Опять подошла к окошку, где разговаривал с вновь пришедшими родственниками заключенных, все тот же милиционер. Он-то знал, что сказать старой женщине: «Иди бабушка на прием к начальству в тюремную администрацию. Здание рядом, они тебе все объяснят». Не слушая и не обращая на нее внимание, всем своим видом говоря, что разговор закончен, криво усмехаясь, отвечал он на вопросы следующих из очереди. А она, направляясь к выходу, все повторяла и повторяла, приговаривая, что был у нее сыночек Володенька, и что здесь у нее внучочек, и что боится она умереть, поэтому-то и пришла забрать его, ведь они там! Подняла большую руку, указывая в ту сторону, где должно находиться это всемогущее начальство. «Отдадут ей его!»

РЕВОЛЮЦИЯ В ОБРАЗАХ ПОЭЗИИ

Олег Кочетков
(Москва — Коломна)

ВОЛЯ — ВОЛЧИЦА

От редакции: Октябрьская революция, Гражданская война, вставшая на дыбы индустриализации 30-х годов страна — все это воспринималось современниками как зримые черты создания нового мира. Мы, отдаленные от тех событий несколькими поколениями, судим о тех годах более объективно, как правило, выделяя доминанту исторической судьбы России, русского народа, выпавших им испытаний. Это замечательно образно отражено в публикуемых ниже стихах нашего постоянного автора, члена редколлегии «Приокских зорь» Олега Кочеткова (Москва – Коломна).

Стихи написаны в разное время. Некоторые вошли в его буклет «У слез на отшибе», изданный в 1992 году к IX съезду писателей России, и в новую книгу поэта: «Воля — волчица» (Москва. Издательство журнала «Москва», 2007.— 140 с.— Библиотечка «Коломенского альманаха»).

«Боль утрат, сомнения и тревога — в стихах Олега Кочеткова поднимаются до высот гражданственности и осознания своей личной ответственности за судьбу Отечества. Именно поэтому они не могут оставить читателя равнодушным...» (Из аннотации к буклету «У слез на отшибе»).

СЛУЧАЙ С ПАМЯТНИКОМ СВЕРДЛОВА

Комиссары всех рангов, мастей,
Встаньте в страшном своем карауле!
Возле всех своих бездн, пропастей,
Коим некогда вы присягнули!
Содрогайтесь от Спасской — Кремля
И от лобного места державы,
Голой пяткой брусчатку дробя,
Ради новой, неслыханной славы
Пьедестал свой оставив: «Эх ма!» —
На Пожарского, верного князя,
На «Блаженного» перекрестясь,
Грозно шествует Минин Козьма!
Он правой направляет стопы,
Где поодаль осадного ГУМа —
Ваш кумир в стороне от толпы
Длит свою комиссарскую думу.
Вся она — на зловещем пенсне.
Обаятельнейший убийца!
Насаждавший террор по стране,

Он опять — в самом центре столицы!
Геноцид против плоти земли
И расстрел Государева корня!
Как далече же нас завели
Эти действия — видим сегодня!
Вот подходит Козьма тяжело
И десницу свою удалую
Он подьмлет: «Да, сгинет же зло!
Послужу я за правду святую.
Совершу, то, что должно бы Вам
Всем собором уладить обычно.
Только вижу я — не по плечам
Это дело Вам. Мне же — привычно!
В златоглавой, в свой век, с площадей
Иноземцев гонял я бывало!»
И десницей мужицкой своей —
Опрокинул металл с пьедестала!
...Никакого здесь вымысла нет.
Все случилось в небесной России,
Там, где вечный и праведный свет —
Есть дела еще и — не такие!

СМЕРТЬ КРАСНОАРМЕЙЦА

На бруствер упал, и слетела
Буденовка с русых кудрей.
И сразу трава заалела,
И дернулись дуги бровей
Его побледневшего лика,
И руки вокруг заскребли,
Как будто мешали бруснику,
С ошметками влажной земли...
Какая-то воля другая
Уже заполняла весь свет.
Смотрел он туда, не моргая,
Где небо сходилось — на нет.
Ползли облака непрерывно,
Бесшумно, далеко, легко.
Глядел он туда неотрывно,
Не видя уже ничего.
В агонии вздрогнуло тело,
И мысль улетела в зенит,
О том, что умрет он, а дело
Его — все равно победит!
И мысль, оказалась — гадалка!
Лишь жалко его самого...
Острее, тем более жалко:
Ведь вышла победа — его!..

РАССТРЕЛ БЕЛОГВАРДЕЙЦА

А расстреливали на заре...
В ежевикой поросшей лощине.
И конвой, развернувшись в каре,
Ждал приказа, в предутренней стыни.
Первый луч из-под дальней гряды
Облаков вдруг прорезался споро,
Оживляя траву и кусты.
И заклацали, резко, затворы.
За пределом, повыше голов,
Ему чудилось: что-то вершилось,
Раздвигался какой-то покров.
Все — до крайности в нем обострилось...
Ощутил горьковатый настой
Чабреца, сон-травы, ежевики
И бессмертника запах густой.
Дух — щемящий, желанный, и дикий...
Пронеслось в воспаленном мозгу,
Что хоть этим — Отчизна осталась!
И такую почуял тоску,
И такую знобящую жалость!
Словно видел уже — как молчком
Возвращаются конвоиры...
А над каждым торчащим штыком,
И над каждым дрожащим цветком —
Радость солнца в проснувшемся мире!

ТЕРРОРИСТКА

По темной аллее, она,
Шелками шурша, проходила.
Сквозь ветки над нею луна
О чем-то в ночи ворожила.
И цокали туфли ее
Решительно и непреклонно.
Темнело на шляпе перо,
Белело лицо отрешенно.
А он перед сном подышать
В любимую вышел аллею,
Напомнивши — не закрывать
Высокие двери лакею.
Окликнув, к нему подошла,
Ничуть не таясь, не скрываясь,
Глазами его обожгла.
А он, перед ней извиняясь,
Халат на груди запахнул,
Серебряный крестик цепляя,
В глазах ее черных тонул...
И видеть того не желая,

Как щелкнул пред ним ридикуль,
Как выхватила поспешно
Наган, и — качнуло от пуль,
И — пламя в груди его грешной!
И пачкая кровью газон,
В ознобе последнего стона,
Мучительно выдохнул он:
«Красива — как дева Сиона!»

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОЖА́НКИ

В годы праведного Моисея
Или в дни, когда жил Соломон,—
И возникла вот эта идея,
Ее смысл — не был смысла лишен!
В Назарете ли там, в Вифлееме,
(Те во мрак уползли времена!)
Словом, в древней, как прах, Иудее
Появилась впервые она.
Смысл ее — чтобы в час приношенья
Жертв кровавых на Яхвы алтарь
Экзекутор бы кожу оленью
Надевал, — так указывал царь!
Когда жертву, клинком своим, с силой
Он пронзал, и когда бы текла
Кровь закланной овцы иль козла,—
То одежду чтоб не обагрила!
Не от этого ли ритуала
Появилась в Октябрьские дни,
И в чекистской среде засверкала
Та кожанка? А ну-ка — смекни!
И недаром, конечно, недаром,
Красный бант ее так оттенял,
И так шла она всем комиссарам.
Свердлов в ней неспроста щеголял!

СТАРИК У МАВЗОЛЕЯ

Подошел к Мавзолею, штыки
Пресекли его путь.
Попросил он: «Пустите, сынки,
На живого взглянуть!»
Но сверкали штыки в тишине,
Сквозь курантовый бой.
А он с шапкой в руках, в стороне,
С головою седой!
«Не нарушу я вечный покой.
Поклонюсь, и — всего! —
Погляжу лишь — он вправду такой,

Как рисуют его?
Я желаю на старости лет
Лицезреть его лик!
Вот возьмите партийный билет,
Наколите на штык!
Ни к чему мне он, отбыл свой срок,
Домовина зовет.
Был запутан мой век и жесток.
Красный лозунг: «Вперед!»
Намахались такого сплеча,—
Что отсохло плечо!
Только лампочка Ильича
Догорает еще.
Все деревни крапивой взялись,
Доживает изба,
И на всю-то окрестную жизнь
Только я да судьба!
Издадека я, издадека,
На все стороны — Русь!
Пропустите к нему, старика,
Я за все — поклонюсь!»

* * *

Да, за веру они и царя
Свои буйные честно сложили!
И погибли, наверное, зря.
Но Отечество крепко любили!
За него-то и встали тогда,
Ни к чему нам сегодня лукавить!
Отшумели такие гола,—
Все равно ничего не поправить!
А ведь были — один к одному.
Корпус Пажеский, канты, погоны.
И таких расстреляли в Крыму,
Безоружных загнав в эшелоны!
Руки за спину, камень к ногам,
Да с обрыва — в морские объятья!
Так и надо им всем, «белякам»,—
Вот и все тебе сестры и братья!
...Осуждать никого не берусь,
И ни тех, и ни этих, пожалуй.
Только кто растворит мою грусть,
Хотя срок уже канул немалый?
Так случилось. Вины — не вини...
Лишь одним свою душу спасаю:
Что я дрался б в те страшные дни.
А на чьей стороне вот — не знаю!

1985

НОЧЬ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ЧЕКИСТА

С ливера, да с отрубей, с маргарина —
О мировой революции бредни —
В бедной башке, а в сознание — картина —
День Государя, последний:
Вопли истошные нервной царицы,
Сам, как пред свечкой — иконка!
Да разметавшие косы девицы,
Да ясноглазый мальчонка.
Как наводил все, вскидывал в шоке
Свой револьвер разряженный.
Что им — Юровский да Голощекин
Шая? А я-то — крещеный...
...Глаз не сомкнуть... приподнялся в постели:
— Кто там стоит за дверями?
Душу всю выскреб — клопы одолели,
Вон уж — и кровь под ногтями...

1985

ГРЕХ

Наказания грех застарелый
На четвертом лежит поколение.
Разделимый на красный и белый,
И поныне он в тяжком боренье
Меж одним и другим перепадом,
Меж одной и другою свободой.
Хоть пред Божеским пристальным взглядом
Он — явленье единой природы!
Восстающей на жизнь, как на волю
Единения с духом единым
И с Отечеством горьким, родимым,
Завещавшим нам — лучшую долю!

1988

У НАС В ГОСТЯХ

Влада Волновская
(Москва)

СТИХИ

Волновская Влада Александровна литературной и журналисткой деятельностью начала заниматься с 1986 года, поступив на работу младшим редактором новинок русской советской прозы издательства «Современник»; появляются публикации в журнале «В мире книг» в виде книжных обзоров и анонсов выходящих в издательстве книг; сотрудничество с газетой «Московский литератор».

С 1987 по 1993 гг.— обучение на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, работа корреспондентом на киностудии «Мосфильм», в газете «Советская культура», в дальнейшем — «Культура»; 1993–1997 гг.— обучение и стажировка журналистом в Скандинавии; 1998–2001 гг.— сотрудничество с различными периодическими изданиями. С 2004 года начинает писать стихи и всерьез увлекается поэзией. Вышло несколько книг, член Российского общества современных авторов (РОСА); член клуба «Московский Парнас». В мае 2007 года — участник конкурса «Ярмарка талантов» (г. Старый Оскол).

ГЕРОЮ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

Кровавыми каплями памяти
Застыли в снегу наши речи.
Настолько горьки, что славить их
Время не хочет. Встречи
Стали банальны, ведь все
Спиралью свершается снова.
Нелепо в угоду кланяться,
Молить у немого слова.
Рябиновой рыжею россыпью
Я брошу в снега февраля
Слова, что были не сказаны,
Но предназначены для
Торжественных встреч, приветствий
Под гнетом парадных огней,
Где дефилируют дамы
В манто из убитых зверей.
Убитых за то, что красивы,

Несчастливых лишь тем, что в снегу
Им не укрыться от пули
И нечем ответить врагу.
Я брошу слова на ветер,
Как прах развевают тех,
Кто заслужил называться
Героем вчерашних вех,
Он не у дел, не нужен,
Сломлен под гнетом быта.
Не брит, не ухожен, простужен,
И имя его забыто.

Забыто страной и теми,
Кто помнить и чтить обещался,
Забыто друзьями в тандеме,
Кто «плотно» подолгу общался.
Кто говорил красиво
И рисовал перспективы.
Вперед пропускал учтиво,
Множа свои активы.
Забыто, затерто, засвечено
Имя его и дела.
И почернели от боли
Когда-то живые глаза.
Но он не уехал, не сгинул,
Не вышел вон из окна,
Он все еще дышит, как прежде,
Натянутым нервом звеня.

МАРТОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Это было давно и неправда,
Эпоха безумий прошлогодного марта
Двигает в Лету. Резкого старта
Хватило на то, чтоб уйти в отрыв
От тех, кто числился рядом. Нажав на слив,
Прощаюсь с прошлым. Дурное наследство
Не приносит счастья, а горькое детство
Скажется скоро. Уже сегодня
Тает в чьих-то зрачках последняя сотня.

«Это было давно и неправда»
Служит слабым подспорьем. Свершенного факта
Хватит с избытком залить глаза,
Но я бросил пить, а сырой вокзал
По ночам приучает к постоянному бдению.
Символы слов следуют тенью
В солнцем залитый проспект и,
Свернув на Марата,
Стирают с фасадов домов
Словоблудия марта.

Ты жалеешь о том, что про март
Не было песен, стихов, баллад.
Да, это правда, я не писал.
Не потому, что не мог. Чужой овал
Дамы, плывущей в соседний вагон,
Не путал с твоим. Звучание в тон
Давало мне фору, но я робел,
Не мог поверить, а близость тел —
Расстояние, в смысле, от тебя до меня
Доводило врожденную наглость до точки,
А стыд — до нуля.

ДОЖДЬ

Весенний дождь,
Потерявший лицо,
С утра беспросветно
Застит мне Солнце.
Барабанит натужно
В перепонку окна.
Плачет, как будто
В подушку из льна
Капают слезы мои со щеки.
Беспричинно и резко
Сжимаю виски,
Не могу отвязаться от мысли,
что дождь —
Это эго мое.
Мой неузнанный гость —
Обездоленная совесть моя,
мой судья,
Не отдавшая сердце
В чужие края.
Этот Дождь
С одиноким, потухшим лицом —
Моя юность,
Ужаленная свинцом
Неприязни, вражды, лицемерия, лести,
Марширующих с флагом
Безнаказанной мести.

БАНЗАЙ

Безнадёжностью пылкой
О бездонное дно
Бьется жалкая вилка
В час, когда суждено
Обрести все печали,
Всех разлук торжество,

Безнаказанной данью
Обложив естество.

Не сумевший проститься
Не способен прощать —
Погловило ненастье
Одиночества рать.
Предреченную данность
Утра желтый топаз
Мы задернули ситцем —
Парой выцветших фраз.

Нам бы всем возвратиться
И себя возвратить
Из скитаний, из странствий,
Прерывающих нить,
Выбивающих почву
Из-под старческих ног,
Где невидящим оком
Зрит невидимый Бог.

НУ, ВОТ И ВСЕ

Ну, вот и все. Я ставлю точку
В конце строки. Кладу на бочку
Все розы мира. Вхожу на плаху
Певцом любви. И пусть все прахом
Пойдет. Мой день грядущий
Воздаст огнем. Впереди бегущий
Объявит всем о конце эпохи
Янь.
Обвожу угодыя взглядом,
Куда ни глянь —
Все ловцы или сети.
Простаков ожидая,
Зубоскальством метят
Чертоги Рая.

Я оставляю сирот
Скорбеть о прошлом —
Наивном детстве, не ставшем пошлым.
Теряя силу, обретать лишь старость —
Удел тщедушных, а мне досталось
Другое наследство.
От всех болезней — одно лишь средство.
Вырвет у смерти, возродит меня вновь,
Залечит раны... твоя любовь.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЦИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Николай Боев
Михаил Крышко

«НАМ НЕ ДАНО ДРУГОЙ СТРАНЫ...»

(о книге В. Савостьянова «Однолюб»)

Поэт Валерий Савостьянов давно вошел в круг известных литераторов Тульской — и не только! — области. Поэтому каждая его книга привлекает пристальное внимание читателей. А также, конечно, и нас, его друзей по литературному цеху: «А чем живет наш младший собрат?», «Какие вопросы его волнуют?», «Какие открытия он совершил в поэтической сфере?».

Правда, будучи человеком интеллигентным, эрудированным и талантливым, он, разумеется, предвидел эти вопросы коллег и в очередной книге ответил на них самым названием сборника стихов: «Однолюб». Здесь предполагается не только и не столько верность любви женщине, сколько верность своим идеалам и принципам, верность самому святому — верность Родине.

*Нам не дано другой страны:
Она — такая.
С ней вместе стынь и жди весны,
Не упрекая.*

*И не пытайся понимать,
Она абсурдна:
То осторожна, словно мать,
То безрассудна.*

*То умоляет: «Не убий!»,
Рожая тройню,
То вдруг сурова, как Сибирь,
Пошлет на бойню!..*

*Из роты, порванной свинцом,
Один спасется...*

Знакомство с предыдущими пятью книгами Валерия Савостьянова дает нам основание более внимательно всмотреться в страницы его шестой. Что ж, становление поэта — процесс долгий и нелегкий. И тем отраднее, что в «Однолюб» поэт предстает более собранным, более целеустремленным и единым во всей книге — однолюбом, патриотом, русским и российским.

Валерий Савостьянов всеми своими генными корнями уходит в глубь тульской земли. И потому, конечно, все его творчество проросло на родной «оборонной» земле, питаясь ее сокровенными, глубинными соками. Это наглядно видно и по новой книге. Здесь Куликово поле и Ясная Поляна, родное село Сергиевское Киреевского района и вся тульская земля, как составная часть великой России. Органично его «тульские» стихи переходят в «российские» — в книге мы встретим Москву и Рязань, Санкт-Петербург и Самару, Нижний Новгород, Вятку и Тверь, Торжок, Псков и Сибирь, а еще Севастополь и Крым (что они — уже не российские?). Но дело-то даже не в географии, хотя в творчестве поэта она не лишняя. Суть творчества Валерия Савостьянова в новой книге заключается в его намеренном, можно даже сказать, принципиальном отходе как поэта от созерцательности — к проникновению поэтического взгляда вглубь. Как истинный поэт, он умеет работать на пределе — на преодолении себя, обнажая суть предметов и явлений, проникая в них, освещая их своим вдохновением. Он берется за сложные темы, не всегда и не каждому подвластные. Порою даже домыслом и вымыслом он пытается их разрешить, наполнить поэтическим содержанием. Здесь надо только понимать, что сложность выражения в художественном слове наших жизненных ситуаций заключается в строгом балансировании между реальной действительностью и домыслом и вымыслом, где весьма чувствительна грань — стрелка этико-эстетических норм. Ведь без домысла и вымысла невозможно само существование литературы, а поэзии тем паче. «Над вымыслом слезами обольюсь», — каялся А. С. Пушкин...

Что ж, Валерий Савостьянов как поэт возмужал. Его ум стал пытливей и глубже, а поэтический взгляд пристальнее, острее. Благодаря этому он умеет выхватить из окружающего мира, из жизненной ситуации самое необходимое. Завидная концентрация качества «Однолюба» — пример настоящего тщательного отношения поэта к своему делу. Сборник «Однолюб» получился ровным — в хорошем смысле этого слова. Ведь в последние годы, когда нет уже тех издательств и того института редакторов, что не давали праздновать бал графаманам, так обильно взросшим и процветающим сегодня на ниве «демократии», эта высокая качественная ровность стихов поэтического сборника — уже сама по себе довольно большая редкость. Особенно если учесть, что «Однолюб» — это книга новых, а не избранных из всего творческого багажа поэта, стихотворений. Читаешь, и многие стихотворения сразу запоминаются: то своей яркой непримиримой гражданской позицией, то своей лирической дерзостью и нежной музыкальностью повторяющихся строк, то какой-то философской простотой и мудростью, верой в торжество Высшей Справедливости, а порой, даже на фоне всего разнообразного величия современной поэзии России, и своей тематической новизной. Так и хочется назвать на наш взгляд лучшие из них: «Примерка», «Однолюб», «Страна», «Советский Крым», «Призвание», «Артист», «Совет поэтов» и многие-многие другие.

В свое время А. С. Пушкин заметил: «Бойтесь не просторечия, а простомыслия». Мы же с удовольствием отмечаем, что поэт Валерий Савостьянов следует этому завету...

Однажды в Москве одному из нас довелось встретиться со старым знакомым —

известным критиком Михаилом Числовым. В разговоре он поделился: мол, написал статью о вашем земляке поэте Валерии Савостьянове. И подчеркнул, что у Валерия есть ряд добротных стихов. Взял со стола рукопись своей статьи, которую он подготовил для газеты «Российский писатель», и прочел:

Брат, хоть я не привередник,
Мне сегодня тяжело:
Я империи наследник,
Чье названье с карт сошло.

Я лишь ей давал присягу,
Ей оружие ковал,
Кровь свою — больному флагу
Для нее переливал.

Я любил ее устало,
Мог с устатку нагрубить —
Но когда ее не стало,
Стало некого любить...

Прочитав эти, явно понравившиеся строки, Михаил Числов рассказал еще, что заходил лауреат Государственной премии России поэт Валентин Сорокин, и он познакомил его со стихами Валерия Савостьянова. Мастер отозвался о них весьма доброжелательно. Что ж, мастера не ошибаются...

Владимир Сапожников

ОЧЕРЕДНОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГАМБИТ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА

Новый роман известного тульского прозаика и публициста, лауреата литературной премии им. Л. Н. Толстого Алексея Афанасьевича Яшина «Живые шахматы» захватывает читателя с первых строк произведения. Главная фигура повествования — уже знакомый по предыдущим книгам А. Яшина персонаж Николай Андреевич. Обычный, можно сказать, почти среднестатистический русский инженер, не лишенный талантов, увлечений, слабостей, даже пороков, с достаточно обычной для нынешних 50–60-летних людей судьбой. Эпизоды воспоминаний детства, отрочества, юности главного героя, смело вплетенные автором в палитру недавнишней советской, затем российской нынешней жизни нашей непростой страны, звучат гармонично и трогательно в «Живых шахматах».

Вообще весь роман А. А. Яшина по завке, сюжету напоминает сложную, почти патовую шахматную партию. И неясно до конца повествования — кто же выиграл или проиграл, выиграет или проиграет эту партию: добро или вселенское зло, нравственная отеческая русская вера или сатанинские силы, захватившие Русь?

Жизненно, убедительно смотрится ублюдочный образ комиссара Гоши, почувявшего, что в смутные дни Гражданской войны пробил его звездный час... Но даже этот образ неоднозначен, трагичен, местами просматривается в нем что-то человеческое, а не только желание царствовать, ломать, уничтожать других людей, их ментальность... Пренебрежение к менталитету русского коренного населения ни к чему хорошему не приводило, не приводит и сейчас. Незадачливого комиссара «пустили в распыл» свои же... А святыни, пусть и разграбленные, оскверненные — но стоят...

Православие в России — это не столько и не только вера — это форма сбережения русского духа, русской культуры. И это должны уважать и учитывать все званые и незваные гости, заглядывающие в наши края, а тем более, если они отказались от устоев своей Родины и поселились среди русских! Без этого не выжить никому из иммигрантов! Да так и в любой другой стране. Не зря же люди, переезжающие в США, обычно даже меняют свои имена, фамилии на американский лад — лишь бы меньше выделяться среди коренных жителей и поскорее ассимилироваться среди них. И это нормально и разумно. Тогда не возникает событий, как в Кондопоге!

Роман А. А. Яшина захватывает различные события новой и новейшей истории России, русской цивилизации. Среди героев романа и легкомысленные, безответственные, ленивые студенты-балбесы шестидесятых годов, которые вместо того, чтобы честно проходить производственную практику, погружаются на пару месяцев в беспобудную пьянку, а потом еще донимают приколами незадачливого коменданта

общежития, где они организовывали свои оргии. Достаточно неоднозначен и образ профессора, занимающегося околонучными дрязгами, лакействующего перед своим боссом, который его же и выгоняет с треском за неудачное лакейство.

Как тут не вспомнить известную шутку, которую позволил себе и за нее же чуть было не угодил в тюрьму в тридцатые годы прошлого века и тысячелетия гениальный русский поэт Александр Твардовский. На дружеской пирушке он спросил у своих коллег по перу: «А знаете, почему у товарища Сталина нет «известного места»?.. Подхалимы его начисто слизали!»

В городе Т., где главным образом и происходят события романа «Живые шахматы», византийский, полудикий подхалимаж зачастую возведен в рамки нормы жизни. Например, многие подчиненные считают необходимым выстраиваться в очередь с подарками и поздравлениями с днем рождения к своему начальнику, хотя он их и не приглашал, и более того — никогда не вспомнит, когда у них-то дни рождений! Но, если начальник перестает вдруг быть начальником — на следующий день после этого эти же бывшие его подчиненные не кивнут ему при встрече на улице. Не зря талант великого Салтыкова-Щедрина, как гениального сатирика расцвел именно в период его жизни в г. Т!.. С этим нельзя не согласиться с Алексеем Афанасьевичем Яшиным.

Яркие образы, живые картинки былого и нынешнего, неожиданные переходы из одного периода истории в другой в романе «Живые шахматы» наполнены постоянным юмором, оценками, пусть и не всегда однозначными (но на то они и авторские оценки!), происшедшего и происходящего с нами. В этом смысле А. Яшин, несомненно, — продолжатель традиций Салтыкова-Щедрина, Гоголя в русской прозе. «Шахматная игра», которая развернулась на страницах нового романа А. Яшина, захватывает читателя, трудно оторваться от чтения. Возникают новые мысли, оценки... И все это свидетельство несомненного прозаического таланта Алексея Афанасьевича, который, безусловно, профессионально прибавляет от каждой новой плодovито написанной им книги. Наверное, выручают природный северный ум, разносторонние увлечения и интересы. Ведь А. А. Яшин не только член Союза писателей России, а еще и доктор технических и биологических наук, заслуженный деятель науки РФ и т.д.

Хочется поздравить автора «Живых шахмат» с бесспорным литературным матом, который он в напряженной словесной, исторической игре одержал в своем новом интересном, во многом, видимо, автобиографичном, произведении.

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

От ведущего рубрики: Продолжая начатую в предыдущем номере журнала рубрику, с учетом выраженной тематической направленности настоящего выпуска «Приокских зорь», ниже обратимся к послереволюционной поэзии, расцвет которой относится к 1917–1925 годам. Это своеобразный период в литературоведении называют еще «ранним послереволюционным», «ранним советским» и так далее. Своеобразие же его обусловлено как судьбоносными для России и всего мира событиями, так во многом и смещением акцентов в русской поэзии, впрочем, начавшимся еще в 1900-е годы, а именно: заканчивается величественный, освежающий. Но и чуть ностальгический (особенно — Иван Бунин) «серебряный век» поэтического творчества с его обилием имен, что называется, первого ряда.

Итак, революционные потрясения 1905-го года вызвали смятение в творческой среде, а в поэзии расцвел эклектизм, правда, скорее в позитивном значении этого слова. Проявились поэты под знаменами самых экзотических «измов»: футуристы Владимир Маяковский и Давид Бурлюк, символисты Валерий Брюсов и Александр Блок, акмеистка Анна Ахматова, имажинист Сергей Есенин. Но ведь это не скопище многочисленных «дадаистов», имена которых давно забыты! Это *Имена* с большой буквы, а не те, про которых зло сказал Маяковский: «Кудреватые митрейки». Справедливости ради: столь обиженный пролетарским трибуном Леонид Кудреватых стал добротным русским и советским поэтом, писал хорошие стихи, дожил чуть ли не до 90-х годов, написал замечательные мемуары-воспоминания о том интересном времени, где с большим уважением говорит о своем обидчике... Вот так-то!

...И не один Кудреватых отказался от модных «измов» и стал просто хорошим поэтом в силу данных природой способностей. Очень скоро отказались от постулатов символизма Блок и Брюсов, а какие-то имажинисты и акмеисты выдающиеся русские поэты Есенин и Ахматова?

И только Маяковский («*Мы — иллюминаторы новых городов*») последовательно отстаивал свое право отказа от силлабо-тонического стиха и перехода в доминирующую ритмику, где рифма суть логически-смысловый вывод из стихотворной строки. Что ж, имел право, потому и стал Владимиром Маяковским... Резюме: если бог дал поэтический талант, то он и проявится, а всякая групповщина «измов» — это всего лишь детская болезнь, помноженная на специфику эпохи.

В целом в данном отношении и ранний послереволюционный период советской уже поэзии нес в себе черты символизма, модернизма, даже декаденса 1900–1910-х годов. Также шумел в зале Политехнического Давид Бурлюк, демонстрировал приверженность символизму Андрей Белый... и Саша Черный торил свою тропу. Оставались истовые акмеисты и имажинисты. Многих из них каноническое литературоведение относит к поэтам «второго ряда». Как клеймо поставили! И нам приходится открывать их заново.

Ниже мы публикуем стихи двух таких «истовых» имажинистов: Александра Кусикова и Вадима Шершеневича,— это содержание раритетной книжки: *А. Кусиков, В. Шершеневич. Имажинисты. Коробейники счастья.*— М., 1920.— 19 с. (без указания издательства).

Прочитай, уважаемый читатель, особенно — осваивающий искусство поэтического самовыражения. Здесь многому можно поучиться... для чего, собственно, мы и ввели в журнал настоящую рубрику. Стихи печатаются с сохранением орфографии и стилистики тех лет, т.е. до реформы русского языка (1960 г.).

Имажинисты

КОРОБЕЙНИКИ СЧАСТЬЯ

Александр Кусиков

КОЕВАНГЕЛИИРАН

Поэма причащения

1.

Полумесяц и Крест,
Две Молитвы,
Два Сердца,
(Только мне
— никому не дано)
В моей душе христианского иноверца
Два Солнца
А в небе одно.

2.

Звездный купол церквей,
Минарет в облаках,
Звон дрожащий в затоне
И крик муэдзина.
Вездесущий Господь,
Милосердный Аллах —
Ля иля иля-ль ла,*
О во Имя Отца,
Святого Духа,
И Сына.

3.

Два Сердца,
Два Сердца,
Два Сердца живых,
Два Сердца трепещущих равно.
Молитвенно бьются в моей рассеченной груди,
Вот закутанный в проседь черкес,
Вот под спицами няня. —
И мне было рассказано,
Что у Господа Сын есть любимый,
Что Аллах в облаках. Един.

4.

Разбрызгалось солнце в небе
Лучами моей души,

* Нет Бога, кроме Бога.

Надежд моих радужный гребень,
Седину облаков расчеши.

5.

Нет во мне капли черной крови,
Джин коснулся не меня —
Я рядился в базу коровьем
Под сентябрьское ржанье коня.

Заколотым осень верблюдом
Жертвой к рождению легла,
В замке предугаданным чудом
Припала отмычки игла.

Порешили, что буду немым я,—
Но с червонным пятном на ноге
Я прильнул на сладчайшее вымя,
Когда ночь была в лунной серьге.

Тайну месил я в кизеки,
Выглядывал в базовую щель —
Но вот, на лесной засеке
Отыскал я незримую Ель.

Вековая в небо верхушкой,
В рассыпанный солнце овес —
Я взобрался и в ночь прослушал
Мерцающий шепот звезд.

Сквозь сосцы бедуинки Галимы,
Сквозь дырявый с козленком шатер,
«Я» проникло в куда-то незримо,
Как кизечный дымок сквозь костер.

Не нагонит напев муэдзина,
Не вернет призывающий звон,
Если глас вопиющий в пустыне
Бросил «Я» в неисходное «Он».

6.

Высохло озеро Савской царицы,
Захлебнулся Ефрат — и в простор...
Помни — нельзя укрыться,
Если лучится укор.

Так не укрылся Ирод,
Волхвы не пришли к нему —
Помни, — отжившему миру
Не избежать ответных мук.

Долго будут еще над отцами
Сыпаться слез газыри,
Пока все не проникнут сердцами
В апельсиновый сад зари.

Пока все не умчатся за грани,
За нельзя на крылатом коне, —
Будет веков умиранье,
Быть Аль-Хотаме в огне.

Будут еще потопы,
Ковчег и все новый Ной.
На бессильный погибели ропот
Пришел уже Третий, иной.

Был Назаретский Плотник,
Погонщик верблюдов был,
Еще один Черный Работник
Не поверил, — и молотом взвыл.

Ослята словами запели,
Овны поклонами в зем —
Прозрели,
Прозрели,
Прозрели,
Два глаза его, — две газели
Из колодца любви Зем-Зем.

7.

Сквозь мудрость сосцов Галимы
Вскормленный ее молоком,
В никуда я проник незримо
Из база кизечным дымком.

1918–1920 гг.

АЛЬ-БАРРАК

О время грива поределяя
Я заплету тебя стихом,
Подолгу ничего не делая,
Я мчался на коне лихом.

Уздой — порыв, надежда — стремя,
Серебряное стремя дня.
И выстраданный вздох мой — семя,
Растущее вокруг меня.

Швырнул я сердце звонко в эхо,
В расстрелянный раскат грозы. —
И пал расколотым орехом
С нагорной выси мой призыв.

Я мчался на коне крылатом
В нельзя, за грани, в никуда,
За мной дома и сакли, хаты,
Аулы, села, города.

Так что же, разве конь подстрелен,
Иль эхо выкрала заря —
Все сем небес подперли ели,
Моих стихов священный ряд.

Я все познал, еще познаю,
Еще, еще, за мною все,
Мы не в луну сабачим лаем
Мы в предугаданный рассвет.

Я этот мир в страну другую
Несу в сознательном бреду.
Я радугу дугу тугую
Концами жилисто сведу.

О в дали белая дорога,
О сладостных томлений рок.
Нет в небе Бога кроме Бога
И Третий Я Его Пророк.

Так мчись же конь, мой конь незримый,
Не поредела грива дней,
В четвертый мир неизмеримый,
В заглохший сад души моей.

14/IV.20 г.

* * *

Притти от туда
И уйти в туда,
Опять притти,
Опять уйти,
И снова...
О бред мучительный «в куда?»
О недосказанное слово.

Ночь Ариман и День Ормузд —
Бессмертна смерть в бою вращений.
А сердце затаенный груз
Слепых, блуждалых предрешений.

В скворешник глаз зрачков скворцы
Все тащут с солнц и с лун соломки,
Но им из золотой ворсы
Гнезда лучистого не скомкать.

И мне семь неб не растаскать,
Не перегрызть мне звезд орешки...
И поднебесная тоска,
И взор заплаканный скворешник.

Но палочкой земной оси
Я покачу экватор обручем
В неразгаданную синь,
Прямо в синь,
В туда,
В заоблочье.

26/XII.19 г.

* * *

Так ничего не делая, как много делал я,
Качая мысли на ресницах сосен,
Я все познаю, вечность затая,
И яблоко земли проткну я новой осью.

Нагорный лес причудливых видений,
Тропинки тайн неперечтенных строк —
Здесь я выслеживал незримого оленя
Моих проглоченных тревог.

О сколько слов в шуршащем пересвисте
Роняет с крыл совиный перелет,
Когда заря кладет в ладони листьев
Копейки красные своих щедрот.

Туман свисает бородой пророка.
Я полным сердцем вечер затая,
Поймал звезду упавшую с востока...
Так ничего не делая, как много делал я.

6/VIII.19 г.

* * *

Уносился день криком воронья,
Предвечерний час недвижного дрожанья,
В этот час совы свой табун храня,
Познавал я мир в переключном ржанье.

В этот час всего: — грохота, тиши,
Хаоса, бессмертья, умиранья —
Я познал, что не пронзит души
И смертельно душу не изранить.

Раскололся шар огненно-литой,
Расплескалась кровь огромного граната —

Облак белый конь в сбруе золотой
Умирал в бою гремящего заката.

7/III.20 г.

* * *

Дырявый шатер моих дум
Штопают спицы луны.
Я звездные тайны краду
Вбивать золотые клины.

Недостижений червь
Дни просверлит в виске —
Поэт, никому не верь,
Даже в надломной тоске.

Твой неисходный день
Сердцем стучится в Сад —
Так в голубой плетень
Лапой зари лиса.
3/V.20 г.

Вадим Шершеневич

ПЕСНЯ ПЕСНЕЙ

Глава 1

1.

Соломону — первому имажинисту,
Одевшему любовь Песней Песней пестро
От меня, на паровозе дней машиниста,
Верстовые столбы этих строк.

2.

От горба Воздвиженки до ладони Пресни
Над костром всебегущих голов.
Орать эту новую Песню Песней
В ухо Москвы, поросшее волосами садов.

Глава 2

1.

Фабричные, упаковщицы, из Киноарса!
Девчонки столиц! Сколько раз вам на спины лечь?
— Где любовник твой? — Он Венеры и Марсы
В пространств, как мировую картель!

2.

Мир беременен твоей красотой,
В ельнике ресниц зрачок — чиж.
На губах помада краснеть зарею,
Китай волос твоих рыж.

3.

Пальцам мелькать — автомобилям на гонке,
Коромыслу плеч петить хруст.
Губами твоими, как гребенкой,
Мне расчесать мою грусть.

4.

Груди твои — купол над цирком
С синих жилок ободком.
В полночи мотоциклетные дырки
И трещины фабричных гудков.

5.

Живота площадь с водостокom пупка посредине,
Сырые туннели подмышек. Глубоко
В твоем имени Демон Бензина
И Тамара Трамвайных Гудков.

Глава 3

1.

Полночь стирать полумрака резинкой
На страницах бульваров прохожих.
От желаний губ пишущая машинка
Чистую рукопись дрожи.

2.

Что трансатлантик речными между,
Ты женщин остальных меж
Мной и полночью славлена дважды
Шуршащего шопота мышь.

3.

Ты умыть зрачки мои кровью,
Верблюду губ тонуть в Сахаре твоих плечей.
— Я прозрачен атласной любовью
С широкой качкою ночей.

4.

Каждым словом моим унавожены
Поля моих ржаных стихов.
От слов горячих таять мороженому
Отсюда через сто домов.

5.

Небу глаз в облаках истомы проясниться.
По жизни любовь, как на 5-ый этаж дрова.
Ты прекрасна, моя соучастница,
Прогибшая вместе кровать.

6.

В сером глаз твоих... оженном пригороде
Электрической лампы зрачек.
Твои губы зарею выгореть
И радугой укуса в мое плечо.

7.

Твои губы берез аллея,
Два сосца догоретый конец папирос,
Ты прекрасен, мол твердой шеи,
Под неразберихой колес.

8.

Липа мостовая в веснушках булыжника.
Слава Кузнецкому лица.
Под конвоем любви мне, шерамыжнику,
Кандалами сердца бряцать.

Глава 4

1.

В небе молний ярче и тверже
Разрезательные ножи.
Пульс — колотушка сторожа
По переулку жил.

2.

Пулемет кнопок. Это лиф — ты
От плеч до самых ног.
Словно пение кверху лифта,
За решоткой ресниц зрачок.

3.

Магазинов меньше в пассаже,
Чем ласк в тебе.
Ты дремать в фонарном адажио.
Ты в каждой заснуть трубе.

4.

Как жир с ухи уполовником,
Я платье с тебя на пол.
— Где сегодня твой любовник?
— Он трамваи мыслей в депо.

5.

Сердцу знать свою частушку
Все одну и ту ж.
Плешь луны к нам на пирушку,
Как нежданный муж.

6.

Твои губы краснее двенадцатника
На моих календаре,
Страсть в ноздрях — ветерок в палисаднике
В передлетнем сентябре.

Глава 5

1.

Весна сугробы ртом солнца лопать,
Чтоб каждый ручей в Дамаск.
Из-за пазухи города полночи копать
На Брюссели наших ласк.

2.

На улице рта белый ряд домов
Зубов
И в каждом жильцами нервы.
В твой зрачок — спокойное трюмо —
Я во весь рост первый.

3.

Под коленками кожа нежнее боли
Как под хвостом поросенка.
На пальцах асфальт мозолей
И звонка
Луж перепонка.

4.

С ленты розовых поцелуев от счастья ключ,
1-2-3 и открыто
Мои созвучья —
Для стирки любви корыто.

5.

Фабричные, из терпимости, из конторы!
Где любовник твой?
— Он одетый в куртку шофера,
Как плевков, шар земной.

6.

В портсигаре губ языка сигара... Или
Где машинист твоих снов?
— Он пастух автомобилей,
Плотник крепких слов.

Глава 6

1.

Как гоночный грузовиков между,
Мой любовник мужчин среди.
Мной и полночью восславленный трижды,
Он упрямым любовью сердит.

2.

Его мускулы — толпы улиц,
Стопудовой походкой гвоздь шагов в тротуар.
В небе пожарной каланчою палец
И в кончиках пальцев угар.

3.

В лба ухабах мыслей пролетки,
Две зажженных цистерны — глаза.
Как медведь в канареечной клетке,
Его голос в Политехнический зал.

4.

Его рта самовар, где уголья
Золотые пломбы зубов.
На ладони кольца мозоли
От сбиванья для мира гробов.

5.

И румянец икрою кета
И ресницы коричневых штор.
Его волосы глаже паркета
И невским проспектом пробор.

6.

Эй, московские женщины! Кто он,
Мой любовник, теперь вам знать!
Без него я, как в обруче клоун,
До утра извертеться в кровать.

Глава 7

1.

Каменное влагалище улиц утром сочиться.
Веснушки солнца мелкий шаг.
— Где любовник? Считать до 100000 — ресницы
Губы поднимать как над толпами флаг.

2.

Глаза твои — первопрестольники,
Клещами рук охватить шейный гвоздь.
Руки раскинуть как просек Сокольников,
Как через реку мост.

3.

Твои волосы, как фейерверк в саду «Гай».
Груди, как из волн простыней медузы.
Как кием, я небесной радугой
Солнце в глаз твоих лузы.

4.

Прибой улыбок пеной хохота
О мол рассвета брызгом смех.
И солнце над московским грохотом
Лучей чуть рыжих лисий мех.

5.

Я картоном самым твердым
До неба домики мои.
Как запах бензина за Фордом,
За нашей любовью стихи.

6.

Твоих пальцев взлетевшая стая,
Где кольцо — золотой кушак.
В моей жизни, где каждая ночь — запятая,
Ты — восклицательный знак!

Глава 8

1.

Соломону — имажинисту первому,
Обмотавшему образами простое люблю,
Этих строк измочаленных нервы
На шею, как петлю.

2.

Слониха 2 года в утробе слоненка,
После в мир на 200 лет.
В животе мозгов $\frac{1}{4}$ века с пеленок
Я вынашивать этот бред.
И у потомства в барабанной перепонке
Выжечь слишком воскресный след.

3.

Со святыми упокой — не страшно этим строчкам,
Им в новой библии первый лист.
Всем песням песней на виске револьверной точкой
Я — последний имажинист.

19 июля 1919 г.

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ: МНЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ

Владимир Жириновский

ИВАН, ЗАПАХНИ ДУШУ

От редакции: Готовя настоящий номер журнала и имея в виду знаменательную дату, мы обратились к известным политикам, в том числе к председателям фракций КПРФ и ЛДПР в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации Г. А. Зюганову и В. В. Жириновскому, выступить на страницах «Приокских зорь» со своими мнениями и суждениями. Большие политические деятели – люди занятые, но вот Геннадий Андреевич и Владимир Вольфович ответили нам (см. фотокопии писем) и прислали свои новые книги*, главы из которых мы публикуем ниже, учитывая, что их содержание соответствует рубрике, а кроме того, во многом дополняет редакционную статью (см. «Колонку главного редактора»). А тот момент, что акценты в материалах, публикуемых в настоящем номере журнала, расставлены соответственно взглядам и позициям авторов, только делает их более интересными для читателя. Материалы публикуем в порядке их поступления в редакцию журнала.

ЧУМА XX ВЕКА

Чумой XX века я, Ваня, считаю коммунизм, ту идеологию, ту суматошную в своей бестолковости теорию и практику всемирной общаги, которую подсунили человечеству и навязали русскому народу.

Мои университеты, моя учеба протекали под знаком и огромным влиянием этой заразы.

Помнишь у Пушкина один из шедевров Болдинской осени – поэму «Пир во время чумы»? Пушкинские персонажи, презрев опасность заражения неизлечимой по тем временам болезнью, чумой, пировали от души. Вином заливали мрачные мысли о страшном настоящем и жутком будущем.

Так и мы, русские, Ваня. Заливали водкой глаза, чтобы не видеть того, что творит с нашей Родиной красная сволочь.

Коммунизм придумали евреи.

* Из книги: Зюганов Г. А. Идти вперед.— М.: Молодая гвардия, 2007.— С. 26—30.

Жириновский В. Иван, запахни душу! Избранные места из романа-исследования о моем поколении.— М.: Изд-ие ЛДПР, 2007.— 48 с.

Нет, Ваня, не Карл Маркс.

Это мальчик, маленький мальчик в сравнении с теми взрослыми дядьками, которые стояли у истоков чумной заразы,

Теория мировой общаги, названная потом (уже в XVIII веке) французскими масонами эпохи Просвещения коммунизмом, появлялась еще до нашей эры.

После исхода евреев из Египта, брожения их с Моисеем по пустыне, они вновь вернулись в Палестину. Раввины разбили евреев по 12 коленам. Это своего рода 12 губерний или областей. Они, конечно, не идут ни в какое сравнение по размерам территории и числу населения с русскими губерниями и областями, на которых по пол-Европы могут разместиться и еще останется место для государства Израиль.

Это были маленькие закутки, где жило по несколько тысяч, а может быть, и сотен евреев.

Но каждое колено имело своего «губернатора», свое «законодательное собрание», свою «церковь» в лице раввина и синагоги.

Всех этих глав и членов собраний избирали сами «коленщики», т.е. народ, население. Словом, та самая демократия, преимуществами которой позднее так блестяще воспользовались евреи в своих целях, живя в Европе и США.

В государство все эти колена объединялись Синедрионом — своего рода президиумом еврейского раввината или по современным меркам — Политбюро ЦК КПСС.

И тут уж никакой демократией и не пахло. Решения Синедриона не обсуждались. Они выполнялись, хочешь ты или не хочешь, тебя никто не спрашивал.

Именно по такому принципу построены современные Соединенные Штаты Америки. 52 штата. Везде свои губернаторы, законодатели, судьи, средства массовой информации и проч. Свои законы. Все избираются всеми,

Демократия, Ваня, так и прет изо всех щелей.

А на практике?

Управляют всеми этими структурами и штатами формально президент США, Конгресс, Верховный суд, редакции центральных СМИ.

Действительное же руководство принадлежит узкой кучке лиц, входящих в высшее руководство масонскими ложами США, а вслед за ними и всего мира. Никто не знает их фамилий. Подозревают. Но со стопроцентной гарантией — никто не скажет. Как принимаются решения в этой «могучей кучке», никто не знает. Протоколов заседаний, как на Политбюро ЦК КПСС, никто не ведет.

Решения этой кучки также передаются исключительно в устной форме.

Поэтому никто ничего ни о ком не знает и узнать не сможет, даже если очень захочет.

Мафия своими структурами управляет именно по таким же принципам. Поэтому с ней так сложно бороться. А если учесть, что наиболее видные мафиози сами входят в число «могучей кучки», то победить мафию — пустое занятие.

У нас такое же устройство при жизни Ельцина как Президента тоже попытались ввести так называемые олигархи во главе с Березовским-Гусинским.

Они договорились в Давосе поддерживать на выборах-96 Ельцина за то, чтобы потом получить возможность управлять этим полубольным алкоголиком.

И многое у них получилось, Ельцина провели в Президенты. Экономiku прибрали к рукам. СМИ — и раньше были у них. Государственную Думу не могли сперва своротить. Но потом купили и ее. Совет Федерации со всеми губернаторами и правой рукой Березовского — Строевым уже был под их контролем.

Казалось бы все. Конец России.

Но не тут-то было.

Они, как и их западные кукловоды, никак не могут понять, что Россия — не Израиль и не США с Западной Европой.

Она живет по своим никем не устанавливаемым и никем не контролируемым законам.

Они не написаны в конституциях и кодексах. Они прописаны в душах и сердцах русских людей.

Красной нитью через все эти законы проходит непонятная опять-таки всем иностранцам, вместе взятым, по словам поэта, «любовь к родному пепелищу». «И дым Отечества нам сладок и приятен», — говорит в комедии Грибоедова «Горе от ума» даже западник и космополит Чацкий.

Заметь, Ваня, по уму — западник. Он в комедии высказывает такие рулады, что окружающим становится неловко. Но ведь в душе этот европеец — русский.

Это природа сказывается, гениальная инженерия, но не методом клонирования овцы, как сегодня пытаются сделать в Англии, а методом рождения, нормального здорового ребенка от нормальной здоровой русской женщины. Вот так!

Мечтательность и доверчивость русского народа сделала его уязвимым для посулов всякого рода ловцов душ. Другие народы не столь податливы.

Оглядываясь сегодня на наше прошлое, 20–30–40–50–60-е годы, мы видим, что то, что вожди КПСС с трибун съездов и пленумов называли марксизмом, ничего общего с собственно теорией Маркса-Энгельса не имело. Да, термины, определения и прочая словесная форма соблюдались. Но внутреннее содержание стало не только не марксистским, но прямо противоположным марксизму.

Примеры? Пожалуйста.

Первый — ленинская новая экономическая политика (1921 год). В чем суть этой политики? Грубо говоря, в экономике — капитализм, а в политике — социализм.

Где у Маркса вы найдете такое сочетание?

Второй — сталинский социализм в одной стране. Опять-таки, какое отношение он имел к мировой революции Маркса? Никакого. Именно за это отступничество от марксизма и критиковал Троцкий Сталина. Правда, закритиковался до того, что посланный Сталиным убийца проломил Троцкому голову в 1940 году.

Вот это, кстати, по-марксистски! Как говорил великий пролетарский писатель Горький: «Если враг не сдается, его уничтожают».

Третий пример — восстановление страны после Великой Отечественной войны. Сталин сосредоточил все ресурсы внутри страны, подчинил все единой воле. Результат известен — к середине 50-х годов СССР вышел на передовые рубежи в науке и технике.

Так что никакого отношения к России «научный» коммунизм Маркса и прочих его реальных и мнимых последователей не имел.

Русский народ сумел преодолеть эту теоретическую утопию. Причем сделал это весьма умно и по-русски неброско: клянясь в верности учению Маркса, произнося вслух марксистские термины, внутренне вкладывал во все это свое — русское содержание. Не случайно в 1991 году народ и пальцем не пошевелил в защиту марксизма-ленинизма, да и самой КПСС.

Как это ни дико прозвучит — мы, наша ЛДПР, защищали КПСС от нападков демократических отморозков. Как потом мы, единственная партия, защищали СССР, резко осудили сперва сдачу Горбачевым-Лукияновым Верховного Совета СССР, а затем и Беловежский сговор Ельцина-Кравчука-Шушкевича.

Советский Союз замыслился как воплощение марксистско-ленинской национальной политики. Он возник, потому что Ленин и прочие большевики (кроме Сталина) выступали с вредной и антироссийской теорией права наций на самоопределение.

Именно благодаря этому «праву» или его ельцинской трактовке — «берите суверенитета столько, сколько проглотите» — был развален СССР, а теперь по всем швам

трещит Российская Федерация. В этом сказался вред коммунистической теории для России.

При коммунизме пили очень много. Почему? Ведь была спокойная безопасная жизнь. Люди гуляли ночью, никто к тебе не подойдет. Всю ночь можно гулять по Москве, и никто к тебе не подойдет даже.

Но была безысходность. Человек не знал, что ему делать дальше. Вот все демонстрации (7 Ноября, 1 Мая) твои. Хочешь, будь правофланговым. Хочешь, левофланговым. Хочешь, носи транспарант или плакат с фотографией члена Политбюро. На овощную базу хочешь? Нет проблем – три раза в год. На картошку — осенью на уборку.

Мы не были собственниками — все чужое. Дом чужой — вы здесь квартиро-съемщик. Лифт — не ваш, телефон — не ваш. Троллейбус — не ваш. Все общественное. Ты идешь словно по чужой земле. Вроде бы равенство. Все равны. Три копейки опускаешь в кассу. Но это — не твое.

Люди были хмурые, потому что в квартире — коммуналка, в троллейбусе — коммуналка, на работе — пять человек в комнате, пять голов сидим, друг друга видим, слышим. Человек не мог быть индивидуальностью. Не мог отдохнуть, не мог оказаться один на один. Вообще даже туризм был коллективный. Туристический отдых по стране и за рубежом. Не было понятия «индивидуальный туризм».

Красивые лозунги. Звучало все хорошо. Но реально ты был никто. Ты был пешка. Винтик. И при этом ты видел страшную коррупцию в Средней Азии, в Закавказье и в Москве. Видел в ресторанах их, южан. Тогда они уже гуляли в наших лучших ресторанах, потому что рядовой москвич не имел денег на рядовой ресторан. А если скопил, то в ресторане не было свободных мест. Если у него были деньги, то было так мало ресторанов, что человеку попасть в ресторан было больше проблемой.

Нужно было столик заказывать заранее. Ты идешь с девушкой, но не знаешь, куда пойти. Кафе любое — очередь. Прорвался в кафе — официантка грубо тебя обслужит, скажет «этого нет, этого нет», это принесет и долго несет тебе сдачу, а у тебя мало денег. То есть посещение кафе, ресторана — тоже была мука.

А баня? Дал 10 копеек, но очередь в кассу, очередь в зал, очередь в душ, очередь в парную, очередь одеться, очередь за теплым пивом. Это была мука.

Везде очереди, везде дефицит. Что дают? Часы. Что дают? Порошок. Что дают? Носки. Что дают? Презервативы. По спискам. Колонны. Пойти в зоопарк — очередь. К клетке — очередь. Зверей не кормить. Куда пойти? Бар, грязная пивнушка, грязные кружки, не доливают. В хороший бар, «Жигули», очередь часа два. Или «Яма» на Пушкинской — опять часа два. И все стоят, все торопятся. Закуска — принесли, забрали. Пиво — взял пить, тебя подпирают, сзади проходят, тебя толкают. Что ты будешь делать?

Таким образом, коммунистическая верхушка и толкала людей к сопротивлению режиму. Критиковать нельзя. Не спорь. Не говори. Все нельзя. Я видел, как плохо все решается, как медленно все решается, какой бюрократизм. Годы уходят на все это.

Нельзя было добиться ничего творческого. Никакого порыва. Никакой индивидуальности. Тогда уже сносили все эти палисадники и парники. Что они делали? При мне Хрущев запретил держать в городах живой скот. Что же делать? Кроликов — нельзя, голубей — нельзя, корову — нельзя, кошку — нельзя, собаку — нельзя. Что можно?

Этим обусловлено то, что тогда «научный» коммунизм доказал свою иллюзорность, когда рухнули вдалбливаемые нам десятилетиями марксистские догмы, простые русские люди тут же обратились к Православию. По крайней мере, идеалы Православия, церковные принципы не лгут, как лгали партийные кукловоды из КПСС.

ЧЕТВЕРТАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ОТ АВГУСТА 91-ГО К ДЕКАБРЮ 93-ГО

20 августа 2000 года.

Сажу на даче. Вспоминаю прошедшее.

Боже мой, как хорошо я себя чувствовал в этот день 20 августа, но только девять лет назад.

Тогда последние патриоты России попытались что-то сделать, чтобы спасти нашу с тобой, Ваня, Родину от поругания и распада.

Сердце радовалось от информационных сообщений по радио и телевидению.

В них говорилось о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению — ГКЧП.

Все, что предлагалось тогда гэкачепистами, мною целиком разделялось и поддерживалось.

А что, собственно, предлагалось? Очевидные меры по наведению элементарного, подчеркиваю это, элементарного порядка.

Предлагалось необходимое. Разобраться с коррупционерами во всех эшелонах власти. Пресечь распродажу материальных ценностей. Установить жесткий контроль над использованием денежных и валютных средств. Ударить по воровству и бандитизму всеми имевшимися у государства силами.

Может быть, одно было непонятно — привлечение к этой борьбе армии, вооруженных сил.

Я из окон гостиницы «Москва», там был штаб ЛДПР, увидел подошедшие к центру войска.

Танки выстроились кругом на Манежной площади, на площади Революции.

Но никто никого не гонял. На танках сидели молоденькие ребята, даже неясно было, кто они — танкисты или просто пехотинцы. Ну, были у них в руках автоматы. Офицеров я сперва не увидел. Поэтому не знал, кто же ими командует.

Поначалу они как-то уныло сидели, зажатые в тиски неожиданного для себя положения.

Люди тоже молча стояли на тротуарах, смотрели на танки. Никто не кричал, никто никого не осуждал и ни к чему не призывал.

Но к обеду ситуация, поправилась.

Может быть, потому, что с утра лил дождь, была сырая прохладная погода. Выходить из дому никому не хотелось.

К обеду тучи разошлись, выглянуло солнышко. И все сразу повеселели. Тем более, повторяю, никто никого не гонял, все было тихо и спокойно.

Милиции я тоже не видел. Были, конечно, отдельные постовые, но чтоб оцепление или в касках, а тем более в железных шлемах с дубинками и щитами, как было в октябре-93, нет, такого не было,

Я бы даже сказал, что все было обыкновенно, буднично.

В метро, в троллейбусе, трамвае, по крайней мере, там, где ехал я, где я был сам лично, никто не высказывал ни тени беспокойства от происходящего.

Те, с кем удалось обменяться краткими мнениями, больше были удовлетворены, чем огорчены, и танками, и введением ЧП, и теми мерами, какие начали предпринимать органы безопасности страны.

Помню, как одна вовсе не старая, а весьма молодая и симпатичная женщина, как бы рассуждая вслух, заметила: «Ну, слава Богу, может, хоть сейчас все придет в норму, и опять заживем спокойной жизнью».

К сожалению, в норму не пришло. И не потому, что причиной напряженности выступила власть, ГКЧП, нет.

Источником беспорядков, последовавших после введения ГКЧП, оказался Ельцин и его компания. Отсидевшись на даче, проспавшись от выпитого со страху виски и коньяка, эта публика решила выступить даже не против ГКЧП, а как бы не «за». Ну, а дальше — больше.

В ход пошли лавочники, мешочники, просто дураки и желавшие побузить лица всех оттенков и национальностей.

Очень много оказалось на улице пьяных. Видел, как на Манежной площади подогнали грузовичок и оттуда дюжие мордатые молодцы вытащили несколько ящиков водки, лимонада, какой-то закуски. Совали в руки прохожим пластмассовый стаканчик: «Пей, мужик, бесплатно угощает тебя наша фирма», — с ударением на последнем слоге.

«Пей, ведь на халяву, бесплатно!» — орал мордатый. К нему бежала целая орава сосунков лет по 15–16. Я жил тогда возле Сокольников и насмотрелся на этот сумасшедший народец. Началась повальная пьянка...

Ну, а дальше, Ваня, ты знаешь, чем эта пьянка завершилась. Бессмысленная и беспощадная. Как и любой русский бунт.

Никогда я не защищал КПСС, тем более ЦК этой правившей 75 лет партии. Она виновна во многих, чтобы не сказать во всех, наших бедах.

Но то, что я видел, кажется, 23 августа на Старой площади меня возмутило до глубины души. Представляешь, Ваня, полупьяная толпа орущих людей, среди которой я видел и немалое число женщин, кидала в окна здания ЦК камни, пустые бутылки.

А некоторые наиболее отмороженные личности с опухшими рожами били стекла окон первых этажей палками. У одного заметил даже хоккейную клюшку.

Значит, готовились к погрому? Выходит, что так, готовились.

Зашел в переулок, точнее, толпа меня занесла туда. Вокруг — искаженные ненавистью рожи, дикие крики матом, призывы ломать двери и врывать в само здание.

Но публику остановили вооруженные автоматами омоновцы, стоявшие сразу же на входе. А в самом здании я увидел станковый пулемет, обложенный мешками с песком.

Получается, что здание уже было захвачено спецслужбами, ждали эту озверелую толпу, чтоб под улюлюканье и вопли из здания вывести работников ЦК КПСС, тех руководителей этой самой старейшей и единственной правящей в нашей стране партии, которые еще не сбежали и завершали оформление дел и их передачу спецслужбам Ельцина.

Основная масса народа к этому «деланию истории» отнеслась совершенно безразлично. Всколыхнулась эта инертная и безразличная масса только после января 92-го года, когда Гайдар «отпустил цены». И они за месяц увеличились в сотни раз. А буханка хлеба стала стоить полпенсии бывшего совслужащего.

Вот только тогда этот служащий, рабочий, мастер и пр. спохватился: «А что же произошло, мать-перемать? Как же так?» Да и то не сам всполошился, а после того, как вечером или уже в кровати ему обо всем этом рассказала либо жена, либо любовница и стала пилить из-за отсутствия денег.

А чего пилить? Испокон века наши люди русские безразлично относились к судьбе своего Отечества, пока, как говорится, не припечет!

Вспомним дневники Ивана Бунина «Окаянные дни», по времени относящихся к 1917–1918 годам. Вопрос русского благодушия, граничащего с наплевательством ко всему и вся, волновал тогда и Ивана Алексеевича.

«Откуда это равнодушие? — спрашивал он сам себя. — Между прочим, и от ужасно присущей нам беспечности (Ваня, слышишь — беспечности, не зря я умоляю тебя, прошу — запахни душу, не открывай ее всем, кому ни попадя), легкомысленности,

непривычки и нежелания быть серьезными в самые серьезные моменты. Подумать только, до чего беспечно, спустя рукава, даже празднично отнеслась вся Россия к началу революции, к величайшему во всей ее истории событию, случившемуся во время величайшей в мире войны!»

В точку бил твой, Ваня, тезка. Как с ним не согласиться?

К сожалению, среди более чем полусотни партий и организаций, появившихся к августу 91-го на политической арене России, ни одна, в том числе ни КПСС, ни КП РСФСР, ни одна, я это не устаю повторять уже десять лет, партия не осудила «демократическую» четвертую революцию после революций 1905, февраля и октября 1917 годов.

Только наша партия — ЛДПР сразу же еще в августе поддержала ГКЧП и осудила насильственные методы четвертой революции. И я, Ваня, горжусь этим нашим, поверь мне на слово, мужественным поступком.

Потому что тогда, после провала ГКЧП, все наши тогдашние и нынешние деятели спрятались по кустам. Никто ничего не говорил. Боялись Ельцина, боялись что их, как и гкачепистов, посадят в Матросскую тишину.

Я как лидер ЛДПР — единственный, кто выступил с протестом против самоуправления новых властителей. Зачем уважаемых людей бросать на нары? Есть тысяча других способов, чтобы разобратсья с ними достойно и без крайностей.

Почему провалился ГКЧП, Ваня, я писал уже много раз, раскрывал внутренние и внешние причины, показывал негативные последствия этого события.

Думаю, что самая главная причина происшедшего и с ГКЧП, а затем и с КПСС в целом, — это полнейшая утрата доверия простых людей к их власти, нежелание видеть в них авторитет государства.

И надо сказать, что для такой потери доверия имелись все основания. Помнишь, Ваня, стихи гениального русского поэта Федора Ивановича Тютчева:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить...*

Вот так, Ваня, — в Россию можно только ВЕРИТЬ.

В Госдуме первого созыва в феврале 1994 года наша самая крупная фракция ЛДПР настояла на принятии для них амнистии. Очень тяжело шло постановление. Фракции Гайдара, Явлинского, многие так называемые «независимые» депутаты — все были против его принятия.

Из всех, кого выпустили по нашей думской амнистии, никто не поблагодарил нас, депутатов фракции ЛДПР.

Один только Хасбулатов позвонил мне и сказал: «Спасибо, Владимир Вольфович. Весьма вам признателен».

Вот и помогай после этого людям.

Геннадий Зюганов

ЛЕНИН И РЕВОЛЮЦИЯ

Октябрь неотделим от имени и дела Владимира Ильича Ленина. Думая о будущем, мы обязаны полностью учесть весь ленинский опыт социально-экономического созидания и государственного строительства.

Ленин, может быть, как никто другой, сознавал, что невозможно насильственно облагодетельствовать человечество, загнать в рай дубиной. Главное в его политической философии — это идея самоопределения, идет ли речь о личностях, классах, нациях, народах. Вслед за Марксом превыше всего в истории он ценил **инициативу масс**. Ленинское понимание социализма как живого творчества народных масс учит не попусканию общественного прогресса, а заботе о его органическом развертывании, добровольном вовлечении в него большинства. При этом чем глубже революция, тем в большей мере требуется от революционера уважать людей, их вековые обычаи, привычки и даже предрассудки.

Именно Ленину, которого тысячи раз обвиняли в сектанстве, принадлежит замечательная идея **союза с некоммунистами** во всех областях материальной и духовной деятельности, без чего не может быть и речи об успешном движении вперед. Необходимо такой союз прежде всего с крестьянином-тружеником, с солдатом и офицером, с инженером и агрономом, с человеком науки и искусства. Ленин хорошо понимал недопустимость отрыва революционного авангарда от массы и поэтому требовал: лучше двигаться медленнее, но зато вместе со всем народом, лучше «культурничество», то есть развитие старой культуры на основе раскрепощения инициативы народа, чем насаждение нового казенно-бюрократическим насилием. Словом, «лучше меньше, да лучше».

Он предвидел, что «тысячами лазеек обратное правило будет пробивать себе дорогу», и поэтому требовал, чтобы авангард постоянно работал над собой, проникался «спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству», «нахрапу» и «натиску». В «комчванстве», в вере во всемогущество приказа и «коммунистического декретирования» он видел одного из главных врагов действительно нового, прогрессивного.

Всякая революция есть отрицание старого, но не всякое отрицание старого есть революция. Кража, например, отрицает частную собственность, хулиганство — казенную дисциплину, но к революции они не имеют никакого отношения. В антагонистическом обществе достижения техники и культуры, отчужденные от трудящегося большинства, рождают стихийные «обратные» разрушительные силы, направленные против завоеваний цивилизации и остающиеся поэтому еще целиком в пределах

старых эксплуататорских отношений, их собственной теневой стороной. Так, в «Собачьем сердце» Михаила Булгакова наука в лице профессора Преображенского, отчужденная от народа и отданная на потребу животным удовольствиям «верхних десяти тысяч», порождает свое собственное, столь же животное зеркальное отображение — воинствующее невежество и хамство в лице Полиграфа Шарикова. Шариков даже читал Энгельса, легко усвоил некоторые перлы революционного красноречия, имел и претворял в жизнь определенные понятия об общественной гигиене. И все же революция никогда не признает его «своим» — более того, он страшный ее **враг**, несмотря на суетные попытки доказать ныне обратное.

Старый порядок мстит социалистической революции тем, что пытается заразить ее вирусом «зряшного», по выражению Ленина, отрицания, психологией взбесившего обывателя, и это самое опасное, что он может ей противопоставить.

Социалистическая революция выстоит лишь в том случае, если найдет в себе силы разорвать порочный круг, возникающий при попытках преодолеть мелкобуржуазную стихию мелкобуржуазными же средствами — голым принуждением. Хаосу, грозящему разнести по кирпичику все здание цивилизации, она должна противопоставить порядок, но порядок, не замкнутый в тисках угрюм-бурчеевской казармы, а воплощающий в себе всю полноту, многообразие и многоцветие жизни — то, что отразилось в общечеловеческой идее гармонии.

Эта сторона ленинского наследия нечасто вспоминалась за истекшие десятилетия, но она составляет неотъемлемую часть учения Ленина о социальной революции, его революционной практики. Да, он умел быть решительным, жестким и суровым и понимал, что бывают периоды, когда необходимо вынужденное применение революционного насилия, ибо вопрос стоит о судьбе народа, о спасении общества от катастрофы. Но он лучше, чем кто-либо из революционеров его времени, понимал **всю грозную опасность привычки к насилию, пусть сначала даже самому справедливому, — опасность незаметного превращения его в неконтролируемую антинародную стихию, рождающую цепную реакцию** зла. В последних письмах, адресованных съезду партии, Ленин прямо говорит об этом применительно к отдельным личностям.

Но дело не только и не столько в личностях.

Трагедия всех великих социальных революций состояла в том, что они не находили действительного ключа к единению массы людей, поднимали волну общественной солидарности лишь до известного предела, за которым начинался распад на социальные атомы, не связанные между собой ничем, кроме стихийной силы взаимной корысти. Камень преткновения для многих и многих социалистов, писал Ленин, составляло неумение найти необходимую степень соединения индивидуального интереса с общим. Наказанием служит, как правило, бюрократическая тирания — стремление создать общественное объединение самым простым, как кажется, путем — приказом «сверху».

История, и в особенности история XX столетия, свидетельствует о том, что никакое материальное богатство, никакие успехи науки, техники, формальной организации жизни сами по себе не спасут человечество от страшных бедствий, неожиданных откатов к варварству, если люди не сумеют заменить казенную принудительную дисциплину товарищеским сплочением трудящихся. Если этого нет, то под угрозой оказываются все завоевания цивилизации — пусть даже речь идет не об угрозе прямого вооруженного насилия, а об опасности разрушения природной среды, культурного одичания.

Ленин не верил в чудодейственную силу отвлеченной нравственной или религиозной проповеди. «Полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная», — говорил он и требовал умения строить новое общество с теми людьми, которые оставлены в на-

следствие капитализмом. Но Ленин исходил из того, что нравственность, моральная сила, решающая в конечном счете исход исторических событий, есть объективное общественное отношение, которое вырастает из общих материальных условий существования данного общества, данной эпохи и которое невозможно изменить простым усилием воли. Это великая сила сознательности масс, которая ставилась Лениным в один ряд с силой оружия и богатства. Это сила примера передового класса, общественного авангарда. Это сила поддержки, которую оказывают революционному авангарду трудящиеся всего мира. Наконец, это сила добровольного сплочения трудящихся в борьбе за свое освобождение.

Моральную силу заменить ничем, а без нее материальное могущество превращается в деструктивный фактор жизни. Как это происходит, мы узнали не из теории, а из горького опыта собственной истории. Сегодня перед нами стоит гигантская задача — восстановить заложенный в Октябре 1917-го нравственный потенциал социализма, морального единства народа во всех его аспектах — от экономических и духовных до межличностных и межнациональных.

**«РУССКИЙ НАРОД, ОСВОБОЖДЕННЫЙ ЛЕНИНЫМ,
НИКОГДА НЕ ДОПУСТИТ, ЧТОБЫ ЕГО СНОВА ПРЕВРАТИЛИ
В РАБА»***

Сегодня мы хотим напомнить нашим читателям свидетельства великих современников Владимира Ильича. Мы обращаемся лишь к нескольким именам, чей авторитет чрезвычайно высок перед эпохами и народами. Послушаем их и еще больше укрепимся в своей приверженности ленинским идеалам.

Ромен Роллан (Франция):

...Я не разделял идей Ленина и русского большевизма. Но именно потому, что я слишком индивидуалист и слишком идеалист, чтобы присоединиться к марксистскому КРЕДО и его материалистическому фатализму, я придаю огромное значение великим личностям и горячо восторгаюсь личностью Ленина. Я не знаю более могучей индивидуальности в современной Европе. Его воля так глубоко взбороздила хаотический океан дряблого человечества, что еще долго след не исчезнет в волнах, и отныне корабль, наперекор бурям, устремляется на всех парусах вперед, к новому миру.

Никогда еще после Наполеона европейская история не знала такой стальной воли. Никогда еще, со своих героических времен, европейские религии не знали апостола столь несокрушимой веры. И, главное, никогда еще человеческая деятельность не выдвигала вождя, учителя людей, столь чуждого каких-либо личных интересов. Его духовный облик еще при жизни запечатлелся в сердцах людей и останется нетленным в веках.

Генрих Манн (Германия):

В жизни Ленина верность великому делу неизбежно сочетается с непримиримостью ко всем, кто пытался этому делу помешать.

Отдавая должное верности, я вынужден согласиться с непримиримостью. Мне стало легче это сделать, после того как я убедился в его способности подчинять свое дело насущным потребностям живых людей. Стало быть, он любил людей так же, как и дело, поэтому он и действовал как великий человек.

Кстати сказать, его величие всегда становилось мне понятнее, когда я думал, что получилось из Германии. Здесь была только слепая ненависть к идее и делу, к идее как к обновляющему принципу и к человеческому обществу как к делу созидающего разума. Все отдано на волю глупости и случая, в результате чего у нас тоже разрушали, но разрушали без толку.

В Германии мы тоже извели экспроприацию, равно как массовый голод и вымирание целых классов. К этому нужно прибавить растление умов, не видящих перед собой и за своим страданием никакой идеи, строящей будущее. Мало ли что было в России — одно несомненно: Ленин сделал свой народ счастливее; и сам он был счастливее, чем суждено любому, кто творит в Германии.

Теодор Драйзер (США):

Когда я был в 1927 и 1928 годах в России, мне случалось видеть на отдаленных окраинах страны, объединенной духом Ленина, крестьян и рабочих, мужчин и женщин, благоговейно склонившихся или обнаживших голову перед бюстом Ленина и, насколько я понял, видевших в нем (и, по-моему, совершенно справедливо) своего спасителя.

Сейчас предстоит гигантская борьба между теми, кто стремится поработить массы, и этими массами, которые не хотят быть больше рабами. Они знают теперь, что господствующие классы хотят жить в роскоши и праздности, что они хотят, чтобы так жили их дети и дети их детей. Французская революция, гражданская война в Америке и русская революция многому научили массы. Русский народ, освобожден-

* Перепечатка из «Советской России» № 8 [11446] от 21.01.1997.— С. 1.

ный Лениным, никогда не допустит, чтобы его снова превратили в раба. Он будет бороться, проникнутый духом Ленина. В исходе этой борьбы я не сомневаюсь. Ленин, его Советское государство восторжествуют.

Каков бы ни был ближайший исход этой борьбы, Ленин и его Россия, гуманность и справедливость, которые он внес в управление страной, в конечном счете победят. Ибо хотя Ленина уже нет в живых, но социальный строй, который он создал и который его соратники и преемники с тех пор привели к нынешней мощи и величию, навсегда останется для будущих поколений.

Бернард Шоу (Великобритания):

...Вы не должны думать, что значение Ленина, величайшее значение Ленина — дело прошлого, потому что Ленин умер. Мы должны смотреть в будущее. Каково же его значение для будущего? Так вот, значение это заключается в следующем. Если эксперимент, который предпринял Ленин, который он возглавил и представителем которого он для нас является, — если этот эксперимент в области общественного устройства не удастся, тогда цивилизация потерпит крах, как потерпели крах многие цивилизации, предшествовавшие нашей.

Мы знаем благодаря последним историческим исследованиям, что существовало много цивилизаций, что история их была во многом подобна истории нашей цивилизации и что, когда они достигали ступени, которой достигла сейчас западная капиталистическая цивилизация, начиналось их быстрое разложение, сопровождавшееся полным крахом всей системы и чем-то весьма похожим на возврат человеческой расы к состоянию дикости. И снова и снова впоследствии человеческая раса пыталась обойти, проскочить эту ступень, но это никогда не удавалось ей.

А Ленин построил систему, которая поможет обойти эту ступень. Если довести до конца его эксперимент, если другие страны последуют его примеру и примут его учение, если этот великий коммунистический эксперимент распространить на весь мир, мы увидим новую эру истории. Больше не будет прежних крушений, и прежних неудач, и нового начала, и повторения всей этой грустной истории до самого ее грустного конца. Наступит новая эра истории, о которой мы сейчас не имеем представления.

Вот в чем для нас значение Ленина.

Если будущее будет таким, каким его предвидел Ленин, тогда мы все можем улыбаться и смотреть в будущее без страха. Однако если эксперимент его будет сорван и кончится неудачей, если мир будет упорствовать в сохранении капиталистического развития, тогда я должен с большой грустью проститься с вами, мои друзья...

НЕПРАЗДНИЧНЫЕ ДАТЫ

От редакции: В настоящем номере журнала акцент поставлен на 90-летие Великой Октябрьской социалистической революции: события, которое сейчас и празднуют, и в отношении которого кто-то негодует — по убеждению, чаще по «служебной обязанности», но подавляющее большинство глубоко равнодушно.

Но год уходящий имеет еще две даты крупного общественно-исторического и государственно-политического характера: почти не замеченное СМИ 140-летие уступки Российской империей Северо-Американским Соединенным Штатам (САСШ — так тогда официально назывались США) Аляски и Алеутских островов, кстати, единственных в истории России ее колоний, и 70-летие «сталинских» чисток или репрессий — здесь даже в терминологии мнения расходятся. А «сталинские» берем в кавычки по причине исторической объективности: решение о чистках — репрессиях принималось коллегиально руководством ВКП(б) и СССР, в отличие, например, от единоличного решения Александра II об уступке Русской Америки... В скорбных событиях объективность наиболее необходима.

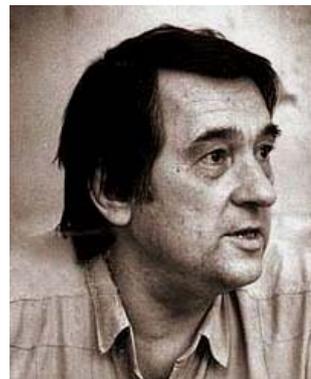
Вторая из названных дат была широко освещена СМИ и, как водится со времен Н. С. Хрущева, предельно тенденциозно. Самое поразительное, но сплошь и рядом характерное для высокой политики: Хрущев выступил в 1937–38 гг. активным участником тогдашних событий, а после прихода к власти и вовсе повторил троцкистско-ленинское гонение на Русскую православную церковь, только-только восстановленную Сталиным. «Плачь и смейся», — реальный девиз политической истории, где, на первый взгляд, вроде бы все запутано и переплетено, но при тщательном рассмотрении подчинено строгим социально-экономическим и геополитическим законам.

Наш журнал — при выраженной литературно-художественной доминанте — является и публицистическим, поэтому, ради все той же объективности, мы не можем «обойти» эти крупные, вовсе не праздничные даты нашей истории. Эти же события — урок всем нам, а главное — зарубки в памяти на будущее.

...Писать о событиях 1937–38 гг. сколь-либо пространно — излишне ввиду сверхизобилия материалов, фактов, легенд и прямого вымысла. Здесь каждый мыслящий человек сам для себя должен составить мнение. Поэтому ниже мы ограничимся статьей Александра Проханова — главного редактора ведущей всероссийской газеты *конструктивной* (подчеркнем это слово) оппозиции «Завтра». Тема же уступки Россией Аляски мало знакома широкой читательской публике, поэтому ей уделено ниже больше внимания. Для ее раскрытия привлечены постоянные авторы «Приокских зорь».

«Не судите, да несудимы будете».

Александр Проханов

1937 — ГОД «СТАЛИНСКОЙ МЕТЛЫ»*

Страна отмечает семидесятилетний юбилей сталинских чисток. Об этом времени писал Мандельштам:

*Как подкову, дарит за указом указ.
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него — то малина
И широкая грудь осетина.*

Чем были сталинские чистки 37-го года? Процессы под хрустальными люстрами Колонного зала. Расстрелы в полутемных казематах НКВД. Бесконечные тюремные эшелоны, бегущие за Урал. Либералы уверяют: бессмысленное слепое палачество, паранойя вождя-садиста, ненависть к собственному народу. Есть и иной, исторический взгляд на сакраментальный 37-й.

Тогда, в жестокие предвоенные годы, ломалось «русское время». Менялась историческая эпоха. Уходила, с пулями в затылке, отжившая элита. Гигантский, раздираемый противоречиями народ превращался в мобилизованную армию, дисциплина и воля которой поддерживались военным насилием и военными наградами, идеологией «врагов» и «героев». Страна готовилась к самой страшной в своей истории схватке, где проигрыш был равносильным необратимому уничтожению.

«Красная буря», ворвавшаяся в русскую историю, «коммунистический интернационал», воплощенный пассионарным Троцким, рассматривали Россию, как периферию «мировой революции». Миллионы русских крестьян, облаченные в красноезвездные шлемы, должны были хлынуть в Европу, сгореть на революционных фронтах, утвердить в центре Европы «красное мировое правительство». В просвещенной Европе, среди университетов, фабрик, рафинированной интеллигенции предполагалось создать очаг мировой «Красной Цивилизации» в которой России отводилась второстепенная роль. Однако вместо «очага революции», в центре Европы сложился очаг фашизма, гигантский военно-индустриальный таран, направленный на СССР. Сталин отказался от троцкистского интернационального плана. Стал строить национальную Империю русских. В кратчайшие сроки, которые отпускало ему предвоенное время, предпринял технократический рывок «от плуга к трактору», «от сохи к атомной бомбе», от «фанерного биплана к космической ракете». Чистки 37-го — мобилизационные технологии, без которых была бы невозможна Победа 45-го.

* Перепечатка из газеты «Завтра», № 31 (715), 2007, С. .

Рис. Геннадия ЖИВОТОВА

Чем важен опыт 1937-го нам, живущим в 2007-м?

Наш год отмечен разговорами о «развитии». Ошеломляют заявления политического руководства страны о предстоящем технологическом прорыве. Следуют постоянные, почти прямые указания Путина на смертельно-опасные угрозы со стороны бурно развивающихся Европы, Америки и Китая. Ощутимо время близкой катастрофы. И эти чаяния технологического рывка, страхи, консолидация власти вокруг «идеи развития» происходят среди продолжающейся деградации. Дрябло, как кисель, общественное сознание. Сибаритствует и иронизирует интеллигенция. Посмеиваются коррумпированные чиновники. Властвует прозападная, антинациональная элита, не заинтересованная в развитии, а лишь в распродаже русского сырья. Сегодня ясно: либо «форсированное развитие», либо тотальное уничтожение России. И если власть выбирает «Развитие», то неизбежна мобилизация, слом исторического времени, устранение сгнившей элиты, превращение гниющего государства и деградирующего народа «в страну мечтателей», в страну героев.

«Мобилизационный проект — 1937» позволил выжить «русской цивилизации» в XX веке. «Мобилизационный проект — 2007» обеспечит существование «русской цивилизации» в XXI. Иного не дано.

Какова будет технология смены элит? Какие практики приведут к рекультивации «загрязненного» общественного сознания? Есть все основания полагать, что «технологии ГУЛАГА» вовсе не обязательны для крутой трансформации курса, «агитпроп нового прорыва» обладает мощным инструментом, не нуждающимся в политических

репрессиях. Не придется тащить в Москву второй соловецкий камень. Однако России придется «затянуть часовые пояса». Придется сменить телевизионных кумиров, отказавшись от блистательных шлюх и породистых гомосексуалистов. Придется вернуть на пьедестал творцов, героев и духовидцев.

Сталинский 37-й год метафорически отражен в Апокалипсисе, в видении Иоанна Богослова на острове Патмос. Блудница Вавилонская — это развращенная, переродившаяся элита, которая подлежит сожжению. Звезда полынь, испепеляющая воды и земли, — это чистка духовно умершей, коррумпированной бюрократии. Второе Пришествие — это явление новой, преображенной России, продолжающей свое победное шествие в истории. «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали».

Синусоида русской истории, совершив свое сокрушительное падение, вновь начинает взлет. «Русские горки» круче американских. Уважаемые пассажиры, пристегните ремни — уже слышится рев турбин, свищет, блещет метла огненного русского очищения.

Николай Дронов

К 140-ЛЕТИЮ УСТУПКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИМ СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ АЛЯСКИ И АЛЕУТСКИХ ОСТРОВОВ

ГОРЬКОЙ ПАМЯТИ АЛЯСКИ

В начале июля 2007 г. исполнилось 140 лет со дня добровольного расставания России с Русской Америкой — Аляской. В современных источниках, начиная со школьных учебников, чего только на этот счет не вбивают в головы взрослых учащимся ретивые самодеятельные авторы: продана, сдана в аренду на 99 лет, навечно, подарена и пр.

Лучшим ответом быстро «перестроившимся» историкам будет дословный текст этого документа. Как говорится, лучше раз увидеть самому, чем сто раз услышать от видевших оригинал. Насколько мне известно, абсолютному большинству читателей этот договор совершенно неведом.

СОГЛАШЕНИЕ

***относительно уступки Российского Имущества в Северной Америке
между Его Величеством Императором всея России
и Соединенными Штатами Америки
20 июня 1867 года***

Объявление: Принимая во внимание, что соглашения между Соединенными Штатами Америки и Его Величеством Императором всея России, которое было заключено и подписано их соответствующими представителями в городе Вашингтоне в тридцатый день марта этого года, на английском и французском языках, сформулировано следующим образом:

В целях стремления укрепления, насколько возможно, хорошего взаимопонимания, существующего между ними, Соединенные Штаты Америки и Его Величество Император всея России назначают своих представителей:

Резидент Соединенных Штатов — Уильяма Х. Севарда, Госсекретаря;

и Его Величество Император всея России — Тайного Советника Эдварда Стокля, Посланника Его Величества, чрезвычайного посла в Соединенных Штатах.

И представители сторон, обменявшись их полномочиями, которые были определены, как соответствующие всем правилам, согласовали и подписали следующие статьи:

Статья I. *Его Величество Император всея России соглашается УСТУПИТЬ Соединенным Штатам, в соответствии с этим соглашением, немедленно с момента ратификации, всю территорию и доминион, которым теперь обладает Его Им-*

ператорское Величество на Американском континенте и прилегающих островах, находящихся в географических границах, определяемых так (далее идет перечисление территорий, которое мы опускаем. — Н.Д.).

Статья II. В уступке территории, сделанной предшествующей статьей, включены права собственности на все общественные площади, свободные земли и все общественные постройки, укрепления, бараки и другие здания, которые не являются частной личной собственностью. Однако, понято и согласовано, что церкви, которые были построены на уступленной Российским правительством территории, должны остаться владением управляющего Греческой Восточной церкви, на территории которого могут выбирать прихожане этих церквей. Любые правительственные архивы, документы и документы относительно вышеупомянутой территории, которые могут находиться там, будут оставлены во владении агента Соединенных Штатов; но заверенная копия их, когда потребуется, будет всегда выдана Соединенными Штатами Российскому правительству, или российским офицерам, или подданным по их запросам.

Статья III. Жители уступленной территории, согласно их выбору, могут возвращаться в Россию в пределах трех лет; но если они предпочтут остаться на уступленной территории, то они, за исключением нецивилизованных племен, должны быть допущены ко всем правам, преимуществам и защите граждан Соединенных Штатов и должны поддерживаться и защищаться в обеспечении их свободы, обычаях и религии.

Нецивилизованные племена будут подчинены тем законам и правилам, которые Соединенные Штаты будут время от времени принимать в отношении коренных племен этой страны.

Статья IV. Его Величество Император всея России должен назначить, отправить в удобное время агента или агентов с целью формальной передачи подобному агенту или агентам, назначенным от имени Соединенных Штатов, территории, собственности и аксессуаров, которым уступают, как выше сказано, и для выполнения любого другого действия, которое может быть необходимо для этого. Но уступка, с правом немедленного овладения, должна, однако, считаться законченной и абсолютной, по ратификации, без необходимости ожидать такую формальную передачу.

Статья V. Немедленно после того, как будет ратифицировано это соглашение, любые укрепления или военные посты, которые могут быть на уступленной территории, должны быть переданы агенту Соединенных Штатов, и любые Российские отряды, которые могут быть на территории, будут убраны, как только может быть разумно и удобно реально.

Статья VI. С учетом вышеупомянутой уступки, Соединенные Штаты соглашаются оплачивать в казначействе в Вашингтоне, в пределах десяти месяцев после ратификации этого соглашения, дипломатическому представителю или другому агенту Его Величества Императора всея России, должным образом уполномоченного, чтобы принять СЕМЬ МИЛЛИОНОВ ДВУХ СОТЕН ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ В ЗОЛОТЕ. Уступка территории и здесь сделанная объявляются, что является свободной и незаложенной от любых резерваций, привилегий, представлений или имуществ любыми дочерними компаниями, или общей или объединений русских или любых других, или любыми группами, кроме просто частных держателей личной собственности; и уступка, тем самым сделанная, передает все права и привилегии, теперь принадлежащие к России на указанной территории и ее аксессуарах.

Статья VII. Когда это соглашение будет должным образом ратифицировано Президентом Соединенных Штатов, с уведомлением и согласием сената, с одной стороны, и с другой, Его Величеством Императором всея России, ратификации

должны быть обменены в Вашингтоне в пределах трех месяцев с даты этого или ранее, если возможно.

В доверии, соответствующие представители подписали это соглашение и к тому присоединили свои подписи...

*Уильям Х. Сефард
Эдвард Стоксл*

У читателя сразу возникнут вопросы: не продешевил ли Его Величество Император всея Руси? По уму ли была колоссальная, на наш взгляд, потеря стратегического масштаба родной территории площадью в 1519 тысяч кв. км, да еще по цене 4,8 доллара на 1 квадратный километр Аляски?

Но с другой стороны, а был ли лучший выход у нашего «Государя-ампиратора»?

Ведь США стремительно набирали обороты в экономике, политике, военной сфере. Территориальный «аппетит» разрастался. Попытка Мексики отстоять свой Техас площадью в 692 тыс. кв. км и огромным населением (16 млн. чел.) закончилась Техасской войной с Америкой (1835–1836 гг.). В результате Техас стал «самостоятельной» республикой, «добровольно» вошедшей в 1845 году «по просьбе трудящихся» в состав САСШ.

Чем бы отличалась военно-политическая экспансия Америки и по части Аляски? Ничем! Тем более, Россия после разгромной Крымской войны, была в тяжелейшем состоянии, и, тем более, Англия и Франция потребовали тогда от России предоставить независимость восставшей Польше, а вся Европа была «за». Вовсю запахло отторжением от «всея Руси», еще более значимой для нее Польской земли: или принудительным «миром», или «добровольной» войной. Только Штаты тогда веско сказали, что Россия должна быть такой, какой есть, а не такой, какой кому-то очень хочется.

Ясно, что Америка поступила так не от избытка любви к нам и миролюбия, а от дальних стратегических расчетов, в которых было и прибирание к рукам Аляски. Была и ответная взаимность США. Во время страшной Гражданской войны между Севером и Югом (1861–1865 гг.) вырывающийся от Севера Юг поддерживали, в том числе силой, Англия и Франция. Положение с целостностью Штатов стало критическим. Только одна Россия устами канцлера Российской империи князя А. М. Горчакова отрицательно заявила Президенту США Линкольну в ответ на конфиденциальную просьбу о помощи: «Нам не нужны Северные и Южные Штаты — нас устроят только Соединенные Штаты Америки!» А в середине 1863 года в Нью-Йоркскую гавань вошла эскадра из двенадцати боевых кораблей военного флота России!

Кстати, наши стальные левиафаны тоже имели тогда еще одну (секретную) задачу: в случае развязывания Англией и Францией войны с Россией (из-за Польши), избежать полного блокирования андреевских флотов на собственных базах!

К сожалению, благодарность США была недолгой, ведь Россия продолжала жить не по американским законам!

Упомянутая война стоила народу США гибели 618 тысяч человек, что только на 5 тысяч меньше, чем США лишились в Первой и Второй мировой войнах, Корее, Вьетнаме, Афганистане и Ираке вместе взятых!

Вот бы и «россиянам» такую же ценность жизни своих соотечественников в военной обстановке и, тем более, в мирные дни. Иначе, к чему золотое пространство без населения?!

Алексей Третьяков

ЧТО ИМЕЕМ, ТО НЕ ЦЕНИМ...

(К началу разбазаривания русских земель)

Что знают наши современники об истории 140-летней давности с утратой Россией североамериканской территории площадью полтора миллиона квадратных километров: Аляски и Алеутских островов? — Да ровным счетом ничего. Учившиеся в советской школе — что-то маловразумительное, на удивление, не обличительное (?), об общей гнилости царской власти в России от времен Гостомысла до 7 ноября (по н. ст.) 1917 года. А нынешние поколения и вовсе могут припомнить только эстрадную песенку: «Не валяй дурака, Америка... возвращай-ка землю Алясочку, возвращай-ка родимую взад!» Наибольшие же современные «интеллектуалы», подумав, назовут первую отечественную рок-оперу «Юнона» и «Авось». Правда, здесь попадут, как и положено интеллигентам, пальцем в небо. Ибо действие рок-оперы происходит в форте Росс в Калифорнии, в районе нынешнего Сан-Франциско.

Поясним, что форт Росс — селение, крепость и купленные у индейцев в 1817 году земли окрест — был основан Российско-Американской компанией (РАК) с разрешения испанского правительства, владевшего в то время Калифорнией. Это не было ни арендой, ни покупкой, ни завоеванием. Просто Испании было выгодно присутствие иностранных торговых компаний на западе своих североамериканских владений*. Но с объявлением независимости Мексики от Испанского королевства мексиканское правительство потребовало от РАК и, соответственно, от Российской империи, оставления селения Росс и выезда русских колонистов. В итоге, в 1835 г. РАК, не найдя политической поддержки Петербурга (да и вряд ли она обращалась туда), уступила все имущество и скот селения Росс мексиканскому подданному Суттеру за 42857 руб. 14 коп. серебром. Суттер-то деньги уплатил, но большую их часть похитил русский консул в Сан-Франциско, американец Стоюарт**.

Итак, с Калифорнией более или менее все понятно. Остается «землица Алясочка». И вот здесь-то, говоря на современном блатном новоязе, Россию, доселе только приумножившуюся землями, опустили (см. слова эстрадно-патриотической песенки...). А правильное говоря, опустила ее царская семья во главе с Александром II.

* * *

Что же ты, царская морда, земли иноземцам раздаешь!? — В таком контексте профессиональный вор-домушник Милославский урезонирует лжецаря Ивана Васильевича в известном фильме. А речь ведь шла о небольшой Кемской волости с территорией, равной сельсовету советских времен; как они сейчас именуется? — Со средним умом и не вспомнишь... Тем более, что их сейчас не шведы, а бандюганы-бизнесменеры ставят на нож и на корню скупают. Ну, это о своем, девичьем. Вернемся к Аляске.

Почему же так глухо говорил и говорит почти полтора столетия об Аляске царский, потом советский, а ныне демроссийский агитпроп? Более всего ясно с царским: сделка была заключена сверхтайно, даже императорские министры узнавали о передаче Аляски САСШ из английских газет. И так до смерти Александра II от террори-

* Попутно отметим: то ли в школе неясно объясняют, то ли название с толку сбивает, но нынешний супериндустриальный штат Калифорния в США не имеет никакого отношения к очень протяженному полуострову Калифорния, принадлежащему Мексике...

** Имеется в виду обычная дипломатическая практика XIX — начала XX вв., когда консулами («почетными консулами») в стране представления интересов другого государства назначались местные подданные. Первой эту практику прекратила Советская Россия в 1917 г.

стической бомбы в 1881 году. Царь же Александр Александрович, истинный патриот, по понятной причине не хотел слышать и читать о сделке своего отца — двойного Освободителя: крестьян русских и балканских народов. Что называется «навскидку» беру то, что есть под рукой: канонический учебник Н. И. Зуева для средних учебных заведений «География Российской империи» 1887-го года издания (царствования Александра III). В который уже — без счета — раз перечитываю-пересматриваю это чудо информационно-полиграфического искусства с сотнями искусно выполненных гравюр... Сколько я и мои знакомые из него почерпнули? Но, увы, о Русской Америке в ней ни полслова.

...И уж сам бог велел молчать об Аляске сыну Александра III, продолжившего «традицию» либерального деда, отдавшего в неудачно спланированной войне уже исконные территории: половину Сахалина, Курильские острова и де-факто русскую Манчжурию — ворота в дряхлую Поднебесную. А главное, положивший конец русской экспансии в Тихоокеанский регион. Опять же вспомним «школьного» Миклухо-Маклая, в жизни полковника внешней разведки, готовившего фактически материалы для проникновения России в Папуа — Новую Гвинею.

Всю сознательную жизнь меня занимает вопрос: кто это гениальный в русской политике конца XIX века инициировал и блестяще провел русское овладение Дальним Востоком, понимаемое расширенно: Северный Китай с КВЖД, Корея, острова и архипелаги Тихого океана? — И ответ получается однозначным: император Александр Александрович и умело подобранные им министры с громкими именами.

А вот уже трижды, но не признаваемый ими бог, а некто противоположный ему, запретил упоминать об аляскинском казусе большевикам 20–30 гг., отдавшим — правда, *по их необходимости*, в 1918 году по первому Брестскому миру Польшу и Литву, а через несколько недель по провокации Троцкого отказавшимся от Латвии, Эстонии и Финляндии.

В предвоенные, военные и послевоенные годы, вплоть до объявления У. Черчиллем в Фултоне (США) программы «холодной войны», политкорректность не позволяла говорить об Аляске. Тем более, что в годы войны через Анкоридж, административный центр штата Аляска, в СССР шла существенная часть ленд-лизских поставок.

Далее пошла «холодная война». Казалось бы, вот козырь — Аляска! Но, увы, здесь стояло препятствие железобетонное: отказ ленинско-троцкистского правительства в 1918 году от всех долгов, обязательств и договоров предыдущей России, вплоть до времен Киевской Руси. Как порой добро шутит мой друг, прямой потомок Чингис-хана, кандидат технических наук Ибрагим Шарифович Туктамышев (хан Тохтамыш), инженер-металлург, «декретом Советской власти я свободен сейчас обратиться в Гаагский суд с требованием вернуть мне в управление Улус Джугиев, то есть территории, всей Европейской России, исключая не покоренные моими предками Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую и Ленинградскую области, а также Коми и Северный Урал».

Остались нынешние времена, но о них и вовсе смешно говорить, ибо уже 20 лет США — наш «заклятый друг». Здесь ничего писать не стану, а просто включите вечером телевизор, где-то первые две программы, и послушайте Мишу Задорнова об Америке. Кстати, мне Задорнов нравится по-компатриотству: он окончил МАИ (Московский ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции авиационный институт им. Серго Орджоникидзе) по 2-му факультету, а я по 4-му факультету (вуз военный, поэтому там вместо названий номера) защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

Резюме: за прошедшие 140 лет тема Русской Америки была всем малоудобна.

* * *

Теперь самую малость об истории освоения Русской Америки. После того, как текст договора об уступке Аляски и Алеутских островов (см. материал Н. Дронова выше) стал достоянием мировой гласности, лондонская «Таймс» писала в редакционной статье, что отныне Аляска из *казацкого* управления переходит в республиканское подчинение. Очень верно было замечено, ибо освоение русскими Северо-Американского континента суть продолжение начатого Ермаком расширения России на восток силой и энергией казаков и первопроходцев. Процесс в мировой истории уникальный и характерный, пожалуй, только для России.

Открытие Русской Америки относится к первой половине XVIII в. Первым западное побережье Северной Америки посетил корабль «Гавриил» под командованием Ивана Федорова и геодезиста Михаила Гвоздева (мыс Нихте, сейчас — мыс Принца Уэльского). Далее Аляску исследовали Витус Беринг, Алексей Чириков, причем В. Беринг в этом плавании умер от цинги, а пятнадцать членов экипажа корабля «Святой Павел», сошедших на американский берег, все до одного были перебиты туземцами.

После этой экспедиции и пробудился интерес сибирских купцов и служилых людей к новым землям. В итоге очень скоро, а именно в 1764 году русское правительство определило компании купцов Трапезникова и Югова монопольное право на промыслы на Алеутских островах с выплатой государству положенной пошлины, а также (до 1779 г.) сбор ясака с туземцев.

Однако полномасштабное освоение Русской Америки началось с создания РАК в 1799 г. на базе уже существовавшей полтора десятка лет компании, организованной Григорием Шелеховым с братьями Голиковыми, построившей первые укрепленные фактории на островах Кадьяке, Афогнаке, Уналашке и в аляскинских Кенайском и Чугацком заливах. Согласно уставу РАК, инициированной Павлом I, она получила исключительное монопольное право на управление Аляской, Алеутскими островами и Западным побережьем Северной Америки до 55 градуса северной широты (ниже были испанские владения). Центром стал основанный РАК город Ново-Архангельск на острове Ситка — остров Баранова, названный в честь первого правителя Русской Америки и РАК, сибирского промышленника А. А. Баранова.

Отметим два существенных момента. Русская Америка являлась «классической» и единственной в истории России колонией. То есть туземное население де-юре не являлось подданными Российской империи. И второй, характерный в то время не только для России. Речь идет о своеобразном способе освоения колоний с минимально-необходимым привлечением государства-метрополии, где главным двигателем являлись крупные торгово-промышленные компании. Таковых — и в одно и то же время — было три: РАК, Ост-Индская компания и Гудзонбайская компания (Компания Гудзонова залива). Результатом деятельности каждой из них стало создание обширных колоний: Русской Америки, Индии и Канады соответственно.

Из них РАК являлась наименее «огосударственной», в лучшие времена имея под ружьем не более 200 человек. В то же время в Индии Британская империя содержала целую армию, плюс еще бóльшую армию сипаев (помните из школы о восстании последних?), а Гудзонбайская компания опиралась на хорошо организованную и многочисленную полицейско-рейнджерскую структуру Канадской конной полиции* (опять же вспомните северные рассказы и повести Джека Лондона).

Конечно, здесь надо принимать во внимание малую численность Русской Аме-

* В духе английского традиционализма это наименование не пропало в истории: сейчас так называется разведывательная служба Канады. Это как в США парадная форма танкистов: кавалерист на коне и с саблей...

рики в сопоставлении с многомиллионной Индией и даже с более многочисленными индейцами к северу от Великих озер... Но факт остается фактом: русские колонисты-промышленники, имея трехвековой опыт освоения Сибири, действовали более православленным крестом, в меру справедливым торговым обменом и вовлечением аборигенов в хозяйственный оборот. Кстати говоря, за всю вековую историю колонизации Аляски и Алеутских островов только один (!?) служащий РАК был отправлен в Охотск в наказание за грубое отношение с индейцами. А они и сами были «не подарок» (см. Фенимора Купера и Майн Рида — при всей их тенденциозности).

Итак, к концу правления РАК А. А. Барановым в Русской Америке было построено 24 форта, защищенных опорных баз для промыслов и торговли, включая форт Росс на испанской территории. А 8 июля 1799 г. Павел I утвердил привилегии РАК на 20 лет и принял компанию под свое покровительство. Уместно будет заметить, что оболганный в советском агитпропе (от историка Покровского до писателя Тынянова) император Павел был из умнейших русских царей, понимавших роковую для всего мира роль Англии, выпестовавшей в его время еще более хищного преемника — САСШ. Несомненно, что в созданной им РАК он видел наступательный форпост на восточных границах с молодым хищником. Да и своей жизнью он поплатился за дерзновенный антибританский демарш: послав 40 полков донских, кубанских и уральских казаков отбирать у англичан «жемчужину» Британской империи...

«Индея-Индея, голубая Индея. Будешь же ты нашей, [растакая] Индея», — грубо распевали казаки, приближаясь к Амударье, но тут стараниями английской агентуры Павел Петрович был убит, а на престол вступил его сын-отцеубийца, которого смутная история в конце жизни определила раскаиваться в лице старца Кузьмича...

Но и он, и Николай I помыслить не могли отказаться от американских своих владений.

* * *

К началу царствования либерала Александра II РАК являлась, имея статус полугосударственной, самой крупной и успешной компанией Российской империи. Да в мировом масштабе она не последней значилась. Она держала в государственном подчинении Империи территорию в полтора миллиона квадратных километров с 50 тысячами аборигенного населения (на 1861 год), принося государству ежегодно дохода до полумиллиона рублей серебром, имея миллионный собственный годовой актив, который шел не в «стабилизационный фонд» или на покупку аглицких футбольных клубов, но в основном капитализировался РАК и шел на развитие инфраструктуры Русской Америки.

Как показал в своем отчете правительственный ревизор С. А. Костливцев, направленный в 1860 г. для генеральной ревизии деятельности РАК*, в экономическом отношении РАК является успешной, дает существенную выгоду (см. выше) государству. Еще выше заслуги РАК перед государством в геополитическом отношении. Особенно ревизор отмечает отсутствие конфликтов с туземцами, каких-либо притеснений и обманов. Наоборот, в отношении их компания успешно проводит распространение православия, обучения в школах, оказание медицинской помощи — словом, реализует программу просветительства, что не характерно для европейских колоний.

Поскольку ревизия С. А. Костливцева была инициирована (пока тайными) сторонниками продажи Аляски, для чего они хотели дезавуировать РАК и передать Русскую Америку в госуправление, то он в отчете высказал по этому поводу свое мнение, а именно (по книге И. Б. Миронова):

* Фактические данные в статье приводим по наиболее объективному, совсем недавно вышедшему изданию: Миронов И. Б. Роковая сделка: как продавали Аляску. — М.: Алгоритм, 2007. — 288 с.

— правительство, сняв с компании обязанности по содержанию края, кроме убытков ничего другого получить не может;

— уничтожение монополии РАК и переход заокеанских владений России в казенное управление станет губительным для русских колоний и разорительным для государства.

Подтверждением справедливости этих слов еще раньше явилось отнятие в 1857 г. у РАК Сахалина и передача острова в государственное управление, что, во-первых, серьезно подорвало экономическое положение компании (Сахалин был базой связи с Приамурьем и Сибирью); во-вторых, надолго затормозило развитие экономически и стратегически важной территории. Это было знаком новой политики — с воцарением Александра II — в отношении Русской Америки.

Но главное — РАК, вроде как коммерческая организация, полностью снимала с государства все заботы о *его* заокеанских владениях, включая даже военно-политические. Самый яркий здесь пример — Крымская война. Хорошо известно, что бои шли не только в Крыму и на закавказском фронте (с Турцией), но английские эскадры блокировали и обстреливали Кронштадт, Архангельск и Соловки, Петропавловск-Камчатский (Мурманска и Владивостока еще не существовало). Казалось, сам их англиканский бог велел блокировать и без труда захватить Аляску и Алеутские острова? Но даже намека на это не было. Что за «эра милосердия» снизошла на алчную и беспощадную Англию?

Ответ прост: РАК и Гудзонбайская компания нашли общий язык и убедили правительство России и Великобритании не предпринимать никаких военных действий против их северных колоний. Мотивировка была архипонятной: государства могут воевать, но их частные компании вовсе не обязаны в этих войнах участвовать... Кстати, созданный этим прецедент был взят «на вооружение» европейскими колониальными странами и активно использовался даже в первую четверть XX века. Закон капитализма: частная собственность священна...

Так частная компания сохранила для России ее колонию в Северной Америке, а вот государство доходило до полного издевательства над РАК. Когда последняя в 1848 г. обратилась к правительству отправить к берегам Русской Америки военный корабль для крейсирования в зоне экономических интересов Российской империи с целью устранения иностранных судов от хищничества в незаконных промыслах, то морское министерство и министерство финансов предложили РАК... купить у государства 44-пушечный фрегат, включая сам корабль с вооружением, расходные боевые материалы, стоимость ремонтного обслуживания и содержание экипажа за 270 тысяч рублей единовременно и 85 тысяч ежегодно. Такого еще в истории России не было: государство продавало военный корабль администрации, управляющей ее же нормативно-законной территорией! Господи, как это напоминает наше торгово-воровское время...

После этого казуса РАК уже не настаивала на организации военно-морской базы на Сандвичевых островах или в мексиканской Калифорнии для пресечения контрабанды и китоловства в русских водах.

Итак, Русская Америка к началу царствования Александра II, управляемая РАК, приносила государству ощутимый доход, а главное — ничего не требуя от него, содержало этот стратегически важный форпост империи. А владея берегами и островами верхнего треугольника Тихого океана, Россия могла контролировать и весь океан.

* * *

Но какие же доводы и фигуранты заставили в одночасье отказаться от Русской Америки, чье финансовое и политическое (стратегическое, геополитические) положение в начале второй половины XIX века было столь устойчиво и сулило еще намного большее?

Из трех основных доводов отказа от Аляски и Алеутских островов в пользу САСШ, ставших появляться в печати в эти годы (прощупывание общественного мнения, как бы сказали сейчас), ни один не являлся состоятельным, а именно:

- экономическая убыточность деятельности РАК;
- России не отстоять свои заокеанские владения в случае агрессии САСШ;
- отдачей «ненужных» России земель приобрести верного и вечного союзника за океаном.

Несостоятельность первого довода показала ревизия С. А. Костливецва и ежегодные отчеты РАК. Не столь уж сильны были САСШ в 60-х годах XIX века, только-только вышедшие из кровавой Гражданской войны 1861–63 гг., чтобы вступать в серьезный военный конфликт с Россией, наоборот, уже усвоившей уроки Крымской войны, залечившей раны и вступившей на путь интенсивно капиталистического развития.

Ну, а о «доброй памяти» САСШ уже тогда можно было догадываться, учитывая, что эта страна — плоть от плоти Англии, всемирно известной своим коварством и эгоистическим своекорытием. — Это о «верном и вечном союзнике».

...Хотя всем было уже полвека известно, что САСШ стремится «округлить» свою территорию, понимая под этим овладение всего Североамериканского континента. Про вытеснение индейцев и захват их земель — см. классику: Фенимора Купера и Майн Рида. В части же соседей — европейских колоний и государств — использовалась политика кнута и пряника. Когда Наполеон увяз в своих войнах, американцы подсутились и за 15 миллионов долларов купили у Франции огромную территорию Луизианы. У Мексики сначала силой и коварством отняли Техас, а потом принудили ее за те же 15 миллионов продать (уступить — это точнее) Калифорнию.

Только канадские англичане стояли железобетонно, в пух и прах разбили вторгшуюся армию «родственников» и тем самым остановили экспансию САСШ севернее Великих озер. Но все это являлось именно «округлением» территории САСШ, а ведь Аляска, отделенная от основной территории владениями Канады, это уже не округление, а анклав (как сейчас Калининград по отношению к России). Поэтому в 40–60-х гг. в САСШ то периодически начинались газетные кампании под лозунгом «Русская Америка — наши тихоокеанские владения», то затихали. Главное — до и после гражданской войны в приобретении Аляски не были заинтересованы южане.

Резюме: как это ни парадоксально звучит, но сами САСШ в 60-е годы XIX в. еще не определились в отношении Аляски; тем более — в средствах ее приобретения.

* * *

Но американцам несказанно повезло: им почти что насильно навязали Аляску и Алеутские острова за смехотворную сумму: в два раза меньше, чем Наполеону за Луизиану и Мексике за Калифорнию. Кто же так облагодетельствовал нынешнего «жандарма мира»?

Рыба тухнет с головы, а в России гниль появляется всякий раз, как либерализм входит в политическую моду страны. И наоборот, пресловутый «тоталитаризм» можно охарактеризовать в данном контексте словами Николая I: *«Где станет русская нога, оттуда уходить нельзя»*.

Итак, вдохновителем и активным проводником ликвидации Русской Америки явился брат царя, великий князь Константин Николаевич и его сподвижники: министр финансов М. Х. Рейтерн и — увы! — бессменный глава внешнеполитического ведомства А. М. Горчаков, которого «при всех режимах» принято полагать великим патриотом. А исполнителями являлись управляющий морским ведомством генерал-адъютант Н. К. Краббе и российский посланник в САСШ Э. А. Стекли. Кстати, бельгиец. Они-то вкупе и порадели за землицу Алясочку... Но главная фигура — это, конечно, царь-либерал Александр II.

Не будем утомлять читателя даже кратким перечислением интриг (любопытные найдут их в книге И. Б. Миронова и других авторов, исследовавших историю продажи Аляски), которые троица во главе с Константином вела почти десять лет, но в итоге в 1867 году в обстановке глубокой секретности (!?) Александр II единолично — от России подписал договор об уступке Россией САСШ своих заокеанских владений за смешную — в рамках бюджета страны — сумму, которая, как водится, была частично разворована, а часть американцы так и не выплатили. Таким образом, отторжение от России Аляски стало в XIX веке окончательной потерей контроля над Тихим океаном (первая потеря — это потеря Россией в первой четверти XIX века захваченных было ей Гавайских и Маршалловых островов; но это хотя бы в результате военного поражения).

Итак, инициатором и движителем отдачи Аляски и Алеутских островов был великий князь Константин, имевший к тому же очень сильное влияние на брата-царя. Что им двигало? — Однозначный ответ дать трудно, учитывая 140-летнее умалчивание фактологии сделки: и царями, и генсеками, как говорится. Да и президенты в новейшей истории России никак не высказывают свое отношение. Но здесь что-то было серьезное, ведь это было не сиюминутная прихоть царского родственника, а почти десятилетняя, упорная, коварно-направленная деятельность Константина Николаевича. В частности, уже упоминавшийся выше И. Б. Миронов указывает на две возможные причины:

— *механизмы тайного давления на великого князя со стороны неких вдохновителей идеи «округления» Соединенных Штатов Америки;*

— *материальная заинтересованность брата Государя, которому могло быть обещано щедрое вознаграждение за «труды».*

Заметим к сказанному, что Константин считался главным российским демократом и либералом и в 1862–1881 гг. являлся председателем Комитета финансов, где занимался важнейшими вопросами о займах, финансировании промышленности, банковских кредитах. А если человек погружен в мир денег, то своих всегда кажется мало... Господь его рассудит, но в отношении своей страны он совершил государственное преступление.

...Скорбя и негодуя по поводу этой злосчастной 140-летней даты, мы все — от рядовых граждан до руководства страны — должны постоянно помнить: нынешние аппетиты Америки и глобализованного ею «золотого миллиарда» стократ возросли по сравнению с серединой XIX века: и опять в американских СМИ призывы: именно в Сибири США видят свое экономическое, политическое и стратегическое будущее, как 140 лет тому назад они его видели в Аляске. Выводы, читатель, делайте сами. Но ужестораживает невероятно быстро проложенная — и это в условиях коллапса экономической системы России! — Транссибирская магистраль*, самой России абсолютно не нужная; по крайней мере в ближайшие 10...15 лет. Зато этот сквозной тракт при случае усилит стратегический и экономический контроль над Сибирью со стороны США.

Достаточно одиозны и некоторые фигуры, играющие ключевые роли в российских регионах, омываемых морями Тихого океана.

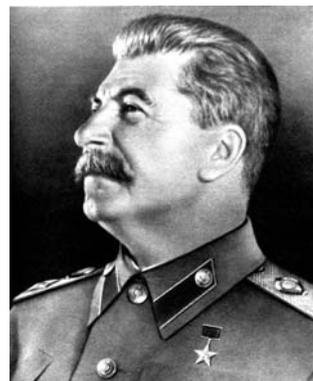
И вообще из предыдущего века в век XXI уверенно перешел известный девиз: «Люди, будьте бдительны!»

* Магистраль начали строить еще в 1980-е годы для тогдашних, реальных нужд СССР, но даже советской экономической мощи не хватило; строительство было приостановлено из-за нехватки средств...

ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ: ВЛАСТЬ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И КУЛЬТУРА

И. В. Сталин

МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. ОТНОСИТЕЛЬНО МАРКСИЗМА В ЯЗЫКОЗНАНИИ*

Ко мне обратилась группа товарищей из молодежи с предложением высказать свое мнение в печати по вопросам языкознания, особенно в части, касающейся марксизма в языкознании. Я не языковед и, конечно, не могу полностью удовлетворить товарищей. Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому я имею прямое отношение. Поэтому я согласился дать ответ на ряд вопросов, поставленных товарищами.

Вопрос. Верно ли, что язык есть надстройка над базисом?

Ответ. Нет, неверно.

Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения.

Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку. Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения, капиталистический базис имеет свою надстройку, социалистический — свою. Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка.

Язык в этом отношении коренным образом отличается от надстройки. Взять, например, русское общество и русский язык. На протяжении последних 30 лет в России был ликвидирован старый, капиталистический базис и построен новый, социалистический базис. Соответственно с этим была ликвидирована надстройка над капиталистическим базисом и создана новая надстройка, соответствующая социалистическому базису. Были, следовательно, заменены старые политические, правовые и иные учреждения новыми, социалистическими. Но, несмотря на это, русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота.

Что изменилось за этот период в русском языке? Изменился в известной мере

* Впервые опубликовано в газете «Правда» от 20 июля 1950 г. Печатается с сохранением орфографии и стилистики.

словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового, социалистического производства, появлением нового государства, новой, социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов. Что же касается основного словарного фонда и грамматического строя русского языка, составляющих основу языка, то они после ликвидации капиталистического базиса не только не были ликвидированы и заменены новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем языка, а, наоборот, сохранились в целостности и остались без каких-либо серьезных изменений,— сохранились именно как основа современного русского языка.

Далее. Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы.

Иначе и не может быть. Надстройка для того и создается базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой. Стоит только отказаться от этой ее служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиции активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла свое качество и перестала быть надстройкой.

Язык в этом отношении коренным образом отличается от надстройки. Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык. Ввиду этого служебная роль языка как средства общения людей состоит не в том, чтобы обслуживать один класс в ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать все общество, все классы общества. Эти собственно и объясняется, что язык может одинаково обслуживать как старый, умирающий строй, так и новый, поднимающийся строй, как старый базис, так и новый, как эксплуататоров, так и эксплуатируемых.

Ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества.

То же самое нужно сказать об украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, армянском, эстонском, латвийском, литовском, молдавском, татарском, азербайджанском, башкирском, туркменском и других языках советских наций, которые так же хорошо обслуживали старый, буржуазный строй этих наций, как обслуживают они новый, социалистический строй.

Иначе и не может быть. Язык для того и существует, он для того и создан, чтобы служить обществу как целому в качестве орудия общения людей, чтобы он был общим для членов общества и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от их классового положения. Стоит только сойти языку с этой

общенародной позиции, стоит только стать языку на позицию предпочтения и поддержки какой-либо социальной группы в ущерб другим социальным группам общества, чтобы он потерял свое качество, чтобы он перестал быть средством общения людей в обществе, чтобы он превратился в жаргон какой-либо социальной группы, деградировал и обрек себя на исчезновение.

В этом отношении язык, принципиально отличаясь от надстройки, не отличается, однако, от орудий производства, скажем, от машин, которые так же одинаково могут обслуживать и капиталистический строй и социалистический.

Дальше. Надстройка есть продукт одной эпохи, в течение которой живет и действует данный экономический базис. Поэтому надстройка живет недолго, она ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса.

Язык же, наоборот, является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется. Поэтому язык живет несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка. Этим собственно и объясняется, что рождение и ликвидация не только одного базиса и его надстройки, но и нескольких базисов и соответствующих надстроек не ведет в истории к ликвидации данного языка, к ликвидации его структуры и рождению нового языка с новым словарным фондом и новым грамматическим строем.

Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За то время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина.

Что изменилось за это время в русском языке? Seriously пополнился за это время словарный состав русского языка; выпало из словарного состава большое количество устаревших слов, изменилось смысловое значение значительного количества слов, улучшился грамматический строй языка. Что касается структуры пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом, то она сохранилась во всем существенном как основа современного русского языка.

И это вполне понятно. В самом деле, для чего это нужно, чтобы после каждого переворота существующая структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд уничтожались и заменялись новыми, как это бывает обычно с надстройкой? Кому это нужно, чтобы «вода», «земля», «гора», «лес», «рыба», «человек», «ходить», «делать», «производить», «торговать» и т. д. назывались не водой, землей, горой и т. д., а как-то иначе? Кому нужно, чтобы изменения слов в языке и сочетание слов в предложении происходили не по существующей грамматике, а по совершенно другой? Какая польза для революции от такого переворота в языке? История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости. Спрашивается, какая необходимость в таком языковом перевороте, если доказано, что существующий язык с его структурой в основном вполне пригоден для удовлетворения нужд нового строя? Уничтожить старую надстройку и заменить ее новой можно и нужно в течение нескольких лет, чтобы дать простор развитию производительных сил общества, но как уничтожить существующий язык и построить вместо него новый язык в течение нескольких лет, не внося анархию в общественную жизнь, не создавая угрозы распада общества? Кто же, кроме донкихотов, могут ставить себе такую задачу?

Наконец, еще одно коренное отличие между надстройкой и языком. Надстройка не связана непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития

производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе. Это значит, что сфера действия надстройки узка и ограничена.

Язык же, наоборот, связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы — от производства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе. Поэтому сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична.

Этим прежде всего и объясняется, что язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй.

Итак:

- а) марксист не может считать язык надстройкой над базисом;
- б) смешивать язык с надстройкой — значит допустить серьезную ошибку.

Вопрос. Верно ли, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового, общенародного языка не существует?

Ответ. Нет, неверно.

Нетрудно понять, что в обществе, где нет классов, не может быть и речи о классовом языке. Первобытно-общинный родовой строй не знал классов, следовательно, не могло быть там и классового языка, — язык был там общий, единый для всего коллектива. Возражение о том, что под классом надо понимать всякий человеческий коллектив, в том числе и первобытно-общинный коллектив, представляет не возражение, а игру слов, которая не заслуживает опровержения.

Что касается дальнейшего развития от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным, то везде на всех этапах развития язык как средство общения людей в обществе был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения.

Я имею здесь в виду не империи рабского и средневекового периодов, скажем, империю Кира и Александра Великого или империю Цезаря и Карла Великого, которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки. Следовательно, я имею в виду не эти и подобные им империи, а те племена и народности, которые входили в состав империи, имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки. История говорит, что языки у этих племен и народностей были не классовые, а общенародные, общие для племен и народностей и понятные для них.

Конечно, были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности.

В дальнейшем, с появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка народности развились в нации, а языки народностей — в национальные языки. История говорит, что национальные языки являются не классовыми, а общенародными языками, общими для членов наций и едиными для нации.

Выше говорилось, что язык как средство общения людей в обществе одинаково обслуживает все классы общества и проявляет в этом отношении своего рода безразличие, к классам. Но люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку, Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создают «классовые» диалекты, жаргоны, салонные «языки». В литературе нередко эти диалекты и жаргоны неправильно квалифицируются как языки: «дворянский язык», «буржуазный язык», — в противоположность «пролетарскому языку», «крестьянскому языку». На этом основании, как это ни странно, некоторые наши товарищи пришли к выводу, что национальный язык есть фикция, что реально существуют лишь классовые языки.

Я думаю, что нет ничего ошибочнее такого вывода. Можно ли считать эти диалекты и жаргоны языками? Безусловно нельзя. Нельзя, во-первых, потому, что у этих диалектов и жаргонов нет своего грамматического строя и основного словарного фонда, — они заимствуют их из национального языка. Нельзя, во-вторых, потому, что диалекты и жаргоны имеют узкую сферу обращения среди членов верхушки того или иного класса и совершенно не годятся как средство общения людей для общества в целом. Что же у них имеется? У них есть: набор некоторых специфических слов, отражающих специфические вкусы аристократии или верхних слоев буржуазии; некоторое количество выражений и оборотов речи, отличающихся изысканностью, галантностью и свободных от «грубых» выражений и оборотов национального языка; наконец, некоторое количество иностранных слов. Все же основное, то есть подавляющее большинство слов и грамматический строй, взято из общенародного, национального языка. Следовательно, диалекты и жаргоны представляют ответвления от общенародного национального языка, лишённые какой-либо языковой самостоятельности и обречённые на прозябание. Думать, что диалекты и жаргоны могут развиваться в самостоятельные языки, способные вытеснить и заменить национальный язык, значит потерять историческую перспективу и сойти с позиции марксизма.

Ссылаются на Маркса, цитируют одно место из его статьи «Святой Макс», где сказано, что у буржуа есть «свой язык», что этот язык «есть продукт буржуазии», что он проникнут духом меркантилизма и купли-продажи. Этой цитатой некоторые товарищи хотят доказать, что Маркс стоял будто бы за «классовость» языка, что он отрицал существование единого национального языка. Если бы эти товарищи отнеслись к делу объективно, они должны были бы привести и другую цитату из той же статьи «Святой Макс», где Маркс, касаясь вопроса о путях образования единого национального языка, говорит о «концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией».

Следовательно, Маркс признавал необходимость единого национального языка как высшей формы, которой подчинены диалекты как низшие формы.

Что же в таком случае может представлять язык буржуа, который, по словам Маркса, «есть продукт буржуазии». Считал ли его Маркс таким же языком, как национальный язык, со своей особой языковой структурой? Мог ли он считать его таким языком? Конечно, нет! Маркс просто хотел сказать, что буржуа загадили единый национальный язык своим торгашеским лексиконом, что буржуа, стало быть, имеют свой торгашеский жаргон.

Выходит, что эти товарищи исказили позицию Маркса. А исказили ее потому, что цитировали Маркса не как марксисты, а как начетчики, не вникая в существо дела.

Ссылаются на Энгельса, цитируют из брошюры «Положение рабочего класса в

Англии» слова Энгельса о том, что «английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия», что «рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия». На основании этой цитаты? некоторые товарищи делают вывод, что Энгельс отрицал необходимость общенародного, национального языка, что он стоял, стало быть, за «классовость» языка. Правда, Энгельс говорит здесь не об языке, а о диалекте, вполне понимая, что диалект как ответвление от национального языка не может заменить национального языка. Но эти товарищи, видимо, не очень сочувствуют наличию разницы между языком и диалектом...

Очевидно, что цитата приведена не к месту, так как Энгельс говорит здесь не о «классовых языках», а главным образом о классовых идеях, представлениях, нравах, нравственных принципах, религии, политике. Совершенно правильно, что идеи, представления, нравы, нравственные принципы, религия, политика у буржуа и пролетариев прямо противоположны. Но причем здесь национальный язык или «классовость» языка? Разве наличие классовых противоречий в обществе может служить доводом в пользу «классовости» языка, или против необходимости единого национального языка? Марксизм говорит, что общность языка является одним из важнейших признаков нации, хорошо зная при этом, что внутри нации имеются классовые противоречия. Признают ли упомянутые товарищи этот марксистский тезис?

Ссылаются на Лафарга, указывая на то, что Лафарг в своей брошюре «Язык и революция» признает «классовость» языка, что он отрицает будто бы необходимость общенародного, национального языка. Это неверно. Лафарг действительно говорит о «дворянском» или «аристократическом языке» и о «жаргонах» различных слоев общества. Но эти товарищи забывают о том, что Лафарг, не интересуясь вопросом о разнице между языком и жаргоном и называя диалекты то «искусственной речью», то «жаргоном», определенно заявляет в своей брошюре, что «искусственная речь, отличающая аристократию... выделилась из языка общенародного, на котором говорили и буржуа, и ремесленники, город и деревня».

Следовательно, Лафарг признает наличие и необходимость общенародного языка, вполне понимая подчиненный характер и зависимость «аристократического языка» и других диалектов и жаргонов от общенародного языка.

Выходит, что ссылка на Лафарга бьет мимо цели.

Ссылаются на то, что в одно время в Англии английские феодалы «в течение столетий» говорили на французском языке, тогда как английский народ говорил на английском языке, что это обстоятельство является будто бы доводом в пользу «классовости» языка и против необходимости общенародного языка. Но это не довод, а анекдот какой-то. Во-первых, на французском языке говорили тогда не все феодалы, а незначительная верхушка английских феодалов при королевском дворе и в графствах. Во-вторых, они говорили не на каком-то «классовом языке», а на обыкновенном общенародном французском языке. В-третьих, как известно, это баловство французским языком исчезло потом бесследно, уступив место общенародному английскому языку. Думают ли эти товарищи, что английские феодалы «в течение столетий» объяснялись с английским народом через переводчиков, что они не пользовались английским языком, что общенародного английского языка не существовало тогда, что французский язык представлял тогда в Англии что-нибудь более серьезное, чем салонный язык, имеющий хождение лишь в узком кругу верхушки английской аристократии? Как можно на основании таких анекдотических «доводов» отрицать наличие и необходимость общенародного языка?

Русские аристократы одно время тоже баловались французским языком при царском дворе и в салонах. Они кичились тем, что, говоря по-русски, заикаются по-

французски, что они умеют говорить по-русски лишь с французским акцентом. Значит ли это, что в России не было тогда общенародного русского языка, что общенародный язык был тогда фикцией, а «классовые языки» — реальностью?

Наши товарищи допускают здесь по крайней мере две ошибки.

Первая ошибка состоит в том, что они смешивают язык с надстройкой. Они думают, что если надстройка имеет классовый характер, то и язык должен быть не общенародным, а классовым. Но я уже говорил выше, что язык и надстройка представляют два различных понятия, что марксист не может допускать их смешения.

Вторая ошибка состоит в том, что эти товарищи воспринимают противоположность интересов буржуазии и пролетариата, их ожесточенную классовую борьбу как распад общества, как разрыв всяких связей между враждебными классами. Они считают, что поскольку общество распалось и нет больше единого общества, а есть только классы, то не нужно и единого для общества языка, не нужно национального языка. Что же остается, если общество распалось и нет больше общенародного, национального языка? Остаются классы и «классовые языки». Понятно, что у каждого «классового языка» будет своя «классовая» грамматика — «пролетарская» грамматика, «буржуазная» грамматика. Правда, таких грамматик не существует в природе, но это не смущает этих товарищей: они верят, что такие грамматики появятся.

У нас были одно время «марксисты», которые утверждали, что железные дороги, оставшиеся в нашей стране после Октябрьского переворота, являются буржуазными, что не пристало нам, марксистам, пользоваться ими, что нужно их скрыть и построить новые, «пролетарские» дороги. Они получили за это прозвище «троглодитов»...

Понятно, что такой примитивно-анархический взгляд на общество, классы, язык не имеет ничего общего с марксизмом. Но он безусловно существует и продолжает жить в головах некоторых наших запутавшихся товарищей.

Конечно, неверно, что ввиду наличия ожесточенной классовой борьбы общество якобы распалось на классы, не связанные больше друг с другом экономически в одном обществе. Наоборот. Пока существует капитализм, буржуа и пролетарии будут связаны между собой всеми нитями экономики как части единого капиталистического общества. Буржуа не могут жить и обогащаться, не имея в своем распоряжении наемных рабочих,— пролетарии не могут продолжать свое существование, не нанимаясь к капиталистам. Прекращение всяких экономических связей между ними означает прекращение всякого производства, прекращение же всякого производства ведет к гибели общества, к гибели самих классов. Понятно, что ни один класс не захочет подвергнуть себя уничтожению. Поэтому классовая борьба, какая бы она ни была острая, не может привести к распаду общества. Только невежество в вопросах марксизма и полное непонимание природы языка могли подсказать некоторым нашим товарищам сказку о распаде общества, о «классовых» языках, о «классовых» грамматиках.

Ссылаются, далее, на Ленина и напоминают о том, что Ленин признавал наличие двух культур при капитализме — буржуазной и пролетарской, что лозунг национальной культуры при капитализме есть националистический лозунг. Все это верно, и Ленин здесь абсолютно прав. Но причем тут «классовость» языка? Ссылаясь на слова Ленина о двух культурах при капитализме, эти товарищи, как видно, хотят внушить читателю, что наличие двух культур в обществе — буржуазной и пролетарской — означает, что языков тоже должно быть два, так как язык связан с культурой,— следовательно, Ленин отрицает необходимость единого национального языка, следовательно, Ленин стоит за «классовые» языки. Ошибка этих товарищей состоит здесь в том, что они отождествляют и смешивают язык с культурой. Между тем культура и язык — две разные вещи. Культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же как средство общения является всегда общенародным языком, и он может

обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру. Разве это не факт, что русский, украинский, узбекский языки обслуживают ныне социалистическую культуру этих наций так же неплохо, как обслуживали они перед Октябрьским переворотом их буржуазные культуры? Значит, глубоко ошибаются эти товарищи, утверждая, что наличие двух разных культур ведет к образованию двух разных языков и к отрицанию необходимости единого языка.

Говоря о двух культурах, Ленин исходил из того именно положения, что наличие двух культур не может вести к отрицанию единого языка и образованию двух языков, что язык должен быть единый. Когда бундовцы стали обвинять Ленина в том, что он отрицает необходимость национального языка и трактует культуру как «безнациональную», Ленин, как известно, резко протестовал против этого, заявив, что он воюет против буржуазной культуры, а не против национального языка, необходимость которого он считает бесспорной. Странно, что некоторые наши товарищи поплелись по стопам бундовцев.

Что касается единого языка, необходимость которого будто бы отрицает Ленин, то следовало бы заслушать следующие слова Ленина:

«Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное его развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам».

Выходит, что уважаемые товарищи исказили взгляды Ленина.

Ссылаясь, наконец, на Сталина. Приводят цитату из Сталина о том, что «буржуазия и ее националистические партии были и остаются в этот период главной руководящей силой таких наций». Это все правильно. Буржуазия и ее националистическая партия действительно руководят буржуазной культурой, так же как пролетариат и его интернационалистическая партия руководят пролетарской культурой. Но причем тут «классовость» языка? Разве этим товарищам не известно, что национальный язык есть форма национальной культуры, что национальный язык может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру? Неужели наши товарищи не знакомы с известной формулой марксистов о том, что нынешняя русская, украинская, белорусская и другие культуры являются социалистическими по содержанию и национальными по форме, то есть по языку? Согласны ли они с этой марксистской формулой?

Ошибка наших товарищей состоит здесь в том, что они не видят разницы между культурой и языком и не понимают, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остается в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую.

Итак:

а) язык как средство общения всегда был и остается единым для общества и общим для его членов языком;

б) наличие диалектов и жаргонов не отрицает, а подтверждает наличие общенародного языка, ответвлениями которого они являются и которому они подчинены;

в) формула о «классовости» языка есть ошибочная, немарксистская формула.

Вопрос. Каковы характерные признаки языка?

Ответ. Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка.

Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе.

Обмен мыслями является постоянной и жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества, следовательно, невозможно само существование общественного производства. Следовательно, без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество прекращает производство, распадается и перестает существовать как общество. В этом смысле язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества.

Как известно, все слова, имеющиеся в языке, составляют вместе так называемый словарный состав языка. Главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живет очень долго, в продолжение веков, и дает языку базу для образования новых слов. Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык.

Однако словарный состав, взятый сам по себе, не составляет еще языка, — он скорее всего является строительным материалом для языка. Подобно тому, как строительные материалы в строительном деле не составляют здания, хотя без них и невозможно построить здание, так же и словарный состав языка не составляет самого языка, хотя без него и немислим никакой язык. Но словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слова, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер. Грамматика (морфология, синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. Следовательно, именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку.

Отличительная черта грамматики состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности, она дает правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т.п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретного как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы. Грамматика есть результат длительной абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления.

В этом отношении грамматика напоминает геометрию, которая дает свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы как тела, лишенные конкретности, и определяя отношения между ними не как конкретные отношения таких-то конкретных предметов, а как отношения тел вообще, лишенные всякой конкретности.

В отличие от надстройки, которая связана с производством не прямо, а через посредство экономики, язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека так же, как и со всякой иной деятельностью во всех без исключения сферах его работы. Поэтому словарный состав языка как наиболее чувствительный к изменениям находится в состоянии почти непрерывного изменения, при этом языку в

отличие от надстройки не приходится дожидаться ликвидации базиса, он вносит изменения в свой словарный состав до ликвидации базиса и безотносительно к состоянию базиса.

Однако словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов. Что же касается основного словарного фонда, то он сохраняется во всем основном и используется как основа словарного состава языка.

Это и понятно. Нет никакой необходимости уничтожать основной словарный фонд, если он может быть с успехом использован в течение ряда исторических периодов, не говоря уже о том, что уничтожение основного словарного фонда, накопленного в течение веков, при невозможности создать новый основной словарный фонд в течение короткого срока привело бы к параличу языка, к полному расстройству дела общения людей между собой.

Грамматический строй языка изменяется еще более медленно, чем его основной словарный фонд. Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется еще медленнее, чем основной словарный фонд. Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох.

Таким образом, грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики.

История отмечает большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции. Некоторые историки вместо того, чтобы объяснить это явление, ограничиваются удивлением. Но для удивления нет здесь каких-либо оснований. Устойчивость языка объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда. Сотни лет турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов. За этот период словарный состав балканских языков претерпел серьезные изменения, было воспринято немало турецких слов и выражений, были и «схождения» и «расхождения», однако балканские языки выстояли и выжили. Почему? Потому, что грамматический строй и основной словарный фонд этих языков в основном сохранились.

Из всего этого следует, что язык, его структуру нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукты ряда эпох.

Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык несложный, с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем.

Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждающегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка. За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми. Все это внесло еще больше изменений в язык и его развитие.

Однако было бы глубоко ошибочно думать, что развитие языка происходило так же, как развитие надстройки: путем уничтожения существующего и построения нового. На самом деле развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества.

Говорят, что теория стадийного развития языка является марксистской теорией, так как она признает необходимость внезапных взрывов как условия перехода языка от старого качества к новому. Это, конечно, неверно, ибо трудно найти что-либо марксистское в этой теории. И если теория стадийности действительно признает внезапные взрывы в истории развития языка, то тем хуже для нее. Марксизм не признает внезапных взрывов в развитии языка, внезапной смерти существующего языка и внезапного построения нового языка. Лафарг был не прав, когда он говорил о «внезапной языковой революции, совершившейся между 1789 и 1794 годами» во Франции (см. брошюру Лафарга «Язык и революция»). Никакой языковой революции, да еще внезапной, не было тогда во Франции. Конечно, за этот период словарный состав французского языка пополнился новыми словами и выражениями, выпало некоторое количество устаревших слов, изменилось смысловое значение некоторых слов — и только. Но такие изменения ни в какой мере не решают судьбу языка. Главное в языке — его грамматический строй и основной словарный фонд. Но грамматический строй и основной словарный фонд французского языка не только не исчезли в период Французской революции, а сохранились без существенных изменений, и не только сохранились, а продолжают жить и поныне в современном французском языке. Я уже не говорю о том, что для ликвидации существующего языка и построения нового национального языка («внезапная языковая революция»!) до смешного мал пяти-шестилетний срок,— для этого нужны столетия.

Марксизм считает, что переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества.

Вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, что закон перехода от старого качества к новому путем взрыва неприменим не только к истории развития языка,— он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка. Он обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов. В течение 8–10 лет мы осуществили в сельском хозяйстве нашей страны переход от буржуазного индивидуально-крестьянского строя к социалистическому, колхозному строю. Это была революция, ликвидировавшая старый буржуазный хозяйственный строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй. Однако этот переворот совершился не путем взрыва, то есть не путем свержения существующей власти и создания новой власти, а путем постепенного перехода от старого, буржуазного строя в деревне к новому. А удалось это проделать потому, что это была революция сверху, что переворот был совершен по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства.

Говорят, что многочисленные факты скрещивания языков, имевшие место в истории, дают основание предполагать, что при скрещивании происходит образование нового языка путем взрыва, путем внезапного перехода от старого качества к новому качеству. Это совершенно неверно.

Скрещивание языков нельзя рассматривать как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи.

Далее. Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает.

Следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития.

Правда, при этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счет побежденного языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его.

Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем.

Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык.

Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития.

Не может быть сомнения, что теория скрещивания не может дать чего-либо серьезного советскому языкознанию. Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит ее,— она просто не замечает или не понимает ее.

Вопрос. Правильно ли поступила «Правда», открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания?

Ответ. Правильно поступила.

В каком направлении будут решены вопросы языкознания,— это станет ясно в конце дискуссии. Но уже теперь можно сказать, что дискуссия принесла большую пользу.

Дискуссия выяснила прежде всего, что в органах языкознания как в центре, так и в республиках господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого «нового учения» в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н. Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н. Я. Марра снимались с должностей или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н. Я. Марра.

Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать.

Один из примеров: так называемый «Бакинский курс» (лекции Н. Я. Марра, читанные в Баку), забракованный и запрещенный к переизданию самим автором, был, однако, по распоряжению касты руководителей (товарищ Мещанинов называет их «учениками» Н. Я. Марра) переиздан и включен в число рекомендуемых студентам пособий без всяких оговорок. Это значит, что студентов обманули, выдав им забракованный «Курс» за полноценное пособие. Если бы я не был убежден в честности товарища Мещанинова и других деятелей языкознания, я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству.

Как могло это случиться? А случилось это потому, что аракчеевский режим, созданный в языкознании, культивирует безответственность и поощряет такие бесчинства.

Дискуссия оказалась весьма полезной прежде всего потому, что она выставила на свет божий этот аракчеевский режим и разбила его вдребезги.

Но польза дискуссии этим не исчерпывается. Дискуссия не только разбила старый режим в языкознании, но она выявила еще ту невероятную путаницу взглядов по самым важным вопросам языкознания, которая царит среди руководящих кругов этой отрасли науки. До начала дискуссии они молчали и замалчивали неблагоприятное положение в языкознании. Но после начала дискуссии стало уже невозможным молчать, — они были вынуждены выступить на страницах печати. И что же? Оказалось, что в учении Н. Я. Марра имеется целый ряд прорех, ошибок, неуточненных проблем, неразработанных положений. Спрашивается, почему об этом заговорили «ученики» Н. Я. Марра только теперь, после открытия дискуссии? Почему они не позаботились об этом раньше? Почему они в свое время не сказали об этом открыто и честно, как это подобает деятелям науки?

Признав «некоторые» ошибки Н. Я. Марра, «ученики» Н. Я. Марра, оказывается, думают, что развивать дальше языкознание можно лишь на базе «уточненной» теории Н. Я. Марра, которую они считают марксистской. Нет уж, избавьте нас от «марксизма» Н. Я. Марра. Н. Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упрощителем и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцов».

Н. Я. Марр внес в языкознание неправильную, немарксистскую формулу насчет языка как надстройки и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы развивать советское языкознание.

Н. Я. Марр внес в языкознание другую, тоже неправильную и немарксистскую формулу насчет «классовости» языка и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы, противоречащей всему ходу истории народов и языков, развивать советское языкознание.

Н. Я. Марр внес в языкознание не свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н. Я. Марра.

Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод как «идеалистический». А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов.

Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков как проявление теории «праязыка». А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка. Понятно, что теория «праязыка» не имеет к этому делу никакого отношения.

Послушать Н. Я. Марра и особенно его «учеников» — можно подумать, что до Н. Я. Марра не было никакого языкознания, что языкознание началось с появлением «нового учения» Н. Я. Марра. Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущие периоды.

Таким образом, дискуссия помогла делу также и в том отношении, что она вскрыла идеологические прорехи в советском языкознании.

Я думаю, что чем скорее освободится наше языкознание от ошибок Н. Я. Марра, тем скорее можно вывести его из кризиса, который оно переживает теперь.

Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание — таков, по-моему, путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Уважаемые читатели и авторы!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует о бодрит все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Тульского артиллерийского инженерного института, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», всех музеев Тулы и Тульской области, в редакциях общегородских газет «Тула» и «Новотульский металлург», в ИПО «Лев Толстой» и в редакциях альманахов «НЛЮ» (г. Новомосковск) и «Прикосновение» (Тула).

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

— Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);

— Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);

— Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);

— Библиотека № 4 (ул. Металлургов, 34);

— Библиотека № 5 (ул. Металлургов, 2«а»);

— Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);

— Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);

— Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);

— Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора (ТОУНБ) журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может ознакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала этого года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сайте www.medsu.tula.ru интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты» и «Завтра». Доставляется журнал и в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж).

Определенное число экземпляров (до двадцати) предназначается для организаций-учредителей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего (начального) периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедший год он увеличился втрое: от 100 до 500 экз.

В планах редколлегии на следующий год значится доведение тиража до 1000 экз., его регистрация в «Росхранкультуре», присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные, а итог просматривается вполне оптимистичным.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или e-mail. Начиная с предыдущего номера журнал уже доставляется в десять школ.

Редколлегия журнала

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Поздравляем первого заместителя главного редактора, ответственного секретаря Тульской писательской организации Союза писателей России, секретаря Правления Союза писателей России, Заслуженного работника культуры РФ, академика Петровской академии наук и искусств Виктора Федоровича Пахомова с присвоением ему звания «Почетный гражданин города-героя Тулы» и желаем ему дальнейших успехов в творчестве и в руководстве Тульской писательской организацией.

Поздравляем нашего главного редактора, профессора Алексея Афанасьевича Яшина. Международная ассоциация писателей баталистов и маринистов (Москва) удостоила его звания Лауреата Премии имени Валентина Пикуля с вручением Золотой медали — за книги прозы 2004–2006 гг.: «В час волка», «Историк и его История», «Подводная лодка «Капитан Старосельцев» и желаем дальнейших творческих успехов.

Поздравляем члена редколлегии и постоянного автора «Приокских зорь», профессора Владимира Григорьевича Сапожникова, вошедшего в число победителей Второго Международного конкурса имени Алексея Толстого художественных произведений для детей (Москва) с награждением Почетным дипломом, и желаем дальнейших творческих успехов.

В сентябрьском номере газеты «Российский писатель» — органа Союза писателей России (Москва) — под рубрикой «Тульская тетрадь» на двух полосах (стр. 14–15) представлены материалы В. Пахомова «Тула — родина моя!» и А. Яшина «Русская словесность прирастает провинцией», стихи В. Пахомова, В. Сапронова, В. Сапожникова, Н. Боева, М. Крышко, А. Лозунова, В. Киреева, Б. Голованова, А. Вишневецкого, А. Новгородского, М. Дубинского. На вопросы анкеты «РП» ответили В. Пахомов, В. Ходулин, В. Сапожников, В. Савостьянов, Н. Боев, М. Крышко и В. Киреев. В целом, «Тульская тетрадь» дает достаточно полное представление о творческом, литературном процессе в современной Туле и области. Статья А. Яшина посвящена журналу «Приокские зори». Поздравляем авторов с публикацией в официальном органе Союза писателей России.

Поздравляем Алексея Афанасьевича Яшина с публикацией в старейшем российском литературном журнале «Подъем» (Воронеж), № 8, 2007 его повести «Коммуна комиссара Гоши». Это свидетельство усилий редакции «Приокских зорь» по налаживанию творческих контактов и обмена «портфелями редакций» с другими периодическими изданиями. Сейчас мы активно сотрудничаем с «Подъемом», Независимым литературным агентством «Московский Парнас» и рядом других изданий.

Поздравляем члена редколлегии Александра Азубечировича Хадарцева с присуждением ему премии Правительства РФ в области образования за 2007 год.

Поздравляем ректора Тульского госуниверситета — соучредителя журнала — Михаила Васильевича Грязева с присуждением ему премии Правительства РФ в области образования за 2007 год.

Поздравляем нашего постоянного автора Николая Наумовича Дронова с изданием новой книги: «И смех, и слезы, и прозрень...: сатира, юмор, публицистика». — Тула: Гриф и К., 2007. — 120 с. Существенно, что это уже вторая книга автора, изданная в продолжающейся серии «Библиотека журнала «Приокские зори». Ждем продолжения.